3329
Пров. 50

Годъ сорокъ второй.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ОТДѢЛ БИБЛІОТЕКИ
1904
4.

Стр.

545. Н. Ѳ. Ѳедоровъ. Воспитатель и учитель. Статья **В. А. Кожевникова.**

555. Изъ писемъ **К. Я. Булгакова** къ его брату. 1835-й годъ.

588. Дневникъ **И. М. Снѣгирева.** 1855-й годъ.

604. Воспоминанія **Ѳ. А. Гиляроза.**

622. Два разсказа современниковъ о кончинѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны.

625. Князь Константинъ-Василій Острожскій. Статья **Ѳ. М. Уманца.**

635. Разсужденіе о войнѣ, писанное въ 1781 году. Военно-библіографическая замѣтка **М. К. Соколовскаго.**

638. Оренбургскіе архіереи былаго времени. **А. А. Титова.**

664. Изъ путевыхъ замѣтокъ преосвященнаго **Владимира** о Сѣверномъ Кавказѣ. 1886.

683. Еще отзывъ **А. С. Хомякова** о преподобномъ Серафимѣ.

685. О Лагарпѣ, наставникѣ императора Александра Павловича.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1904.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III-го. Бол. 8-ка, 202 стр. (съ указателемъ личныхъ именъ).

Своего рода удобство доставляетъ возможность издавать собираемыя историческія статьи и бумаги, не ограничиваясь срокомъ выхода ихъ въ свѣтъ, не стѣсняясь постороннимъ надзоромъ, и дѣйствовать безъ заботы о своемъ денежномъ существованіи. Въ такомъ благопріятномъ положеніи находится, къ нашей радости, „Старина и Новизна“, книги которой такъ богаты содержаніемъ и при томъ отличаются общедоступностью. Седьмая книга не уступаетъ своимъ предшественницамъ. Въ ней „Новизна“ (исключительно XIX-е столѣтіе) преобладаетъ надъ „Стариною“, которой посвящены только двѣ статьи: старинное описаніе Печерскаго монастыря (Псковской губерніи) 1586 года и большое изслѣдованіе графа С. Д. Шереметева: „Отъ Углича къ морю студеному“. Эта статья очень важна въ историческомъ отношеніи. Она раскрываетъ передъ нами цѣлую картину „Чародѣя - Сѣвера“, который имѣетъ для Россіи столь существенное значеніе и въ особенности имѣлъ оное въ то время, когда у насъ былъ только одинъ выходъ къ морю „одна, по выраженію покойнаго С. М. Соловьева, отдушина“. Въ это окно уже тогда проникали къ намъ Англичане и чуть было не захозяйничали у насъ. Статья графа Шереметева содержитъ въ себѣ любопытнѣйшіе намеки, относящіеся къ роковой гибели младенца въ Угличѣ, но собственно еще о ней не говорится. До выводовъ общихъ далеко, но уже поставлены прочныя вѣхи для дальнѣйшаго пути къ раскрытію исторической истины, и мимоходомъ сдѣланы важныя генеалогическія открытія.

Въ статьяхъ „Новизны“ любопытны разсказы В. Н. Воейковой про высылку Сперанскаго въ Нижній 17 Марта 1812 года, записанные со словъ ея супруга. Государь счелъ себя оскорбленнымъ въ томъ, что Сперанскій не доложилъ ему о предложеніи Армфельда и Балашова сообщать ему, Сперанскому, свои всеподданнѣйшіе доклады на предварительное соглашеніе и такимъ образомъ, безъ вѣдома Государя, устроить тайный правительственный тріумвиратъ, въ виду неустройствъ внутренняго управленія и надвигавшейся съ Запада военной грозы. Къ сожалѣнію ничего не сообщается о вторичной ссылкѣ Сперанскаго т. е. изъ Нижняго въ Пермь: тутъ было бы труднѣе оправдать Сперанскаго, который на ярмаркѣ въ народѣ и на завтракѣ у архіерея проповѣдывалъ о вѣротерпимости Наполеона, уже завладѣвшаго Смоленскомъ. Воспоминанія А. Я. Булгакова о графѣ Растопчинѣ любопытны, хотя и поверхностны, какъ все что онъ писалъ. Мы ждали встрѣтить въ нихъ разсказъ о томъ, какъ Булгаковъ попался было въ плѣнъ къ Французамъ. Эти воспоминанія писаны много позднѣе 1812 года; а сохранились, говорятъ, современныя его записки. Про письма И. С. Мальцова къ С. А. Соболевскому сказать можно, что прекрасно составленныя примѣчанія къ нимъ важнѣе самихъ писемъ.

(Смотри на слѣд. стр. сорочки).

3329

НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ѲЕДОРОВЪ.

III. Воспитатель и учитель *).

„Самонаблюденіе и взаимонаблюденіе, въ отличіе отъ гуманистически-философской заповѣди „познай *самого себя*!“, должны превратиться въ исполненіе заповѣди „познайте *другъ друга*!“ и послужить основаніемъ къ исполненію высшей заповѣди „*любите другъ друга*!“, въ чемъ и состоитъ сущность воспитанія“.

Мы видѣли, что, по убѣжденію Николая Ѳедоровича, музей неотдѣлимъ отъ школы: „если музеи должны быть вездѣ, гдѣ есть умирающіе, то школы должны быть вездѣ, гдѣ есть рождающіеся“. Школьный вопросъ и музейскій, слѣдовательно, только разныя стороны развитія одного и того-же общечеловѣческаго дѣла. Оттого школьный вопросъ сосредоточивалъ на себѣ вниманіе Н. Ѳ. Ѳедорова въ теченіе всей его жизни.

Онъ и практически много потрудился на педагогическомъ поприщѣ: вся первая половина его служебной дѣятельности отдана была преподавательскому труду. Съ 1854 года по 1868-й онъ былъ учителемъ исторіи и географіи въ разныхъ уѣздныхъ училищахъ: въ Липецкѣ, въ Богородскѣ, въ Угличѣ, въ Одоевѣ, въ Богородицкѣ, въ Боровскѣ и Подольскѣ. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ полвѣка тому назадъ находилось преподаваніе въ уѣздныхъ училищахъ, конечно, было трудно и даже почти невозможно развернуть свои силы оригинальному уму и широкому научному кругозору преподавателя; но что свои обязанности онъ и на этомъ посту исполнялъ усердно и добросовѣстно— это мы имѣемъ полное право думать на основаніи общихъ свойствъ его характера, а также и судя по отзывамъ его учениковъ. Есть даже поводъ предполагать, что многочисленныя перемѣщенія его по службѣ вызваны были его неумѣньемъ мириться съ такими порядками, которые оказывались несогласимыми съ его строгими взглядами на школьное дѣло. Несомнѣнно, наконецъ, и то, что непосредственное и долговременное знакомство именно съ нисшею школою существенно повліяло на его принципіальныя, общія убѣжденія въ педогагической области.

Школьный вопросъ по воззрѣнію Н. Ѳ-ча составляетъ только часть несравненно болѣе широкаго, вѣрнѣе, всеобъемлющаго вопроса о небратскомъ состояніи людей, о причинахъ вражды между ними и о средствахъ возстановленія мира въ мірѣ. Небратскія отношенія другъ къ другу и всѣ вытекающія изъ этого бѣды происходятъ оттого, что въ людяхъ утратилось сознаніе

*) См. выше, стр. 390.

и чувство естественнаго родства (какъ и почему оно утратилось—будетъ изложено ниже), тогда какъ родство есть единственное естественное начало, изъ котораго способны развиваться всѣ дальнѣйшія правильныя, здоровыя человѣческія отношенія. Богъ и природа указываютъ намъ на это. „Въ самомъ Богѣ есть родственныя отношенія, но нѣтъ гражданскихъ“: высшій изъ доступныхъ человѣческому уму образцовъ совершеннѣйшаго единенія, Пресвятая Троица, есть образецъ родственности, въ которой полная самостоятельность личности соединяется съ полною взаимностью, съ абсолютнымъ согласіемъ. Наиболѣе нравственное изъ воззрѣній на Бога, христіанское, полагаетъ въ свою основу начало родственное, начало отеческой и сыновней любви. Самъ Христосъ называетъ Себя „Сыномъ Человѣческимъ“, обозначая и людей тѣмъ же естественнымъ и почетнѣйшимъ именемъ. „Христіанство и есть *усыновленіе* отрекшихся отъ отечества и сыновства вновь Богу всѣхъ отцовъ“ „помазаніе сыновъ для уподобленія Христу въ Его дѣлѣ, для уподобленія создавшихъ смерть (чрезъ неродственныя отношенія) Тому, Кто создалъ жизнь (чрезъ исполненіе сыновняго долга). (Статья „Сынъ Человѣческій и дитя“).

Христіанство возвеличило и освятило чувство родства, какъ всеобъемлющаго начала, рождающаго всѣ нормальныя человѣческія отношенія; но оно не создало его: оно лишь возстановило это первичное, изначальное, естественное, „неистребимое влеченіе къ себѣ подобнымъ, эту неспособность отдѣлять себя отъ всѣхъ другихъ безъ чувства боли, возникающей при сознаніи чуждости и при противодѣйствіи, противоборствѣ“. (Статья „Принципъ взаимнаго влеченія, какъ отрицаніе заповѣди: познай самого себя!“). Это влеченіе къ себѣ подобнымъ и есть „всемірная любовь, для которой такъ тяжело видѣть иго и рабство, превозношеніе однихъ и униженіе другихъ“, рознь родныхъ, а чрезъ нее и гибель всѣхъ (тамъ-же).

Это совершенно затемненное и искаженное ложными понятіями и дурными страстями чувство еще живо однако въ каждомъ ребенкѣ, и здѣсь-то мы и можемъ прослѣдить его естественность и красоту. „Знаніе наше (а съ нимъ и любовь) начинается съ ближайшихъ существъ, съ матери и отца или съ тѣхъ, кто ихъ замѣняетъ, что̀ для ребенка безразлично. Расширеніе дѣтскаго знанія есть расширеніе круга родства: когда мы были малы, намъ дѣтямъ представляли всѣхъ людей какъ дядей и тетокъ, для нашего же дѣтскаго сознанія эти дяди и тетки представлялись другими отцами и матерями; мы чувствовали не столько различіе, сколько единство, такъ что во всѣхъ людяхъ мы чувствовали какъ бы одного отца, и только позднѣе, когда насъ считаютъ уже достаточно развитыми, чтобы посвятить насъ въ неродственныя отношенія, намъ начинаютъ называть чужими тѣхъ, кто казался сначала роднымъ“. Но въ этомъ противорѣчіи, почитаемомъ (къ стыду взрослыхъ) за прогрессъ, нѣтъ, къ чести для человѣчества, печальной необходимости: истинно нравственнымъ и единственнымъ спасающимъ отношеніемъ къ людямъ, превращеннымъ въ чужихъ, остается все-таки отношеніе первоначальное, дѣтское, родственное. Среди гибнущаго въ безумной враждѣ человѣчества *дитя* остается

возрождающимся воплощеніемъ всемірной любви, ясною зарею всеобщаго спасенія среди мрачныхъ тучъ раздора и ненависти. Оттого такъ и возвеличило его Христіанство. „Дитя съ распростертыми къ міру объятіями на рукахъ сходящей съ небесъ Матери и есть то евангельское дитя, которымъ былъ прежде всего самъ Сынъ Человѣческій и которое поставлено въ образецъ всѣмъ сынамъ человѣческимъ. Это опредѣленіе есть образное поясненіе и къ самому концу Евангелія; ибо чувство, вызывающее въ ребенкѣ этотъ любвеобильный жестъ (порывъ къ міру) нашло свое полное выраженіе въ послѣднихъ словахъ Евангелія: соединить всѣ народы черезъ ученіе и крещеніе“. (Статья „Поклонникамъ Васнецова и отрицателямъ 19-вѣковаго юбилея Рождества Христова“).

Итакъ, „дѣтственность есть абсолютная родственность“, и изо всѣхъ влеченій только она одна способна быть основою единства человѣческаго рода. Только проникнувшись этимъ святымъ чувствомъ, только ставши (по словамъ Христа) „какъ евангельское дитя“, окажутся и совершеннолѣтніе способными воспротивиться чуждости, сохранить единство. (Статья „Принципъ взаимнаго влеченія“). „Если не будемъ, какъ дѣти, мы будемъ осуждены на вымираніе; если же будемъ, какъ дѣти, то есть сохранимъ жизнь цѣльную, неповрежденную, непорочную, удѣломъ нашимъ станетъ безусловная жизненность. По этому долгоденствіе въ Ветхомъ Завѣтѣ и безсмертіе въ Новомъ не есть награда за любовь, а естественное слѣдствіе“ (Статья „Всеобщая обязанность Востока и Китай“). „Вопросъ о родствѣ не искусственный, а естественный; его нѣтъ надобности поднимать: онъ самъ себя открываетъ и остается открытымъ отъ начала человѣка, даже отъ начала міра. Это вопросъ неотвязчивый, не терпящій ограниченія: неродственность неминуемо превращается во враждебность. Если мы пожелаемъ ограничить кругъ родства семьею, то отъ этого чуждая намъ неродственная сила, слѣпая, стихійная природа, не исчезнетъ, да и семья не представляетъ для нея неприступной крѣпости: она проникаетъ и внутрь семей, поднимаетъ сыновъ на отцовъ, вооружаетъ брата противъ брата...; а потому нужно или вовсе отречься отъ родства или же признать его всемірность и притомъ, въ строгомъ смыслѣ, не ограничивая се только настоящимъ, а признавая свой родственный долгъ и по отношенію къ прошедшему, къ тому, „чего нѣтъ“, по выраженію современнаго человѣка, то есть къ тѣмъ, которые были и которыхъ современные Каины не считаютъ себя обязанными беречь, тогда какъ для сыновъ человѣческихъ, вѣрныхъ Завѣту Христа „будьте какъ дѣти!“, отказаться отъ долга къ прошедшему, къ отцамъ, значитъ отказаться и отъ братства, отъ родственныхъ отношеній вообще (Статья „Сыны и дочери“).

Всякую другую основу солидарности и единства между людьми, по мнѣнію Н. Ѳ –ча, надо признать искусственною и потому безсильною, не достигающею цѣли. Такъ, прежде всего, нельзя полагать въ основу и въ охрану всемірнаго единства и согласія влеченіе половое, ибо оно *въ этомъ отношеніи* не можетъ быть признано за первоначальное; наоборотъ, элементъ соревно-

ванія, борьбы, вражды и исключительности присущъ этому влеченію, съ демонически-страстною силою; едва оздоровленная въ родителяхъ появленіемъ чувства материнскаго и отцовскаго, эта сила возраждается въ дѣтяхъ, искажая ихъ первоначальныя сыновнія и дочернія отношенія къ родителямъ, заставляя изъ-за чувственности забывать основное чувство.

Съ другой стороны нельзя создать всемірнаго братства и на отвлеченномъ понятіи человѣчности, на началѣ гуманистическомъ. Гуманизмъ, признавая во 1) за людьми что-то общее и называя иногда это нѣчто даже родственностью и братствомъ, въ тоже время тщательно скрываетъ сыновство; а во 2) признавая жизнь, онъ маскируетъ смерть, старается забыть ее, помочь забыть ее, или, вѣрнѣе, сыновній долгъ, вызываемый смертью по отношенію къ отцамъ. Подъ неопредѣленнымъ словомъ „человѣкъ“ скрыто первоначальное его названіе „сынъ человѣческій“ и „смертный“; а вмѣстѣ съ тѣмъ затемнены *смыслъ и цѣль жизни: борьба со смертью, завоеваніе безсмертія и возстановленіе жизни.* „Старательно прикрывъ долгъ жизни, гуманизмъ даетъ людямъ право на наслажденіе жизнью; забывая о священномъ „Memento mori!“, поощряетъ къ легкомысленному „Memento vivere!“ (Статья„ Размаскированіе гуманизма, деизма, атеизма и философіи вообще, то есть секуляризма“). „Гуманизмъ (упрощенная, облегченная нравственность) въ связи съ деизмомъ (укороченной и облегченной религіей) — это начало секуляризаціи, минимумъ религіи; гуманизмъ же въ союзѣ съ атеизмомъ: это ея полное отрицаніе, максимумъ невѣрія“ (тамъ же). Но и въ нравственномъ отношеніи гуманистическимъ понятіемъ о „человѣкѣ“, которому будто бы „ничто человѣческое не должно быть чуждо“, искажается и постепенно искореняется чистое начало дѣтственности: вмѣсто сосредоточенія на укрѣпленіи и развитіи родственнаго, сыновняго чувства, приводящаго ко всемірной любви, „гуманизмъ требуетъ сохраненія всѣхъ слабостей человѣка, не исключая и его животности, требуетъ даже увеличенія ихъ, выражая это въ неопредѣленной формѣ развитія *всѣхъ* силъ и способностей“. (Статья „Къ пасхальнымъ вопросамъ“).

Цѣлью этого стремленія и его результатомъ является столь желательное съ точки зрѣнія гуманизма всестороннее и наибольшее развитіе личности, которое однако могло бы быть цѣльнымъ и здоровымъ тогда только, когда оно приводило бы людей къ согласію и единству. Къ сожалѣнію, оно идетъ пока на пользу усиленія индивидуальности, а не солидарности, влечетъ не къ сближенію и общенію, а къ обособленію. Гуманистическая, секулярная этика и педагогика стремятся создать автономнаго, самодовлѣющаго субъекта, ради полноправія, вѣрнѣе произвола и всесилія или насилія котораго отринуто все остальное“ (М. Штирнеръ и Ницше).

Въ этихъ усиліяхъ свѣтская этика и педагогика опираются на индивидуалистическую, секулярную философію, исходящую изъ древняго правила „познай самого себя!“ и новаго, Декартова „cogito ergo sum“. Но „познай самого себя!“, понимаемое въ смыслѣ „преимущественно себя“, неизбѣжно вы-

ражается въ отвлеченное „познай только себя!“ (Кантъ, Фихте) и въ практическое „знай только себя!“ (Штирнеръ, Ницше). Ничуть не надежнѣе краеугольный камень мудрости „отца новой философіи“ (Декарта): „только выдѣляя, изолируя себя отъ другихъ, мы можемъ сказать: „мыслю, чувствую, желаю, дѣйствую, ergo существую (Декартъ же не требовалъ даже полноты и единичныхъ силъ и способностей для обоснованія всей мудрости, довольствуясь однимъ мышленіемъ и тѣмъ полагая начало изолированію философіи отъ жизни). Въ этомъ выдѣленіи субъекта и его жизненныхъ функцій отъ остальныхъ людей, въ этомъ противопоставленіи его имъ и всему міру дано уже принципіальное не только оправданіе неродственности, но и узаконеніе розни; тогда какъ для сознанія, еще не утратившаго чувства родственнаго единства съ себѣ подобными, философское обоснованіе своего личнаго бытія мыслимо не иначе, какъ въ формѣ *сосуществованія*: я со-знаю, я со-чувствую, я со-болѣзную, со-радуюсь, со-дѣйствую, „ergo со-существую“ (Статья „Принципъ взаимнаго влеченія, какъ отрицаніе заповѣди „познай самого себя“).

Гуманизмъ такимъ образомъ есть фальсификація родства: братство безъ отечества или съ отреченіемъ отъ отцовъ и есть извращеніе родства, вытѣсненіе отцовъ сынами, хамитизмъ, превращеніе изъ сыновъ человѣческихъ въ блудныхъ сыновъ, забывшихъ отцовъ. „Блужданіе въ мысли и есть философія; блужданіе же на дѣлѣ есть исторія, какъ взаимное истребленіе, или исторія, какою она была и есть, но не та, которою она должна быть“ (тамъ же). Наоборотъ, „отреченіе отъ гуманизма, какъ фальсификаціи родства“, есть первый шагъ къ спасенію отъ культуры, то-есть отъ искусственнаго, насильственно вызваннаго склада жизни, ведущаго къ вырожденію человѣческой природы и къ истощенію природы вообще; это отреченіе есть сознаніе недостаточности цивилизаціи не въ смыслѣ просвѣщенія, а поскольку она есть гражданственность, а не братство. Это сознаніе недостаточности и прогресса не въ смыслѣ совершенствованія, а по скольку онъ умышленно или невольно оказывается оправданіемъ и даже поощреніемъ разлада сыновъ съ отцами, забвенія первыми вторыхъ или пренебрежительнаго, либо враждебнаго отношенія послѣдующихъ поколѣній къ предыдущимъ. (Статьи „гуманизмъ и хамитизмъ“ и „О зломъ хамитизмѣ, какъ болѣзни нашего вѣка“).

Въ противоположность всему этому, задача воспитанія состоитъ въ возстановленіи чувствъ и отношеній родственныхъ, сыновнихъ, а чрезъ нихъ и братскихъ, между людьми, ставшими другъ другу чужими. Въ основу свою, слѣдовательно, воспитаніе полагаетъ не біологическое, а антропологическое начало, не гражданско-юридическое и экономическое, а этическое, не отвлеченно и неопредѣленно гуманистическое, а простѣйшее, естественное, всѣмъ извѣстное, каждому понятное,—родственное. Естественное воспитаніе не создаетъ какого-то искусственнаго человѣка, какъ и не придумываетъ, не сочиняетъ новаго порядка для общежитія; „задача воспитанія и его методъ гевристическіе, возстановительные“: они возрождаютъ ту родственную любовь, ко-

торая въ каждой семьѣ, не обратившейся въ уродство, есть изначала, и расширяютъ ее до размѣровъ любви народной, международной, всемірной.

Съ торжествомъ этого чувства должны сами собою пасть несовершенные типы общежитія: военный, юридическій, экономическій. Первый есть очевидное, нескрываемое, грубое искаженіе начала родства; въ немъ вся дѣятельность сводится на нападеніе и защиту. И однако этотъ строй еще имѣетъ выходъ въ благотворную сторону, если ему, какъ увидимъ ниже, даны будутъ должное направленіе и цѣль, то-есть, если воинственная энергія, нападеніе, борьба и защита, будутъ примѣняться не къ себѣ подобнымъ, не къ родственнымъ намъ существамъ, а къ неродственнымъ, враждебнымъ намъ, слѣпымъ, разрушительнымъ силамъ природы для защиты отъ нихъ, для борьбы съ ними и для побѣды надъ ними посредствомъ разумной регуляціи. Юридическій же типъ общества, не смотря на свою кажущуюся благопристойность, въ сущности ничуть не лучше военнаго, отъ котораго онъ разнится только болѣе замаскированными формами раздора и вражды. „Юридическіе памятники небратскихъ отношеній: закладныя, купчія крѣпости, неустоечныя записи, сохранныя росписки, заемныя письма, векселя и вообще всякіе крѣпостные, явочные и домашніе акты имѣютъ тотъ же самый смыслъ, что̀ и крѣпостныя стѣны, окопы, рвы, заставы, рогатки и всякія другія преграды и ограды; только наши современные спутники раздора и эгоизма проникли даже внутрь семьи: они не останавливаются уже и передъ стѣнами родного дома, какъ это было прежде. Потомки будутъ, конечно, дивиться, какъ могли даже самые близкіе родственники ограждаться другъ отъ друга рядными записями, раздѣльными отказными и другими актами“, свидѣтельствующими о малой любви и о большой подозрительности.

Съ другой стороны не трудно показать превосходство нравственнаго порядка и надъ экономическимъ, или же, лучше сказать, ихъ полную противоположность. „Промышленный типъ общества (по убѣжденію Н. Ѳ.) это уже не искаженіе родства, а совершенное его отрицаніе; общая дѣятельность въ немъ если и допускается, то лишь какъ неизбѣжное зло, „лишь какъ необходимость для сдерживанія частныхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ въ должныхъ границахъ“ (Спенсеръ). Въ противоположность этому порядку, отличительная черта семьи (конечно, не искаженной) есть отсутствіе въ ней какъ юридическихъ, такъ и торговопромышленныхъ отношеній. Такъ по крайней мѣрѣ должно бы быть; на самомъ же дѣлѣ внѣ-семейная жизнь вноситъ свою заразу и въ семью; семьи по отношенію другъ къ другу являются уже не нравственными, не родственными лицами, а юридическими, а потому и дѣти, выступая изъ семей, относятся другъ къ другу какъ чужіе“.

„На проявленіе этой-то чуждости и должно обратить вниманіе воспитанія и особенно на чуждость и вражду, вызываемыя вещью, то-есть экономическими отношеніями. Поводовъ къ тому встрѣтится весьма много даже и въ школѣ... Нельзя, конечно, требовать или приказывать, чтобы ученики не счи-

гались между собою по отношенію къ вещамъ; но можно и должно при каждомъ удобномъ случаѣ указывать имъ, что ссориться изъ за вещей унизительно, что это измѣна христіанству, отечеству и братству. Вся исторія, какъ извращеніе родственнаго союза въ юридическій, есть результатъ именно такой измѣны христіанству, измѣны торгашеской, вызванной приманкою наживы. Недостаточно, слѣдовательно, запрещать торговыя отношенія въ школѣ какъ неумѣстныя; они недопустимы въ ней какъ нарушеніе святости школы, ибо она—храмъ только родственныхъ, только сыновнихъ и братскихъ чувствъ, и задача ея въ томъ и состоитъ, чтобы юридическія и экономическія отношенія измѣнить въ родственныя".

Какою бы скептическаго улыбкою ни встрѣчали люди такъ называемаго „дѣловаго" склада эти мысли, имъ невозможно отказать не только въ благородной красотѣ, но и въ нравственной убѣдительности. Исполнимыми же казались они Николаю Ѳедоровичу, благодаря его возвышенному взгляду на призваніе и обязанности родителей и учителя по отношенію къ школѣ. Школа не можетъ обойтись безъ самаго близкаго участія родителей, которые должны пожертвовать своими матеріальными благами для блага дѣтей. „Забота о пріобрѣтеніи богатства въ ущербъ непосредственной заботѣ о дѣтяхъ есть порокъ, обыкновенно признаваемый терпимымъ, а иными возведенный даже въ добродѣтель; на самомъ же дѣлѣ это глубокое паденіе, ересь основная, отчуждающая сына отъ отца, ересь Аріанская, разрушающая божественное единство... Наоборотъ, чѣмъ полнѣе будутъ родители объединяться въ общемъ благѣ воспитанія своихъ дѣтей, тѣмъ успѣшнѣе будетъ достигаться и объединеніе воспитанниковъ. Съ другой стороны, близкое и все возрастающее участіе родителей въ дѣлѣ воспитанія будетъ вліять образовательно и на самихъ отцовъ, будетъ дѣлать изъ нихъ одного отца. Торговыя, юридическія, гражданскія отношенія уступятъ мѣсто новымъ отношеніямъ безкорыстнымъ, душевнымъ, и такая замѣна станетъ началомъ прогрессивнымъ, началомъ союза душъ, *психократіи*. Въ тихой радости, которой міръ не можетъ дать и возможной только при всеобщемъ согласіи, нельзя будетъ не признать дѣйствія обѣщаннаго Христомъ Духа-Утѣшителя".

Воспитательная задача учителя по существу ничѣмъ не отличается отъ родительской: для учителя его воспитанники тѣже сыновья; добровольно усыновляетъ онъ ихъ, по любви къ нимъ, ради спасенія ихъ. Оттого и вся дѣятельность его получаетъ характеръ подвига искупительнаго. При существующемъ даже въ школѣ преобладаніи юридическаго строя надъ нравственнымъ, учитель поставленъ въ печальную необходимость ограждать началомъ обязательнымъ, закономъ, правилами то, что должно бы всегда вытекать изъ начала нравственнаго, изъ добровольнаго исполненія долга. Обязательныя правила для ученія, принудительныя для поведенія, къ несчастью, пока остаются неизбѣжными; „но на обязанности учителя лежитъ объяснять ученикамъ, что законъ, по выраженію истинно божественно-вдохновенному, „преступленія ради приложися"; что примѣненіе закона, то-есть принужденіе во имя его, есть,

собственно говоря, злое дѣло; потому-то и нужно избѣгать всего, что̀ можетъ вынудить примѣненіе закона. Можно быть увѣреннымъ, что дѣти, если они не совершенно уже испорчены, легко поймутъ, что суровый, неумолимый законъ, по которому нельзя ни просить прощенія, ни прощать, не есть благо, и что отношенія дѣтей къ матери, къ отцу, а братьевъ между собою выше и чище отношеній между взрослыми, отношеній гражданскихъ“... „Единственное средство у учителя смягчить суровость закона—это самому добровольно подвергнуться одной съ провинившимся участи, принимая, такъ сказать, на себя грѣхъ, зависѣвшій, быть можетъ, отъ врожденнаго недостатка способностей ученика. Въ такомъ дѣйствіи учителя есть нѣчто подобное дѣлу самого Спасителя, Христа-Искупителя, хотя, строго говоря, учитель никогда не можетъ считать себя совершенно невиннымъ въ неуспѣшности и даже въ дурномъ поведеніи учащихся. Постепенно противопоставляя юридическому нравственное, учитель будетъ вести воспитанниковъ путемъ, которымъ должны слѣдовать и взрослые, вся будущая исторія, если она изъ слѣпого, неразумнаго хода событій превратится въ сознательное и нравственное дѣяніе“.

„Подобнымъ же образомъ можно убѣждать дѣтей и въ превосходствѣ нравственнаго порядка надъ экономическимъ. Нельзя, конечно, вполнѣ оградить школу отъ вторженій въ нее послѣдняго; нельзя дѣйствовать принудительно и въ томъ случаѣ, когда учащіеся болѣе состоятельные не хотятъ подѣлиться съ нуждающимися товарищами или одолжить ихъ; но въ этомъ случаѣ учитель можетъ устыдить нежалостливаго воспитанника, подаривъ нуждающемуся то, въ чемъ отказалъ ему товарищъ, наглядно такимъ образомъ подтверждая, что задача воспитанія состоитъ въ замѣнѣ торговыхъ отношеній подственными. Если же учитель неспособенъ поступиться вещью для дѣтей, въ акомъ случаѣ онъ недостоинъ и быть учителемъ: учитель добрый душу свою олагаетъ за дѣтей“.

И что такой учитель возможенъ, это Н. Ѳ. доказалъ своимъ собственнымъ примѣромъ. Намъ извѣстны не только благодарныя воспоминанія о немъ его бывшихъ учениковъ, но и едва ли часто встрѣчающійся случай, когда одинъ изъ таковыхъ, не видавшій его многіе годы послѣ окончанія школы, самъ уже въ немолодомъ возрастѣ, въ тяжелую минуту жизни, въ поискахъ не за матеріальною, а за нравственною помощью, не нашелъ ничего лучшаго, какъ издалека обратиться къ нему за важнымъ совѣтомъ исключительно подъ вліяніемъ ранніхъ впечатлѣній о немъ, какъ о совершенномъ наставникѣ. Мы имѣемъ поводы думать также, что частыя перемѣны мѣстъ службы Николаемъ Ѳедоровичемъ въ училищахъ вызываемы были невозможностью, по окружавшимъ его обстоятельствамъ, исполнять свой долгъ учителя съ тою идеальною строгостью, которую онъ считалъ необходимою. Намъ извѣстны случаи мужественной защиты имъ учениковъ передъ начальствомъ, введеннымъ въ заблужденіе, и притомъ съ рискомъ самому лишиться мѣста. А до какой степени онъ готовъ былъ примѣнять къ себѣ правило всѣмъ дѣлиться съ нуждающимся ученикомъ, доказываетъ слѣдующій примѣръ. Узнавъ, что у одного изъ

бѣдныхъ учениковъ боленъ отецъ, а денегъ на леченіе не хватаетъ, Н. Ѳ. отдалъ ученику для этого дѣла всѣ свои деньги; когда же больной умеръ и не на что было хоронить его, Н. Ѳ. продалъ свой вицмундиръ, выручку отдалъ ученику - сиротѣ, а самъ явился на урокъ въ настолько ветхой одеждѣ, что случившійся какъ нарочно въ этотъ день въ школѣ пріѣзжій начальникъ былъ изумленъ невозможнымъ костюмомъ преподавателя, и когда тотъ отказался объяснить причину своей кажущейся неряшливости, предложилъ ему выйти въ отставку, на что Н. Ѳ. охотно согласился бы, если бы директоръ училища не поспѣшилъ разъяснить начальству особыя свойства страннаго преподавателя.

Впрочемъ, даже и этотъ идеалистъ педагогики былъ убѣжденъ, что усилія родителей и учителей останутся малоуспѣшными, если имъ не будутъ помогать сами воспитанники: сумѣть привлечь къ задачамъ воспитанія самихъ воспитываемыхъ—вотъ въ чемъ главная тайна педагогическаго дарованія. Практически это сводится на вопросъ о школьной дисциплинѣ. Что-же такое школьная дисциплина? Обыкновенно она понимается въ смыслѣ точнаго исполненія установляемыхъ правилъ, и нельзя отрицать необходимости даже этой внѣшней, поверхностной, искусственной дисциплины до тѣхъ поръ, пока въ общественной жизни юридическое преобладаетъ надъ нравственнымъ. Поэтому школа должна непремѣнно дать учащимся полное понятіе какъ о законѣ Божіемъ, такъ и о законѣ гражданскомъ. Но опредѣленіе закона, которое въ настоящее время дается въ школѣ, остается совершенно отвлеченнымъ, для большинства непонятнымъ и почти для всѣхъ не оказывающимъ никакого вліянія на поведеніе. Въ остроумной статьѣ „Аттестатъ или пятерка изъ поведенія“ Н. Ѳ. показываетъ безплодность даже точнаго послѣдованія правиламъ дисциплины, если она ограничивается однимъ внѣшнимъ и механическимъ ихъ выполненіемъ. Наружная дисциплина получаетъ цѣну тогда лишь, когда становится пособіемъ внутренней, средствомъ развитія того сообщества душъ, той „*психократіи*“, созданіе которой и составляетъ назначеніе школы. „Когда ближайшею задачею послѣдней будетъ раскрытіе способностей и характеровъ учащихся, то-есть опредѣленіе, въ чемъ и съ кѣмъ изъ людей каждый можетъ служить въ общемъ дѣлѣ: тогда отмѣтки о поведеніи и объ успѣхахъ будутъ выраженіемъ наблюденій наставника, а дисциплина низшая, внѣшняя, устанавливающая отношенія юридическія, и высшая, опредѣляющая отношенія нравственныя, вводящая согласіе учащихся другъ съ другомъ и съ наставниками, станутъ для руководителей школы опытнымъ средствомъ психологическаго изслѣдованія воспитанниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показателемъ степени пониманія и усвоенія внѣшняго и внутренняго закона. Другимъ, не менѣе важнымъ вспомогательнымъ средствомъ къ тому же будутъ ученическія замѣтки и сочиненія. Обученіе словесности имѣетъ между прочимъ цѣлью дать возможность и привить умѣнье письменно отмѣчать замѣченное въ себѣ, сообразно съ классификаціей чувствъ, желаній и вообще эмоцій, признанной за наиболѣе полную и удобную. Отмѣтки эти составили бы несомнѣнно научное пріобрѣтеніе, какъ наблюденіе надъ развитіемъ множества юныхъ душъ; въ

нравственномъ же отношеніи онѣ получили бы высокое значеніе исповѣди, которая, какъ таковая, должна носить самый священный характеръ, отличаться совершенною правдивостью, какъ матеріалъ для созданія будущаго общества, для вступленія каждаго въ Церковь. Исповѣдь же эта, ставши въ школѣ общественною, общеизвѣстною, окажется для соучениковъ средствомъ взаимознанія, а черезъ это получится возможность и къ раціональной группировкѣ ихъ, по мѣрѣ накопленія данныхъ психологическихъ, физіологическихъ и патологическихъ, такъ какъ даже и болѣзненныя свойства каждаго должны быть непремѣнно принимаемы въ расчетъ. Такимъ образомъ самонаблюденіе и взаимонаблюденіе, въ отличіе отъ гуманистически-философской заповѣди „познай самого себя!“ (то-есть только или преимущественно одного себя), превратятся въ исполненіе заповѣди „познайте другъ друга!“ и послужатъ основаніемъ къ исполненію высшей заповѣди „любите другъ друга!“, въ чемъ и состоитъ сущность внутренней дисциплины“.

Соединенное съ воспитаніемъ и обученіемъ всестороннее изслѣдованіе воспитанниковъ ими самими и наставниками не ограничитъ благодѣтельнаго вліянія своего предѣлами школы; оно перенесетъ его и на послѣдующую за школьнымъ возрастомъ жизнь; оно поможетъ создать объединеніе различныхъ функцій человѣческихъ организмовъ въ такой степени, чтобы каждое занятіе человѣка требовало и достигало участія и взаимодѣйствія всѣхъ способностей его ума, сердца и воли, безъ чего субъектъ бываетъ вынужденъ искать или другихъ занятій, слѣдовательно, раздѣляться и ослаблять свою энергію, или же искать развлеченія. Только этимъ способомъ можемъ мы надѣяться устранить въ будущемъ то раздѣленіе науки и практической дѣятельности, благодаря коему современная жизнь слагается въ бездушное общество обособленныхъ спеціалистовъ, между которыми нѣтъ внутренней связи и у которыхъ степень ихъ преданности своей спеціальности пропорціональна степени ихъ отчужденія другъ отъ друга и взаимнаго непониманія. Противоположность бездушному и безсердечному обществу и составляетъ психократія, образующаяся изъ союза отцовъ и сыновъ, а слѣдовательно и братьевъ.

Таковы главныя мысли Николая Ѳедоровича о воспитаніи. Мы видимъ что въ основу ихъ положены великія начала родственности и добровольности; все внѣшнее уступаетъ мѣсто внутреннему, все искусственное—естественному, все принудительное—свободному нравственному влеченію, все разрозненное и обособленное—соединенному и объединенному въ формѣ полнаго, высшаго, полюбовнаго согласія. На тѣхъ же началахъ основаны и его проекты всеобщаго образованія: въ нихъ учитель остался въ совершенной гармоніи съ воспитателемъ.

Вл. Кожевниковъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КОНСТАНТИНА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ.

1835-й годъ *).

С.-Петербургъ, 2 Генваря 1835.

Я былъ вчера въ маскарадѣ. Мнѣ кажется, никогда не было столько народа, по крайней мѣрѣ меня никогда такъ не давили и мнѣ никогда не было такъ жарко. Но все это для меня ничего въ сравненіи съ пріятностію, которую нахожу я всегда въ столь истинно-національномъ праздникѣ, гдѣ подлинно не наглядятся, не нарадуются дѣти на своего ангельскаго отца. Ужинали въ Эрмитажѣ, но не въ театрѣ. Въ Зимнемъ саду, устроенномъ Китайскою палаткою и украшенномъ деревьями и цвѣтами, ужинала Императрица съ послами; тамъ черезъ большое стекло былъ виденъ тотъ садъ, что̀ на терассѣ и который былъ освѣщенъ à la kiaking. Подлинно, прелестно. Государь очень милостиво благодарилъ меня за календари, а Императрица также, когда мы утромъ подходили къ рукѣ. Меня такъ однажды стиснули, что хоть кричать: тутъ одинъ купецъ говоритъ мнѣ: ваше превосходительство потеряли орденъ! и отдалъ мнѣ крестъ Бѣлаго Орла. Я его поблагодарилъ; по выходѣ изъ толпы вижу, что мой крестъ вситъ цѣлъ, а онъ мнѣ далъ крестъ другого кавалера. Теперь надобно отыскивать, кто потерялъ, между тѣмъ я съ прибылью домой воротился. Мордвиновъ, который у гр. Бенкендорфа, сдѣланъ статсъ-секретаремъ.

*

С.-Петербургъ, 4 Генваря 1835.

Ну ужъ о пилильщикахъ мнѣ не говори! Я думалъ, они со всего свѣта собрались ко мнѣ. Иногда подлинно, какъ я ни терпѣливъ, но сбѣсятъ. Вотъ уже недѣля, что я не могъ шагу сдѣлать для прогулки и даже въ саняхъ проѣхаться; вчера, только что собрался въ половинѣ четвертаго, одинъ пилильщикъ какъ тутъ; долженъ былъ съ улыбкою принять, а онъ взялъ это за чистыя деньги, продержалъ меня до обѣда.

*) См. выше, стр. 407.

Тоска да и только! Бехтеевъ опять отравился въ Франкфуртъ; добрый малый, а иногда скучненекъ avec ses importances. Отъ Киселева получилъ два письма. Онъ очень доволенъ назначеніемъ своимъ въ члены совѣта. Только все просится въ чужіе края, а это мнѣ не нравится.

*

С.-Петербургъ, 5 Генваря 1835.

Ну ужъ не понимаю, какъ ты находишь время лѣпить ящички для конфектовъ, я такъ не могу найти минуты отвѣчать на многія письма, лежащія передо мной и на совѣсти. Я вчера длинное письмо написалъ къ Киселеву; зову его сюда, а онъ все думаетъ ѣхать прямо изъ деревни къ водамъ въ чужіе края, если отпустятъ. Надѣюсь, что онъ меня послушается; иначе пожалуй опять заговорятъ Богъ знаетъ что о немъ.

*

С.-Петербургъ, 12 Генваря 1835.

Вчера мы съ Манычаромъ поѣхали къ доброму Ламздорфу. Входя къ нему, я испугался, найдя его въ ужасномъ смущеніи, лица на немъ не было; но скоро узнали мы причину: онъ накапунѣ лишился своей матери. Съ нею сдѣлался ударъ въ то самое время, когда она велѣла запрячь карету, чтобы къ нему ѣхать, и столь сильный, что тутъ же и скончалась. Охъ, тяжело этому страдальцу! Недавно онъ лишился сестры, теперь матери, которую нѣжно любилъ.

*

С.-Петербургъ, 18 Генваря 1835.

Вчера утромъ ѣздили мы поздравлять кн. Наталью Петровну, гдѣ нашли весь городъ. Дай Богъ доброй старушкѣ еще нѣсколько лѣтъ прожить. Я нашелъ ее довольно бодрою; только, кажется, глаза слабѣютъ: не узнаетъ вдругъ, надобно ей всѣхъ называть. На лѣстницѣ встрѣтили великую княгиню, которая очень благодарила меня за календари. Вверху нашелъ я и нашего и вашего кн. Голицына. Вашъ не перемѣнился, также все милъ и обходителенъ. Ему хочется недѣлѣ черезъ три опять къ вамъ возвратиться и пріѣхать сюда въ Апрѣлѣ съ княгинею. Я пересказалъ Горголію твое порученіе. Ему очень хочется, чтобы въ Москвѣ завелся jeu de paume; только я весьма сомнѣваюсь. Здѣсь есть нѣсколько игроковъ и даже страстные охотники; будутъ ли они у васъ?

*

С.-Петербургъ, 24 Генваря 1835.

На дняхъ ты получишь отъ меня подарокъ, подарокъ прекрасный. Я перешлю его черезъ Серапина, а то боюсь, чтобы по почтѣ не разбили. Изъ того же самаго камня, изъ котораго сдѣлана колонна, Перов-

скій велѣлъ сдѣлать модель ея въ маленькомъ видѣ, но сохраняя всѣ пропорціи, такъ что ты будешь имѣть полное понятіе о семъ чудѣ. Тутъ поставленъ часовой изъ дворцовыхъ гренадеръ; его величина въ соразмѣрности съ колонною, и по немъ можешь измѣрить ея высоту, а въ немъ съ шапкою будетъ аршина три. Модель ея тѣмъ драгоцѣннѣе, что сдѣлана, какъ я сказалъ тебѣ, изъ отломка того же камня.

*

С.-Петербургъ, 25 Генваря 1835.

Мнѣ утромъ въ Воскресенье предстоятъ похороны добраго Шперлинга, и въ той же залѣ Петропавловской школы будутъ отпѣвать, гдѣ мы нѣкогда танцовать учились и въ которой я съ тѣхъ поръ не былъ; стало, съ 1797 года. Я люблю иногда гуляя заходить на кирочный дворъ, проходить сѣни, заглядывать въ классы и смотрѣть, какъ школьники черезъ 40 лѣтъ также играютъ въ чурки, ѣздятъ на салазкахъ, какъ бывало въ наше время, а чуть звонятъ, въ классы или выбѣгаютъ изъ классовъ опрометью. Гдѣ эти беззаботныя лѣта!

*

С.-Петербургъ, 28 Генваря 1835.

Ну ужъ дѣти навеселились третьяго дня. Многіе вчера въ Эрмитажѣ мнѣ ихъ хвалили, не знаю искренно ли или нѣтъ, хотя впрочемъ нѣтъ, кажется, причины мнѣ льстить; но дѣло въ томъ, что они точно не дурны, ловки и хорошо воспитаны. Когда они возвратились съ балу въ 12 часовъ, то у насъ нашли славное пѣніе. Вчера утромъ былъ я на похоронахъ въ той же залѣ, въ которой мы танцовали и гдѣ бывали экзамены. Ничего не перемѣнилось и даже печи тѣже и потолки. Тутъ нашелъ я добраго Вейза; очень ужъ старъ, но перемѣнъ въ немъ не много. Онъ мнѣ сказывалъ, что печи съ 1764 г., и ни разу ихъ не починяли. Теперь не такъ строятъ. Послѣ проводилъ покойника пѣшкомъ до Невскаго проспекта и въ каретѣ до Анничкова моста, но на Волково кладбище не поѣхалъ, опасаясь простуды: время было скверное, вьюга и сырость. Боюсь, чтобы усердные чиновники, особливо несшіе ордена, не занемогли. Я имъ велѣлъ однакоже тотчасъ надѣть шинели. Много очень было, и парадъ хоть куда. Остается бѣдная вдова, долги и трое дѣтей. Подумаю, какъ ей помочь. У насъ умеръ также Царскосельскій почтмейстеръ Болдыревъ. Жаль его, старый и хорошій былъ слуга. Ты его долженъ знать. Онъ прежде былъ у меня дежурнымъ вверху. Также осталось семейство.

Великій Князь прислалъ просить опредѣлить въ Царское Село почтмейстеромъ выпущеннаго изъ фельдъегерей Непорожнева. Какъ

имянинникy [1]) отказать? Его кліентъ былъ нѣкогда и при мнѣ еще почталіономъ, очень хорошаго поведенія; такъ оно и кстати.

Того и смотри, что Иванъ Лазаревъ опять женится; онъ былъ такъ счастливъ, что у другого бы отбило охоту, но за него не ручаюсь. Вотъ бы ему жениться на Лизанькѣ [2])!

*

С.-Петербургъ, 31 Генваря 1835.

Вчера была свадьба сына адмирала Гейдена, фл.-адъютанта, съ фрейлиной Храповицкою, дочерью губернатора. Она очень мила, одна изъ моихъ фаворитокъ, и онъ ловкій малый. Дай Богъ имъ житьсчастливо.

Сегодня у насъ совѣтъ, въ первый разъ будетъ новый производитель дѣлъ Кожуховъ, братъ бывшаго Курскаго губернатора. Я надѣюсь моего Джунковскаго помѣстить въ помощники статсъ-секретаря въ совѣтъ, и тогда Феллера мнѣ хочется сдѣлать секретаремъ на мѣсто выходящаго; это ему даетъ 1000 р. больше жалованья въ годъ, но я ему о семъ еще не говорилъ и ты не говори его отцу. Ну, сударь, вчера я ѣздилъ на три акта въ Роберта и очень удивился и даже обрадовался, увидя въ ложѣ кн. Волконскаго Юсупову [3]) съ мужемъ. Ее вѣроятно принесли туда, но но ложѣ она ходила съ однимъ костылемъ очень ловко; стало, можно надѣяться, что будетъ со временемъ и безъ него ходить. Говорятъ, что она боли почти не чувствуетъ и только не можетъ подымать пальцы больной ноги и отъ этого не можетъ ходить безъ помощи.

*

С.-Петербургъ, 1 Февраля 1835.

Балъ Фикельмона былъ прекрасный. Всѣ были въ мундирахъ, такъ какъ былъ день рожденія Австрійскаго императора. Государь былъ прекрасенъ въ Австрійскомъ гусарскомъ мундирѣ своего полка. Я нѣкоторымъ образомъ перенесся въ Вѣну, ибо было нѣсколько кавалеровъ въ лентахъ св. Стефана, Леопольда, и много въ гусарскихъ мундирахъ, хоть и нашихъ, но напоминающихъ Венгерцовъ, ибо были въ долманахъ, надѣтыхъ въ рукава, какъ всегда Венгерцы бываютъ на балахъ. Гр. Паленъ, гр. Васпльчиковъ въ такихъ же мундирахъ бывшихъ своихъ полковъ, т. е. которыми они командовали, ибо и теперь они шефами сихъ полковъ. Колонною будешь доволенъ, ибо она давно отправлена и теперь вѣроятно въ твоихъ рукахъ. Она точь въ точь какъ настоящая, кромѣ того, что ангелъ небольшой, невызолоченъ и голова у него на-

---

[1]) Великій Князь Михаилъ Павловичъ родился 28 Января 1798 г.

[2]) Шумлянской, единоутробной сестрѣ братьевъ Булгаковыхъ, жившей у Константина Яковлевича.

[3]) Зинаиду Ивановну, ур. Нарышкину, позднѣе графиню Шово († 1893).

ялонсна, а то даже всѣ препорціи сохранены. Мнѣ двѣ подарилъ Перовскій, начальникъ Петергофской гранильной фабрики, а иначе имѣть ихъ нельзя. Сегодня долженъ обѣдать я у Несельроде на самомъ маленькомъ обѣдѣ. Онъ еще въ подагрѣ, но ходитъ, или лучше сказать бродитъ по комнатѣ. Графиня мнѣ писала премилую записку. Старая дружба моя съ ними не измѣняется, хоть рѣдко видимся.

*

С.-Петербургъ, 2 Февраля 1835.

При твоемъ письмѣ получилъ забытое тобою прежде письмо Тургенева. Вздохнулъ объ этомъ добромъ и бѣдномъ пріятелѣ. Я увѣренъ былъ, что разлука съ отечествомъ очень для него тяжела. Лѣта его теперь ужъ не такія, чтобы разсѣянность и даже удовольствія въ чужихъ земляхъ могли замѣнить тихую, искреннюю жизнь и свѣтъ, которые только на родинѣ своей имѣть можно. Меня бы ничто на свѣтѣ не могло туда сманить. Здѣсь и радость и горе всегда есть кому искренно раздѣлить и тѣмъ первую умножить, а послѣдней тяготу уменьшить. Сожалѣю о тѣхъ, кто иначе чувствуетъ и кто себя охотно отдаетъ на сиротство. Добрый Александръ не вытерпитъ и къ намъ воротится. Ему надобно жениться, совсѣмъ бы сталъ другой человѣкъ; вольно же вамъ было не умѣть обрѣзать у него крылья мотыльковскія.

*

С.-Петербургъ, 4 Февраля 1835.

Вчера почта ваша опять пришла съ бѣдою: чемоданъ прорѣзанъ и украдено нѣсколько серебряныхъ рублей. Ну ужъ доберусь я до вора Я полагаю, не ямщикъ ли какой, воспользовавшійся сномъ почтальона. Къ вамъ уже было писано, чтобы почтаміоны *тьже* ѣхали до Петербурга, но съ сею почтою опять они остались въ Твери. Изслѣдуй, отчего, и прикажи разъ навсегда, чтобы сего никакъ не было. Экзекутору скажи, чтобы, что̀ разъ приказано, то бы исполнялось всегда, а не на время только. Примутся за все усредно, а тамъ и пошли послабленія, а оттого и бываютъ бѣды. Изъ Твери или съ дороги, вмѣсто исправныхъ, посылаютъ олуховъ; ну мудрено ли, что дѣлаются шалости? Завидую твоимъ обѣдамъ, у Черткова былъ съ добрыми людьми, да еще и поѣлъ славно, къ тому же еще слушалъ анекдоты о Пугачевѣ. Я читалъ Пушкина книжку о немъ, но признаюсь, ожидалъ лучшее. Жаль мнѣ будетъ Шульгина, если умреть, да еще съ разстроенными дѣлами. Охъ, мишута эта тяжела должна быть для отца семейства! У насъ умеръ сенаторъ Ададуровъ, который прошлое Воскресенье былъ съ нами въ Эрмитажѣ, только покашливалъ, а въ Понедѣльникъ и Богу душу отдалъ.

*

С.-Петербургъ, 5 Февраля 1835.

Да, жаль Болдырева! Его бѣдная жена сегодня была у меня; надобно ей пособить, осталась съ двумя дѣтьми и безъ всего. Я ее лѣтъ восемъ не видалъ, она была тогда премиленькая Нѣмочка, и теперь еще есть остатки. Вдову Шперлинга мы нѣсколько, по милости царской, устроили. Дано ей на уплату долговъ 4500, пенсіи 1000, дѣтямъ 750, а сынъ будетъ помѣщенъ въ гимназію на счетъ Государя. Должна молить Бога за нашего ангела.

Въ будущее Воскресенье балъ у Ванюши Воронцова, у котораго женка беременна. По его счастію, вѣрно будетъ у нихъ сынъ.

*

С.-Петербургъ, 7 Февраля 1835.

Сегодня много у меня перебывало; но есть люди и интересные, съ коими надобно потолковать, напримѣръ, двое были съ проектами передавать письма черезъ Неву, во время прекращенія сношеній. Прежній, съ коимъ я трактовалъ о семъ прошлаго года, лопнулъ; его проектъ вышелъ вздорный, а потому и надобно найти другого. Тотъ хотѣлъ стрѣлять изъ лука, вмѣсто стрѣлъ употреблять какіе-то мѣдные футляры, начиненные письмами. Футляры бы или не долетѣли и упали въ воду, или бы тамъ на другомъ берегу стали бить прохожихъ. Вышелъ вздоръ. Теперешніе основательнѣе, но просятъ дорого. Можетъ быть, какъ-нибудь и сойдемся. Толковалъ же я съ ними часа полтора, но времени того мнѣ не жаль, лишь бы не было потеряно.

*

С.-Петербургъ, 8 Февраля 1835.

Куда вчера хотѣлось погулять! Мы сговорились съ Манычаромъ идти пѣшкомъ къ доброму Ламздорфу, котораго я давно не видѣлъ; вмѣсто того, кончивъ сборы въ Почтамтѣ въ 12 часовъ, пошелъ въ Департаментъ, гдѣ меня торги задержали до половины пятаго. Вотъ тебѣ и гулянье! По смѣтѣ, сдѣланной по урочнымъ правиламъ, надобно было торговаться на все по мелочамъ и терпѣливо слушать, какъ сбавляли по копѣйкамъ. На иные предметы торги были очень удачливы, особенно на работы, а на матеріалы не такъ: иные выше смѣтной цѣны. За то славно отдѣлаемъ домъ, гостинницу и станцію у Четырехъ Рукъ и будемъ туда ѣздить провожать пріятелей, отправляющихся въ Москву.

Воронцовъ мнѣ пишетъ, что у него въ Бессарабіи поймали славнаго разбойника, родъ Фра-Дьявола, который запугалъ весь край.

*

С.-Петербургъ, 11 Февраля 1835.

Ну, сударь, балъ Воронцова былъ подлинно барскій или боярскій. Несмотря на множество гостей, не было тѣсноты и жары и не только всѣ могли сидѣть за славнымъ ужиномъ, но еще много было мѣстъ пустыхъ. Государь съ Императрицею изволили пріѣхать въ 9 часовъ; ужинали въ 12 ровно, а въ 2 ч. мы были дома. Домъ прекрасно убранный, пространный, ярко освѣщенный, хозяинъ мастеръ своего дѣла, потчиванье во всѣхъ частяхъ лучшее, и мороженыя, и конфекты, и питья разныя, ужинъ отличный, вины славнѣйшія; однимъ словомъ, все было совершенно. Меня какъ разъ засадили играть, да до ужина и держали, заплатили мнѣ 110 за это; но лучше бы я посмотрѣлъ на танцы, коихъ видѣлъ только одну кадриль, которую послѣ ужина танцовали и послѣ какъ дворъ уѣхалъ и всѣ стали разъѣзжаться. Эдакого бала еще ни у кого изъ партикулярныхъ людей не было. Ну ужъ его m-r Ripatti, maggior domo, отличился подлинно. Какой во всемъ былъ порядокъ!

*

С.-Петербургъ, 14 Февраля 1835.

Воронцовъ мнѣ пишетъ, что Киселевъ ѣдетъ рѣшительно сюда прежде чужихъ краевъ и проѣзжаетъ черезъ Москву, куда онъ ему уже пишетъ; слѣдовательно теперь, можетъ быть, или скоро и вы его увидите и мы, чему я очень радъ. Спасибо ему, что друзей послушалъ.

*

С.-Петербургъ, 16 Февраля 1835.

Что тебѣ за охота была прислать съ почтою два огромныхъ ящика? Могъ бы отправить черезъ Рудина. Но дѣлать уже нечего. Послалъ отыскивать Бартеневыхъ и тотчасъ имъ доставлю, но впредь пусть пока ихъ посылаютъ порознь своими средствами, тогда дѣло будетъ болѣе въ порядкѣ, и мы съ тобою также.

*

С.-Петербургъ, 19 Февраля 1835.

Кажется, откроемъ, кто подрѣзывалъ чемоданъ. Одинъ съ посылками трактовой былъ теперь взрѣзанъ, но какъ въ Валдаѣ его вскрыли и увидали, то принялись за ямщиковъ; у одного нашли за пазухой, подъ рубашкой ножъ, хотя когда его спросили дорогой, нѣтъ ли ножа, то онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, да и возить имъ съ собой ножи запрещено. Можетъ быть, и его дѣло. Тамъ теперь идетъ слѣдствіе. Нечай ничего не отыскалъ, какъ ко мнѣ пишетъ. Радъ бы я былъ, если бы открыли виновнаго. Пора шалостямъ этимъ перестать.

*

С.-Петербургъ, 21 Февраля 1835.

Вчера вечеромъ, пріѣхавъ къ Бенкендорфу, гдѣ былъ комитетъ по дѣламъ пароходовъ, нашелъ я его весьма разстроеннаго. Что̀ такое? 15-лѣтній прекрасный сынъ кн. Ливена, котораго онъ третьяго дня еще, во время обѣда, видѣлъ у сестры своей, вчера умеръ. Такъ меня это поразило, что я даже не спросилъ, отъ какой болѣзни; послѣ слышалъ я у кн. К. А. Волконской, что отъ скарлатины, но какъ же такъ скоро? Отъ чего бы то ни умеръ, но посуди, каково родителямъ, да и мальчикъ-то былъ прелестный.

*

С.-Петербургъ, 25 Февраля 1835.

Вчера было у насъ генеральное собраніе акціонеровъ пароходнаго общества. Изъ отчета увидишь, что дѣла наши идутъ прекрасно, и намъ директорамъ была большая благодарность. Мы намѣрены сдѣлать еще третій пароходъ; но для этого нужны еще серьезыя соображенія, для чего и соберемся у Бенкендорфа предварительно, а тамъ сдѣлаемъ еще собраніе акціонеровъ. Съ Бартеневой-матерью мы встрѣтились на улицѣ, и жена возобновила съ нею знакомство. Сегодня сбираемся, если удастся съ визитомъ къ ней. Всѣ слышавшіе дочь въ восхищеніи отъ ея пѣнія. Третьяго дня, гуляя съ Сонею и Бальяншею по Англійской набережной, встрѣтили мы Государя съ Императрицею пѣшкомъ. Я было хотѣлъ съ тротуара долой, чтобы дать дорогу; но онъ сказалъ мнѣ, что всѣмъ есть мѣсто, изволилъ остановиться, спросить о здоровьѣ и сказалъ Бальяншѣ: Si je ne me trompe, nous avons fait connaissance, n'est-ce pas? улыбаясь. Точно узналъ, ибо она его интриговала въ маскарадѣ въ Пятницу и Субботу и ходила съ нимъ, но онъ ея никогда не видѣлъ; видя со мною, догадался, что это была она и не ошибся.

*

С.-Петербургъ, 26 Февраля 1835.

Вчера мы были у Бартеневой, не нашли ея дома, жаль мнѣ. Говорятъ, на этой недѣли будетъ дочь ея перемѣщена на жительство во дворецъ. Третьяго дня мать съ нею представлялась, дочь утромъ уже тамъ пѣла, вечеромъ опять и, говорятъ, восхитила своимъ прелестнымъ голосомъ. Панъ Михалъ Велеурскій говоритъ, что никогда подобнаго голоса не слышалъ.

*

С.-Петербургъ, 27 Февраля 1835.

Киселевъ вчера пріѣхалъ, тотчасъ далъ мнѣ знать запискою, а я тотчасъ къ нему поѣхалъ. Засталъ его возвратившимся изъ бани и просидѣлъ у него такъ долго, что не успѣлъ уже ѣхать обѣдать къ Браницкому и извинился запискою, сваливъ вину на Киселева. Въ половинѣ

пятаго пріѣхалъ домой, надобно было кончать бумаги, одѣться, ѣхать; ну какъ успѣть? А отъ Киселева также уѣхать было невозможно: я радъ былъ, что до него добрался. Онъ не можетъ всѣми вами нахвалиться. Сегодня обѣщался у насъ обѣдать, но можетъ быть, что что-нибудь воспрепятствуетъ, а именно на Елагинскомъ островѣ гулянья съ горъ, обѣдъ и цѣлый день тамъ пробудутъ. Какъ оставятъ его, такъ и къ намъ не попадетъ. Впрочемъ не сегодня, такъ на другой день пріѣдетъ. Куда милый человѣкъ! Съ нимъ подлинно не видишь, какъ время проходитъ. Меня очень поразила повѣстка, которую сейчасъ принесли отъ дворца, о наложеніи траура на 4 недѣли, начиная съ сего числа, по случаю кончины Австрійскаго императора. Я зналъ, что онъ былъ боленъ; но говорили, что ему лучше. Жаль мнѣ его: былъ человѣкъ почтенный и очень любимый своими подданными, любилъ спокойствіе и миръ. Царство ему небесное!

*

С.-Петербургъ, 28 Февраля 1835.

Извѣстіе о кончинѣ Австрійскаго императора дошло сюда чрезвычайно скоро, въ 8-й день, черезъ Варшаву. Извѣстіе сіе получено отъ фельдмаршала, изъ Вѣны же вчера утромъ къ послу еще не было курьера. Я встрѣтился и гулялъ съ Великимъ Княземъ, который также очень объ этомъ сожалѣетъ. Сегодня ѣдетъ Орловъ въ Вѣну. Гулянье на Елагиномъ островѣ вчера было отмѣнено. Сожалѣю о причинѣ, ибо истинно сожалѣю о добромъ императорѣ Францѣ; но мнѣ обратилось это въ пользу, ибо вмѣстѣ съ Киселевымъ могъ обѣдать у насъ Велеурскій. Всѣ ѣли много, послѣ обѣда курили и болтали. Велеурскій долженъ былъ ѣхать во дворецъ въ 9 часовъ, откуда послѣ опять къ намъ воротился. Манычаръ также пошелъ отдохнуть домой часа на два, а мы съ Киселевымъ говорили да говорили, не примѣчая, какъ время проходило; только какъ хватился онъ ѣхать къ Долгорукому, который боленъ, вмѣсто 9 часовъ вышло ½ двѣнадцатаго; къ больному было поздно, онъ и поѣхалъ домой писать письма. Кромѣ вышеназванныхъ обѣдали только домашніе и m-me Baliano. Я очень пріятно провелъ этотъ день, да съ милыми людьми иначе и быть не можетъ. Почталіона, проводившаго сюда Киселева, сегодня возвращаю; онъ очень имъ былъ доволенъ, какъ увидишь изъ его записки ко мнѣ. Сегодня получишь большой пакетъ отъ Тургенева изъ Вѣны; только письмо его старое, должно быть какъ мое. Онъ однакоже пишетъ, что внезапная опасная болѣзнь императора всѣхъ привела въ смятеніе; балы, вечера, прекратились, всѣ обратились къ церкви съ мольбою, и видны только процессіи.

*

С.-Петербургъ, 1 Марта 1835.

Вчера, только что пошелъ въ Департаментъ, полагая скорѣе отдѣлаться и идти гулять, какъ получилъ приглашеніе на обѣдъ къ Великому Князю. Такъ какъ онъ изволитъ кушать въ 5 часовъ, то я успѣлъ все сдѣлать и очень порядочно погулять. Обѣдало насъ только Великій Князь съ Великою Княгинею, Ностицъ, Полетика, я, дежурные адъютанты и фрейлина. Я давно такъ не смѣялся, т. е. не хохоталъ, какъ за этимъ обѣдомъ и послѣ. Ностицъ разсказывалъ, en son mauvais français, анекдоты одинъ смѣшнѣе другого. Я сидѣлъ возлѣ Великой Княгини, которая, по своему обыкновенію, была очень любезна и очень милостива Оба звали меня къ себѣ въ Ораніенбаумъ лѣтомъ. Надобно будетъ съѣздить, я же никогда тамъ не былъ. Послѣ обѣда сѣли у камелька и Богъ знаетъ о чемъ ни говорили почти до 8 часовъ. Тутъ пріѣхали Киселевъ и принцъ Ольденбургскій, еще немного посидѣли и разъѣхались, проведя время очень пріятнымъ образомъ. Была рѣчь о Башиловѣ, о тебѣ. Великій Князь, можетъ быть, на 3-й или 4-й недѣли поѣдетъ дней на 6 въ Москву. Извольте готовиться принять и угостить дорогого гостя.

*

С.-Петербургъ, 7 Марта 1835.

У Алины Дурновой сынокъ такъ боленъ, что раза три въ этотъ день почитали его мертвымъ. Зубки у него прорѣзываются очень трудно. Бѣдная мать ходитъ какъ шальная. Что-то Богъ дастъ сегодня? У кн. Ливена и другой сынъ сильно занемогъ скарлатиною, но ему лучше. Бриліянтщикъ Янъ, наслѣдникъ Римплера, третій день какъ пропадаетъ, нигдѣ не могутъ отыскать. Вышелъ по утру изъ дому здоровый, поѣхалъ по дѣламъ и не возвращался. Дѣла его говорятъ въ совершенномъ порядкѣ, да и не можетъ быть иначе: недавно мы имъ заплатили весь долгъ Нарышкина. Богъ знаетъ, что съ нимъ случилось.

*

С.-Петербургъ, 14 Марта 1835.

Пріѣхалъ изъ Католической церкви, озябъ; не дождавшись кареты, мы пошли съ Манычаромъ до Конюшенной пѣшкомъ по слякоти, но наконецъ, добрались и до кареты, и до дому. Множество было, однимъ словомъ дипломатическій корпусъ, члены Совѣта, сенаторы, придворные, военные. Играли Моцартово Реквіемъ, пѣли придворные пѣвчіе прекрасно. Я вспомнилъ, какъ былъ на свадьбѣ покойнаго Франца. Куда это давно!

*

С.-Петербургъ, 20 Марта 1835.

О Вяземскомъ ничего положительно не знаю. Мнѣ сказывали, что онъ поѣхалъ черезъ Царьградъ въ Россію, найдя попутчика. Теперь говорятъ, что онъ еще въ Италіи. Говорили, что лишился дочери; теперь говорятъ, что нѣтъ, но что она очень плоха. Вотъ все, что могу тебѣ сказать. Друзья его всѣ о немъ въ большомъ безпокойствѣ. Дѣло въ томъ, что отъ него было письмо къ Бибикову, гдѣ онъ говорилъ о своемъ возвращеніи черезъ Одессу. Брилліантщика Яна все еще не отыщутъ, надобно полагать, что бросился въ воду. Жаль мнѣ его: былъ человѣкъ добрый и, кажется, не имѣлъ причины, которой впрочемъ никогда не должно быть у христіанина, лишать себя жизни, былъ счастливъ въ своемъ семействѣ, и дѣла шли хорошо. Вѣроятно послѣдствіе болѣзни, у него была хандра. Не знаю когда Великій Князь къ вамъ поѣдетъ; онъ все говоритъ, что постомъ, а поста уже немного остается. Когда говорятъ Бартенева *дочь*, то разумѣется соловей; она-то и была больна, но послѣ того уже пѣла и сегодня, кажется, поетъ у Велеурскихъ. У меня на бѣду комитетъ у Бенкендорфа по поводу общества о застрахованіи жизни. Третьяго дня былъ такой же комитетъ у Хитрова по страховому отъ огня обществу.

*

С.-Петербургъ, 25 Марта 1835.

Замучило насъ страховое отъ огня дѣло. Желающихъ столько, что отбоя нѣтъ. Скажи Новосильцову, что все, что я смогъ удержать для него, это 40 акцій, болѣе никакъ не въ силахъ былъ; стало, ему надобно готовить 10 т. рублей. Десять акцій онъ можетъ достать въ Москвѣ куда будутъ посланы для продажи 250. Бѣдные Ливены потеряли еще сына 11 лѣтъ, прелестный былъ мальчикъ. Ты можешь посудить о положеніи родителей! Она ѣдетъ дня черезъ два въ Италію.

*

С.-Петербургъ, 26 Марта 1835.

Не знаю, чѣмъ кончится, но совершенно нѣтъ отбоя отъ желающихъ пріобрѣсти акціи для новаго страхового общества. Сегодня я уже 7 записокъ съ отказомъ принужденъ былъ написать. Давай, да и только; а особливо дамамъ поди доказывай, что нѣтъ болѣе акцій. Дѣло въ томъ, что акціи въ модѣ, всѣ на нихъ кидаются, не разсуждая, какъ дѣло пойдетъ. Какое теперь ни сдѣлай предпріятіе на акціи, всѣ тотчасъ разберутъ и пойдутъ торговать ими.

Много говорятъ о концертѣ Патріотическаго Общества, гдѣ будетъ пѣть и Бартенева *) grâce. Велеурскій превозноситъ ее въ этой аріи. Билетовъ уже давно нельзя достать. Мнѣ хочется, вмѣсто вѣ-

*) Камерфрейлина Прасковья Арсеньевна Бартенева род. 13 Ноября 1811 † 24 Янв. 1872 г.

чера, ѣхать утромъ на репетицію, а то боюсь жару и тѣсноты; билетовъ же говорятъ 800 роздано, тутъ и стоять-то не найдешь мѣста. Напрасно Закревскій дорожится съ своею дачею, простоитъ пустая; ибо такъ много семействъ ѣдетъ за границу къ водамъ, но это его дѣло. 5000 цѣна чрезвычайная на 3 мѣсяца; прошлаго года ему удалось ихъ получить, но то былъ случай особенный, а этотъ годъ, право, боюсь, чтобы не осталась пустою.

*

С.-Петербургъ, 27 Марта 1835.

Давай сюда Мансурова и Новосильцова. Это для насъ славныя два красныя яичка. Штакельбергъ не умеръ, а пошелъ въ отставку. Врядъ ли Мансуровъ не правъ на его счетъ. Шаховской я отдалъ вчера по порученію нашего добраго князя 700 р. за первый годъ. Великая Княгиня мнѣ говорила, что она васъ превозносила, какъ своихъ благодѣтелей. Вы скромничайте сколько хотите, но это правда. Если бы Наташа за нее не взялась и не писала къ Ольгѣ, то, можетъ быть, не такъ бы вышло удачливо. Я сказалъ сестрѣ, что если узнаютъ въ Москвѣ, то наѣдетъ къ ней куча вдовъ и сиротъ, а она уже и отъ Шаховской больна: слишкомъ къ сердцу все принимаетъ. Ливенша сегодня уѣхала. Бенкендорфъ слегъ отъ несчастія его сестры, у коей провелъ двѣ ночи.

*

С.-Петербургъ, 29 Марта 1835.

Къ вамъ не посланы послѣднія Сенатскія газеты, почему я тебя и просилъ твой экземпляръ удержать для себя собственно. Секретно тебѣ скажу, что № этотъ не велѣно еще раздавать, ибо въ немъ положеніе насчетъ Магометанъ, которое напрасно напечатали. Экземпляры, еще не разосланные, обращены къ министру юстиціи; не знаю, перепечатаютъ ли ихъ или иначе поступятъ. Увѣдомлю тебя.

*

С.-Петербургъ, 30 Марта 1835.

Ну ужъ Бартенева, какой прелестный голосъ! Она даже на мои веревочные нервы подѣйствовала. Описаніе концерта вѣроятно будетъ въ Сѣверной Пчелѣ, но я право не въ силахъ описать того, что̀ я чувствовалъ, да и не я одинъ. Однимъ словомъ, всѣ восхищены были отъ ея пѣнія.

*

С.-Петербургъ, 1 Апрѣля 1835.

Я всѣ эти дни былъ въ комитетахъ, между прочимъ вчера въ пароходномъ. Привилегія продолжена намъ на 4 года. Какъ пріѣхалъ я въ собраніе акціонеровъ, спросилъ у Штиглица, почемъ были на биржѣ акціи? (Первоначальная ихъ цѣна была 500). Онъ мнѣ отвѣчалъ, что

по 1450. По окончаніи засѣданія я попросилъ купца Крамера узнать у маклеровъ, не поднялись ли онѣ тутъ же? Вообрази, что уже давали по 1700 на чистыя деньги и по 1800 на срокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дойдутъ до 2000. Это доказываетъ, какъ дѣла хорошо идутъ; но надобно также сказать, что теперь съ ума сходятъ на акціи. Акціи новаго страхового общества, коимъ цѣна 250 и которыя еще не розданы, но уже распредѣлены, продаются на биржѣ по 500. Скажи только слова акція, такъ на нихъ и кидаются.

Новое составляется общество застрахованія жизни, т. е. не жизни, ибо она отъ Бога зависитъ, но, платя столько-то процентовъ въ годъ, смотря по лѣтамъ, послѣ смерти жена или дѣти или кого избираетъ подписавшійся получаютъ капиталъ. Меня и тутъ втащили въ директоры, вмѣстѣ съ Бенкендорфомъ и Строгановымъ. Дѣло весьма полезное и благодѣтельное. Оно еще не вышло изъ Совѣта, и не получено соизволеніе Государя, а уже кидаются на акціи, всѣ ихъ просятъ. Спекулянтъ бы могъ могъ разбогатѣть, но я этому дѣлу не мастеръ: возьму нѣсколько акцій, кои непремѣнно имѣть долженъ, да застрахую себя, чтобы хоть что нибудь женѣ досталось.

*

С.-Петербуръ, 2 Апрѣля 1835.

Ну ужъ ты дамскій угодникъ! Какъ тебѣ не совѣстно было послать съ почтою цѣлый огромный ящикъ m-lle Бравура? Сдѣлай ты милость, не дѣлай этого впередъ; послалъ бы съ транспортомъ, вѣдь дошло же бы! Экая бѣда, что позже. Если разъ подашься на комиссіонерства, то замучаютъ, ибо много на свѣтѣ людей безсовѣстныхъ въ этихъ дѣлахъ, Сотни кидаютъ, а если могутъ письмо отправить даромъ, то ради сами пѣшкомъ прибѣжать на почту; напр. Володя. Будто не могли онъ и жена его платить за письма? Нѣтъ, онъ всегда опаздывалъ къ пріему. Мнѣ эти всегда гадки, и рѣшительно ничьихъ посылокъ съ почтою не посылаю; совѣтую и тебѣ этого правила держаться, развѣ подлинно что нибудь чрезвычайное и очень къ спѣху, или же такая особа, коей отказать нельзя. Нехорошо и въ глазахъ чиновниковъ.

Вотъ два экземпляра перепечатаннаго 12-го номера Сенатскихъ Вѣдомостей, одинъ для тебя, другой для Закревскаго. Прошу прежніе возвратить непремѣнно.

*

С.-Петербургъ, 10 Апрѣля 1835.

Bien entre nous: говорятъ, что гостинницы въ Подсолнечной, на Черной Грязи и прочія у Трубецкого не совсѣмъ въ порядкѣ. Не знаю, правда ли или, лучше сказать, навѣрно; однакоже не можешь ли ему какъ нибудь внушить отъ себя, что хорошо, если бы онъ тотчасъ ихъ

велѣлъ осмотрѣть и привести въ надлежащую чистоту. Сюда ждутъ иностранныхъ принцевъ; можетъ быть, вздумается имъ съѣздить въ Москву, да и кромѣ того, сколько разъ Государь изволилъ ѣхать вдругъ такъ, что мы только по отъѣздѣ узнавали, что поѣхалъ; если бы случилось и онъ нашелъ гостинницы не такъ, какъ отъ него приказано, то намъ бы было весьма непріятно, а Трубецкому бы, можетъ быть, худо. Сдѣлай ты это умненько и увѣдомь меня, въ какомъ точно положеніи эти гостинницы; только не говори Трубецкому, что я къ тебѣ писалъ. Къ нему не хочу писать, не удостовѣрясь, правда ли; а межъ тѣмъ надобно, чтобы все было въ совершенной чистотѣ, и для него самого. Хорошо, кабы онъ самъ ихъ осмотрѣлъ.

*

С.-Петербургъ, 16 Апрѣля 1835.

Я долженъ тебѣ сказать тайну, но совершенно и единственно для тебя одного, такъ что ты ни ближайшимъ, ни окружающимъ, однимъ словомъ, никому ее ввѣрять не долженъ. Кажется нѣтъ сомнѣнія, что Государь съ Императрицею, Наслѣдникомъ и великими князьями изволитъ посѣтить Москву на короткое время и еще въ семъ мѣсяцѣ. Полагаютъ, что 23 или 24 выѣдутъ. У насъ о семъ никакого свѣдѣнія нѣтъ, и до сихъ поръ это секретъ, а потому еще разъ тебя прошу, знай про себя и даже съ княземъ Дмитріемъ Владимировичемъ о семъ ни слова, хотя впрочемъ онъ вѣроятно долженъ знать. Теперь понимаешь, для чего я желалъ, чтобы осмотрѣны были гостинницы Трубецкого. Не говоря причины, ты ему однакоже внуши, что надобно бы ему съѣздить или послать человѣка вѣрнаго, чтобы посмотрѣть, все-ли чисто и порядочно; послѣ поздно будетъ, какъ узнаетъ, что ѣдутъ. Смотри же у меня, положи перстъ на уста свои.

Ну обѣдъ былъ вчера славный у Велеурскаго. Меньшому стукнуло 40 лѣтъ. Были все народъ веселый: Вяземскій, Мансуровъ, Кочубей Александръ, Жуковскій, Перовскій, Пушкинъ, Шуваловъ, да всѣхъ не пересчитаешь, человѣкъ съ 15. Ѣли, пили, смѣялись, курили, и я попалъ домой только въ 9 часовъ.

*

С.-Петербургъ, 22 Апрѣля 1835.

Вчера былъ выходъ и представленіе Императрицѣ дамъ и мужчинъ. Жена благодарна, что принята была Императрицею очень милостиво, также и мы благодарны. Кромѣ того я благодарилъ и Государя. Было насъ человѣкъ 10, я по старшинству стоялъ первымъ. Государь взялъ меня за руку, держалъ ее все время и сказалъ мнѣ съ своею ангельскою улыбкою, когда я благодарилъ: «Я тебя благодарю за твою службу прошедшую, настоящую и будущую, на которую всегда считаю». Ска-

залъ это громко, такъ что всѣ могли слышать. Ну, можетъ ли быть награды больше помимо этой? Да меня бы Андреевская лента половины этого не обрадовала. Послѣ спрашивалъ о здоровьѣ моемъ, нѣсколько словъ сказалъ о почтахъ и о дорогѣ и пошелъ далѣе, оставя меня истинно счастливымъ. Стало, мои труды ему извѣстны, и онъ ихъ, по милости своей, цѣнитъ.

*

С.-Петербургъ, 27 Апрѣля 1835.

Вчера я все устроилъ для путешествія великихъ князей. Эстафета послана напередъ для заготовленія лошадей, и надѣюсь все обойдется благополучно. Сегодня въ 11 ч. утра положенъ выѣздъ изъ Царскаго Села. Вел. Кн. Елена Павловна изволила выѣхать вчера въ 9 часу утра. Съ нею Апраксина и Васильчиковъ. Великій Князь провожаетъ нѣсколько станцій. Велеурскій ѣдетъ сегодня въ ночь. Для насъ его очень не будетъ доставать: мы привыкли видѣть этого милаго человѣка всякій день. Теперь, когда это письмо до васъ дойдетъ, вы будете вполнѣ счастливы. Наслаждайтесь лицезрѣніемъ общихъ нашихъ ангеловъ. Я надѣюсь, что Закревскій представится.

*

С.-Петербургъ, 3 Мая 1835.

Ну, слава Богу, Государь и Императрица изволили благополучно къ вамъ прибыть. Я такъ и полагалъ, что въ Понедѣльникъ прибудутъ. Радуйтесь теперь и веселитесь: дорогіе гости у васъ. Бартенева обѣщала завтра пріѣхать къ намъ на вечеръ съ своимъ соловьемъ. Если сдержитъ слово, то натѣшатся наши уши. Симонетти вамъ кланяется и тебя проситъ приказать узнать, живъ ли еще и куда дѣвался одинъ изъ ихъ подданныхъ Pierre Louis Jean de Giovanni, который года за 2 тому назадъ, какъ онъ полагаетъ, былъ у Яра въ Москвѣ. Родственники его желаютъ имѣть о немъ свѣдѣнія и если не живъ, то имѣть свидѣтельство о его смерти и погребеніи. Я уже въ разныя мѣста писалъ о немъ, но теперь Симонетти узналъ, что онъ былъ у Яра.

*

С.-Петербургъ, 8 Мая 1835.

О Велеурскомъ нечего уже и говорить, славный человѣкъ, и я его подлинно люблю сердечно, зная ему всю цѣну, да и самъ на него считаю. Безъ него пусто у насъ по вечерамъ; кажется, все тѣже бываютъ, но его крѣпко недостаетъ, и все не то. Хорошо, что отсутствіе будетъ не долго. Ce ne pas galant pour vous, но въ этомъ случаѣ прошу не прогнѣваться: уступить его надолго не можемъ. Въ утѣшеніе не прислать ли вамъ Бехтеева? Бѣдный Анстетъ очень боленъ; Богъ знаетъ, не усту-

пить ли скоро свое мѣсто кому нибудь, только надѣюсь не Бехтееву, не смотря, что всѣ его тамъ любятъ, qu'il est très populaire et pourrait être très utile.

*

С.-Петербургъ, 11 Мая 1835.

Сегодня отправляется Киселевъ на казенномъ пароходѣ. Надобно съ нимъ проститься и получить кой-какія порученія, о коихъ подробно нужно перетолковать, такъ какъ онъ человѣкъ очень аккуратный. Все это надобно сдѣлать прежде Департамента; а то какъ попадешь туда, такъ уже не выпустятъ. Шилингъ ѣдетъ на томъ же пароходѣ, оба до Штетина. Киселеву будетъ съ нимъ веселѣе. Вчера я былъ у гр. Самойловой. Она такъ перемѣнилась, что я бы ея не узналъ, если бы встрѣтилъ на улицѣ: похудѣла и лицо совсѣмъ сдѣлалось Итальянское. Въ разговорѣ даже имѣетъ Итальянскую живость и пріятна. На дачѣ будетъ нашею сосѣдкою, только рѣдко будетъ здѣсь и по большей части въ своей славной Славянкѣ за Павловскомъ.

*

С.-Петербургъ, 16 Мая 1835.

Ты, я чаю, слышалъ, что бриліантщикъ Янъ пропалъ зимою безъ вѣсти. Нашли его тѣло близъ Гутуева острова, Бердовы люди вытащили изъ воды. Видно, что самъ бросился въ воду, бывъ давно уже въ гипохондріи. Все что̀ на немъ было цѣло: кольцо, пуговки на рубашкѣ, серебряныя деньги въ карманѣ и все платье. Говорятъ, что въ карманѣ нашли нѣсколько каменьевъ; это еще болѣе дѣлаетъ вѣроятія мысли, что онъ утопился. Жаль его, добрый былъ человѣкъ, дѣла въ порядкѣ и счастливъ въ семействѣ. Скажи это кн. Петру Михайловичу. Вчера его похоронили, также и бар. Клейста. Вчера кн. Дм. Волконскій у насъ обѣдалъ, спрашивалъ, правда ли, что Катя сговорена, а нѣсколько человѣкъ меня уже поздравляли; стало, секретъ не удержался, но не отъ меня по крайней мѣрѣ, ибо я никому не сказывалъ и не признавался. Поэтому не совѣтую долѣе секретничать. Странно можетъ показаться и Государю и Императрицѣ, если они здѣсь узнаютъ это отъ другихъ и увидятъ, что правда. Вамъ бы самимъ слѣдовало сказать, особливо же такъ какъ Катя фрейлина, то нужно ей и позволеніе, безъ коего, можно сказать, не смѣете вы ни къ чему и приступить.

*

С.-Петербургъ, 17 Мая 1835.

Тотчасъ послѣ обѣда вчера я получилъ твое письмо. Чрезвычайно меня обрадовало. Я нашелъ въ немъ уже исполненнымъ совѣтъ, который во вчерашнемъ письмѣ моемъ я тебѣ давалъ насчетъ доклада Государю о предложеніи Соломирскаго, и дѣло наше въ желаемомъ мною

ходу. Слава Богу! Все такъ сдѣлано, какъ должно, и я могу здѣсь давать отвѣты нелживые безпрестанно у меня спрашивающимъ. Сказать, что не знаю, глупо; а лгать не люблю. Ты очень умно поступилъ; теперь остается просить Бога, чтобы все привелъ скоро и благополучно къ желаемому концу. Съ душевнымъ удовольствіемъ читалъ я описаніе бала, который долго у меня въ памяти будетъ; тутъ рѣшительно опредѣлилась судьба милой моей Кати. Очень ты хорошо сдѣлалъ, что съ Соломирскимъ объяснился откровенно. Я увѣренъ, что Дмитрій Павловичъ*) очень будетъ доволенъ его выборомъ. Раза три письма твои перечитывалъ и все съ новымъ удовольствіемъ. Теперь можешь формально поздравить отъ меня и отъ жены Катю и ея жениха, котораго мы всѣ любили еще прежде нежели она.

*

С.-Петербургъ, 20 Мая 1835.

Я чаю, князь Петръ Михайловичъ счастливъ былъ угостить у себя въ Сухановѣ своихъ благодѣтелей. Опять новая version о возвращеніи двора; но эта вѣрнѣйшая, ибо отъ графа Бенкендорфа. Надѣюсь все будетъ благополучно при обратномъ шествіи и на дорогахъ и у Трубецкаго. Письмо твое къ Великому Князю послалъ къ адъютанту его, который всѣ письма къ нему отправляетъ. Можешь быть спокоенъ: дойдетъ вѣрно.

*

С.-Петербургъ, 24 Мая 1834.

Вчера переѣхали на дачу. Я прибылъ туда уже въ пятомъ часу и только что сѣлъ обѣдать, думавъ спокойно провести со своими остатокъ дня, какъ получилъ изъ Почтамта записку, которая меня поразила. Рубецъ, котораго ты вѣрно знаешь, видѣлъ его въ Почтамтѣ, гдѣ онъ экспедиторомъ пріема денегъ, подаваемыхъ для отправленія, и видалъ, вѣроятно, у меня, кончивъ свои дѣла, сдавъ сумки и пр. въ другую экспедицію для отправленія, пошелъ въ 4 ч. домой, обѣдалъ и тотчасъ послѣ пошелъ въ свою компату. Вдругъ услышали выстрѣлъ, побѣжали къ нему—онъ застрѣлился. Сперва перерѣзалъ себѣ горло въ двухъ мѣстахъ, а послѣ, приложа пистолетъ подъ подбородокъ, разорвалъ себѣ нижнюю челюсть, такъ что зубы, кости, мясо, разметано было по комнатѣ. Въ 6 час. я былъ уже въ Почтамтѣ, послалъ своихъ докторовъ, стали зашивать ему, что было можно, привели его въ чувство, и пока онъ еще живъ. Я велѣлъ при себѣ, помощникахъ и всей экспедиціи и контролерѣ повѣрить всю готовую къ отправленію денежную корре-

*) Павелъ Дмитріевичъ Соломирскій былъ воспитанникомъ Дмитрія Павловича Татищева, нашего посла въ Вѣнѣ.

споденцію и наличные пакеты; все оказалось цѣло. Онъ утро провелъ вчера въ Почтамтѣ у должности; замѣтили только, что былъ смутенъ, между тѣмъ какъ всегда былъ характера веселаго. Причина еще не извѣстна, по службѣ ли онъ провинился или семейныя обстоятельства его довели до столь ужаснаго поступка. Пакетъ одинъ, тысячъ въ семь, принятый имъ въ Декабрѣ, остался неотправленнымъ въ Петропавловскъ; но эта сумма не довольно значительна, чтобы не могъ онъ ее заплатить. Онъ говорилъ, что его украли въ экспедиціи; о семъ дня четыре какъ началось изслѣдованіе. Что̀ далѣе окажется, увидимъ, но прежде ни винить его, ни оправдывать не можно и не должно; а должно сожалѣть объ отцѣ семейства, о старомъ слугѣ, черезъ руки котораго столько проходило сотенъ милліоновъ рублей. Не полагаю, чтобы сія сумма, которая впрочемъ, какъ кажется, въ семъ мѣсяцѣ имъ и была отправлена туда же въ Петропавловскъ, была причиною столь ужаснаго поступка. Были ли другія злоупотребленія, сказать теперь не можно; ревизія покажетъ. Надѣюсь, что нѣтъ; между тѣмъ ты можешь посудить, какъ мнѣ это больно сердцу. Конечно сего ни предвидѣть, ни помѣшать я не могъ; но все что̀ до Почтамта касается мнѣ близко и хотя я въ глубинѣ души покоенъ, увѣренъ, что все возможное дѣлаю, чтобы шло порядочно, все-таки случай этотъ меня поразилъ, и грустно на сердцѣ. Увидимъ, что̀ будетъ далѣе. Молю Бога, чтобы Рубецъ не сдѣлалъ какого явнаго злоупотребленія и чтобы винность его заключалась только въ этой суммѣ, которую бы онъ могъ всегда заплатить. Можетъ быть, не могъ онъ перенести упрека, которому явно подвергался.

*

С.-Петербургъ, 25 Мая 1835.

Благодарю за подробное описаніе всего, что̀ было пріятнаго въ нашемъ семействѣ по милости нашихъ ангеловъ. Нельзя, подлинно, быть милостивѣе. Вѣрю, какъ и Соломирскому все это, и для себя, и для Кати, должно быть пріятно. Союзъ ихъ совершается при самомъ благополучномъ и благопріятномъ началѣ и при видимомъ благословеніи Божіемъ; послѣ этого нельзя не ожидать, что и вся жизнь ихъ супружеская такъ же пройдетъ въ счастіи. Государь съ Императрицею изволили вчера въ 8 ч. вечера благополучно прибыть въ Царское Село. Максимовъ былъ теперь у меня съ донесеніемъ. На одной только станціи, кажется, въ Выдроспускѣ, у смотрителя не были выведены лошади, да, кажется, онъ былъ и пьянъ; узнаю отъ кн. Волконскаго, и спуска ему не будетъ этому бездѣльнику; впрочемъ нигдѣ остановки не было. Было же и довольно хлопотъ Макарову! Нужно было всего 250 лошадей, да и переѣзды были сильные; но слава Богу, все было благополучно. Сегодня ожидаютъ дворъ на Елагинъ. Нашъ князь также будетъ сегодня сюда;

завтра у него, вѣроятно, будетъ обѣдъ. Рубецъ живъ и, можетъ быть останется живымъ; но что это за жизнь! Дуренъ, дуренъ его поступокъ и для христіанина, и для чиновника. Только теперь и рѣчей, что объ немъ, и Богъ знаетъ уже чего не разсказываютъ!

*

С.-Петербургъ, 27 Мая 1835.

Вчера послѣ обѣда навѣщалъ я своего князя. У него нога проходитъ, рана зажила, но онъ сидитъ дома и бережетъ себя; очень хорошо дѣлаетъ. Эту недѣлю онъ пробудетъ здѣсь. Говорили объ Рубцѣ, погоревали объ немъ и экзекуторѣ. О первомъ онъ читалъ Государю всѣ мои записки. Государь также сказалъ, что это случай, котораго нельзя было ни предвидѣть, ни предупредить. Къ Бенкендорфу заѣду, ѣхавши въ Почтамтъ; авось его найду, а хотѣлось бы о многомъ съ нимъ поговорить. Вѣрю нетерпѣнію Соломирскаго, да дѣлать нечего, надобно дожидаться изъ Вѣны отвѣта. Тутъ, я чаю, и Дмитрій Павловичъ не полѣнится тотчасъ написать. По твоимъ словамъ Велеурскаго надобно ждать завтра или послѣ завтра, если онъ и роскошно ѣдетъ. Рады ему будемъ. Письмо Марьи Аполлоновны*) вчера же было доставлено къ Государю.

*

С.-Петербургъ, 28 Мая 1835.

Сегодня должны мы были обѣдать у князя Петра Михайловича; но онъ долженъ былъ отложить, ибо Государь изволилъ ѣхать на нѣсколько часовъ въ Кронштадтъ, Императрица въ Петергофъ и князь тоже; но ужъ къ новому балету *Сильфида* намѣрены были воротиться. Поѣду и я смотрѣть балетъ, говорятъ, прекрасный. Взялъ ложу для своихъ дамъ и кресло для себя, ибо изъ ложи плохо вижу, а въ креслахъ 1-го ряда и свѣтъ и близость для глазъ хороши. Кн. Волконскій у насъ обѣдалъ вчера, только пріѣхалъ поздно къ 5 часамъ, былъ очень веселъ, любезенъ, но все еще прихрамываетъ. Несельроде отправляется въ Субботу на пароходѣ, чрезъ Любекъ, въ Карлсбадъ. Бенкендорфъ ѣдетъ въ Понедѣльникъ на нѣсколько дней въ свой Фаль. Лоло, спрѣчь Ломоносовъ, очень доволенъ своимъ бригадирствомъ; вотъ бы вы ему невѣсту сыскали, а то одному скучно будетъ ѣхать въ Бразилію, только мудрено будетъ найти охотницу въ такую даль.

*

С.-Петербургъ, 29 Мая 1835.

Наконецъ я сегодня видѣлъ Вяземскаго. Онъ ничего не перемѣнился и сталъ еще моложе, грустенъ бѣдный. Теперь будемъ видѣться на дачѣ. Вчера, только что я сѣлъ обѣдать, какъ получилъ отъ Велеурскаго при

*) Волковой, старой дѣвицы, о которой см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1887 года.

прилагаемой у сего запискѣ твое письмо. Тотчасъ дали мы ему rendez-vous въ театрѣ, куда онъ, хотя и усталъ съ дороги, явился, а послѣ еще пріѣхалъ къ намъ на дачу, но сидѣлъ не такъ поздно, какъ обыкновенно. Балетъ вчерашній Сильфида прелестный. Дворъ удостоилъ театръ своимъ присутствіемъ, множество было. Государь загорѣлъ, но видно, что, слава Богу, здоровъ. Я былъ сегодня съ докладомъ; ногѣ нашего князя гораздо лучше, но онъ ее еще бережетъ и до будущей Среды остается въ городѣ. Дворъ къ 1-му, говорятъ, переѣзжаетъ въ Петергофъ. Опять опустѣютъ наши острова, а теперь всегда множество на Елагинѣ. На время отсутствія гр. Несельроде, кн. Ливенъ будетъ занимать его мѣсто.

*

С.-Петербургъ, 1 Іюня 1835.

О Рубцѣ только могу сказать, что онъ еще живъ, но надежды мало: ничего не глотаетъ кромѣ нѣсколькихъ капель, съ этимъ жить нельзя, слабѣетъ очень. Онъ не былъ картежникъ и игралъ въ вистъ какъ всѣ, по 50 роберъ, игралъ хорошо и счастливо. Нельзя также сказать, чтобы жилъ шибко, ибо рѣдко былъ дома: или у должности, или въ клубѣ. Впрочемъ Богъ ему судья! Гр. Бенкендорфъ перемѣнилъ свой планъ путешествія: вмѣсто того, чтобы ѣхать сухимъ путемъ, отправляется сегодня на пароходѣ, который его закинетъ дорогою въ Фаль. Радуюсь, что дѣла Соломирскаго идутъ хорошо въ Сибири, о семъ и братъ его мнѣ сказывалъ.

*

С.-Петербургъ, 2 Іюня 1835.

Стало, Соломирскій собирается на заводы. Это похвально: увидитъ своими глазами, что̀ тамъ дѣлается, между тѣмъ проведетъ свободное время пріятно съ Катею, которая также сокровище и постояннѣйшее рудниковъ золотыхъ. У насъ вчера было собраніе акціонеровъ для выбора трехъ директоровъ. Скучная матерія, только по пустому отняла у меня много времени, которое бы я провелъ пріятно дома со своими. Ливенъ будетъ докладывать и вести переписку, а Родофиникинъ управлять министерствомъ на время отсутствія гр. Несельроде, который отправился въ Суботу на пароходѣ. Мансуровмъ нѣ пишетъ, что Киселевъ, пробывъ нѣсколько времени въ Берлинѣ, отправился черезъ Дрезденъ въ Карлсбадъ. Теперь онъ долженъ быть у шпруделя; но надѣюсь, что не будетъ его пить.

*

С.-Петербургъ, 4 Іюня 1835.

Велеурскій не только уже съ нами, но и у насъ всякій день, а вчера три раза былъ, кромѣ того, что обѣдалъ. Не могу тебѣ ничего еще сказать о фрейлинскихъ деньгахъ, спрошу какъ это дѣлается, и

вѣроятно чрезъ кн. Волконскаго; только, сколько мнѣ помнится, теперь дается не 12 т., а 7. Узнаю и вамъ скажу. Конечно и это будетъ подмога. А долго ли будетъ у васъ Марини*)? Прилагаю для твоего свѣдѣнія бумаги о Галафтѣевомъ, изъ которыхъ усмотришь, что онъ дрался; но не надобно тебѣ было посылать приказа заготовлять лошадей для него, и вообще сего не дѣлать, развѣ для кн. Голицына и такихъ лицъ. Прождали его 60 дней, да еще и побилъ вмѣсто спасиба. Я положу резолюціею бросить дѣло, если смотритель на сіе согласится.

*

С.-Петербургъ, 5 Іюня 1835.

Несчастный Рубецъ умеръ; онъ исповѣдывался, т. е. его исповѣдь была глухая, такъ какъ онъ не могъ говорить и не могъ также причаститься. Вотъ и кончилось для него все. Теперь увидимъ, что по дѣламъ окажется. Между нами: нѣсколько денегъ, имъ принятыхъ, не можемъ еще доискаться; но можетъ быть еще онѣ отосланы. Много онъ мнѣ испортилъ крови отъ огорченія. Да проститъ ему Господь его грѣхи!

*

С.-Петербургъ, 6 Іюня 1835.

Дворъ сегодня ѣдетъ въ Царское Село, гдѣ назначаются маневры, а въ Субботу будетъ уже въ Петергофѣ, куда и нашъ князь поѣдетъ въ будущую Среду. Вчера были мы въ театрѣ, гдѣ я видѣлъ и пріѣзжихъ высокихъ гостей. Я нахожу, что принцесса Нидерландская, сестра нашей Императрицы, очень похожа на Прусскаго короля. О Фрейлинскихъ деньгахъ всего лучше, когда получите отвѣтъ изъ Вѣны, чтобы Катинька сама написала сочиненное тобою письмо къ князю Волконскому. Онъ не откажется доложить нашему ангелу. Также прилично будетъ ей написать и къ Императрицѣ, просить о ея благословеніи, такъ какъ она всегда была къ ней такъ милостива.

*

С.-Петербургъ, 10 Іюня 1835.

Третьяго дня заѣзжалъ я съ Манычаромъ къ Ламздорфу, нашелъ тамъ консультацію докторовъ и между прочимъ Рауха. Больной былъ въ забытьи, безъ языка и въ частыхъ судорогахъ, иногда открывалъ глаза, разъ на меня взглянулъ, кажется узналъ, ибо замѣтно всматривался въ меня, навернулись у него слезы и опять глаза закрылъ. Этотъ взглядъ меня тронулъ до глубины сердца. Раухъ сказалъ мнѣ: c'est la fin de la longue tragédie; il n'y a plus rien à faire, il touche à la fin de ses souffrances. Пришло время разставаться съ добрымъ, старымъ пріі-

*) Марини—воспитанникъ князя В. П. Кочубея.

ятелемъ, который меня любилъ истинно какъ брата и всегда былъ счастливъ, когда я къ нему заѣзжалъ. Друзья уходятъ одинъ за другимъ, а въ мои лѣта новыхъ уже некогда наживать; можно имѣть знакомыхъ, но 30-лѣтней опытности уже не дождаться. Это какъ на войнѣ: какъ картечью выхватитъ изъ ряду нѣсколько человѣкъ, остальнымъ остается serrer les rangs; такъ то и друзьямъ, послѣ смерти одного, прочимъ надобно тѣснѣе еще связываться въ дружбѣ. Грустно мнѣ очень, послалъ узнать и самъ заѣду.

*

С.-Петербургъ, 11 Іюня 1835.

Вчера ходилъ я смотрѣть на Кавалергардскомъ плацѣ, какъ учатся конные юнкера, видѣлъ своего Сашку и слышалъ отъ полковника отличную ему похвалу. Слава Богу! Всѣ они ѣздятъ молодцовато, и Сашка уже не тотъ мѣшокъ, котораго ты зналъ. Слышалъ я о бѣдѣ на Волгѣ; говорятъ, барокъ съ 60 потонуло и много людей погибло. Мой добрый Ламздорфъ скончался.

P. S. Сейчасъ получилъ изъ Вѣны изъ посольства письмо къ тебѣ, узналъ почеркъ Дмитрія Павловича и почувствовалъ, что оно заключаетъ такъ нетерпѣливо ожидаемый отвѣтъ. Не могъ я удержаться, чтобы не вскрыть его и съ радостію прочиталъ le *oui* si désiré. Стало, и я скажу какъ онъ: съ Богомъ!

*

С.-Петербургъ, 19 Іюня 1835.

Ты говоришь, что, по вашимъ слухамъ, Бартеневой запрещено пѣть въ домахъ. Я слышалъ не такъ, а Императрица велѣла ей беречь голосъ и не утомляться, не столько для голоса, сколько для здоровья, ибо она часто здѣсь была больна. Можетъ быть, зимою ее и услышимъ, если не у насъ, то въ другомъ мѣстѣ; теперь же она въ Петергофѣ.

Понимаю, что Ключареву и экспедиціи много дѣла, но чтобы невозможно было управляться, это уже слишкомъ. Число людей не уменьшено, какъ же прежде управлялись? Какъ здѣсь дѣлаютъ? Главное—умѣнье распорядиться временемъ, такъ его станетъ довольно. При Рубцѣ экспедиція кончала свои занятія поздно, при новомъ часа два и три ранѣе. Когда этотъ порядокъ здѣсь утвердится и опытомъ совершенно оправдается, то я тебѣ его сообщу партикулярно, ибо это внутренній распорядокъ не противный правиламъ и который можетъ Почтамтъ самъ ввести у васъ, какъ и здѣсь. Такимъ образомъ, лучше уладить; ибо прибавка чиновниковъ невозможна, особливо послѣ послѣднихъ еще повелѣній, клонящихся къ уменьшенію числа оныхъ.—Здѣшній бывшій чиновникъ Пащенко дрался дорогою, билъ ямщиковъ и пр.; но это дѣло для васъ постороннее, а вотъ за что придется серьезно побраниться

съ Почтамтомъ. Его изъ Москвы 3 Апрѣля приписали къ Московской легкой почтѣ сюда, да еще имѣлъ онъ особую свою повозку. Это запрещено, и вамъ о семъ было писано, между тѣмъ часто бываютъ такія приписки безъ всякаго права и вопреки запрещенію. Запрети разъ навсегда. Я стараюсь искоренить это злоупотребленіе, а у васъ ко всѣмъ снисходительны: ѣздятъ себѣ съ женами, дѣтьми, въ экипажахъ, приписанныхъ къ почтѣ, а казна за нихъ плати прогоны. Съ почтмейстеровъ, кои себѣ позволяютъ такое отступленіе, взыскиваю, въ наказаніе, прогоны, и это въ первый разъ. Неужели же и съ Почтамтомъ придется побраниться серьезно? Скажи своей экзекуторской части, чтобы она сего не дѣлала, а отвѣтить-то придется тебѣ, ибо подорожную ты подписываешь. Сдѣлайте одолженіе, держитесь порядка и не удаляйтесь отъ правилъ всѣмъ объявленныхъ по приказанію князя.

*

С.-Петербургъ, 20 Іюня 1835.

Вчера, ѣхавъ къ князю съ докладомъ, узналъ я о смерти Тамаровой и о назначеніи меня душеприкащикомъ. Поѣхавъ къ ней въ домъ отъ князя, нашелъ я уже тамъ гр. Литту и двухъ сенаторовъ Кочубеевъ. Хотя при моихъ занятіяхъ эта новая комиссія и не очень пріятна, но трудно было и отказаться быть съ ними, и къ тому же покойница была женщина почтенная*) и ко мнѣ очень хорошо расположена. Начали мы разсматривать ея бумаги, нашли духовную, билетовъ банковыхъ и денегъ до 400 т. почти, сдѣлали распоряженіе о похоронахъ и пр.

*

С.-Петербургъ, 24 Іюня 1835.

Въ Суботу похоронили Тамарову. Ее отпѣли въ Католической церкви, много было, а оттуда повезли на Смоленское кладбище; но я проводилъ только до Морской, ибо надобно было работать и въ Почтамтѣ, и въ Департаментѣ. Сегодня опять собираемся къ ней въ домъ толковать о духовной и пр. Кстати объ усопшихъ: вчера я получилъ изъ Нанси извѣстіе о смерти нашего школьнаго товарища Бервица. Онъ давно былъ боленъ. Но оставимъ мертвыхъ.

*

С.-Петербургъ, 25 Іюня 1835.

Демидовъ Павелъ (разумѣется, богачъ) готовитъ на дачѣ, которую нанялъ близъ Петергофа у Балабина, славнѣйшій праздникъ, который будетъ стоить 200 т. и будетъ удостоенъ присутствіемъ двора. Чего тутъ не будетъ! Даже охота на кабановъ дикихъ, коихъ онъ не знаю откуда выписываетъ. Не знаю, позоветъ ли насъ, такъ какъ мы съ нимъ

*) Вдова дипломата Василія Степановича Тамары.

знакомы только по карточкамъ; а позоветъ, такъ надобно посмотрѣть: это въ жизни рѣдко удается видѣть, да и гдѣ найти человѣка, который бы могъ и хотѣлъ употребить на одинъ праздникъ 200 т. Впрочемъ, я чаю, можно, не обижая его, половину уменьшить; все-таки много.

*

С.-Петербургъ, 2 Іюля 1835.

Велеурскій мнѣ пишетъ, что Новосильцовъ сдѣланъ графомъ. Гр. Сергѣй Строгановъ куратором въ Москву. Полковникъ Дупельтъ, что при гр. Бенкендорфѣ, пожалованъ въ генералъ-маіоры.

*

С.-Петербургъ, 12 Іюля 1835.

Не знаю, сказывалъ ли я тебѣ, что графа Бенкендорфа на ученьи лягнула лошадь въ колѣно и такъ крѣпко, что тотчасъ разнесло ногу, и въ первую минуту лѣкарь не могъ сказать, цѣла ли она. Но онъ въ городѣ, я его видѣлъ, осталась только маленькая опухоль, и онъ уже можетъ вступать на больную ногу и нѣсколько ходить по комнатѣ, а могла бы быть большая бѣда.

Стихи, сочиненные музыкантомъ л.-гв. Егерьскаго полка Малышевымъ на случай отправленія отряда гвардейскихъ войскъ въ Калишъ.

Русскій царь набралъ дружину
И велѣлъ своимъ орламъ
Плыть по морю на чужбину
Въ гости къ добрымъ Пруссакамъ.
Кровь царей насъ породнила,
Славный бой насъ подружилъ,
Самъ Творецъ во браняхъ сильный
Нашъ союзъ благословилъ!
Пусть завистники востанутъ
Разорвать союзъ друзей:
Тамъ слѣда враговъ не станетъ,
Гдѣ пройдутъ полки царей.
Не на бой летимъ, не драться,
Не крамольныхъ усмирять,
Но съ друзьями повидаться
Пруссаковъ спѣшимъ обнять.
Насъ лелѣетъ Царь державный!
Слава Бѣлому Царю,
Слава Руси православной
И родному Королю.

*

С.-Петербургъ, 15 Іюля 1835.

Третьяго дня былъ я въ театрѣ на островѣ; давали Нѣмцы Фрадьяволо, но такъ дурно, что мы съ Манычаромъ, не дождавшись конца,

поѣхали на балъ, par conscription, въ залъ минеральныхъ водъ. Было человѣкъ съ 500, и прекрасно. Все островскія дамы, Завадовская, Пушкина, купцы Нѣмцы съ семействами, угощеніе, освѣщеніе, музыка, два оркестра, все было очень прилично и хорошо, а всего лучше, что въ 7 началось и въ 11 кончилось. Надѣюсь, что эти балы, напоминающіе Нѣмецкія воды, поддержатся. За входъ одни мущины платили по 10 р. за билетъ, но на которомъ непремѣнно должно быть ихъ имя, и могутъ провести, кажется, двѣ дамы, съ отвѣтственностью. Такимъ образомъ не могутъ вкрасться дѣвки или женщины на содержаніи.—Отъ Бріоски получили письмо, онъ скоро сюда будетъ. Нашелъ тамъ купить славнаго Рафаэля для Эрмитажа и очень дешево: отблагодарилъ за отпускъ и пособіе ему оказанное. Не знаю, поѣду ли я еще послѣ завтра къ Демидову; только очень сомнѣваюсь, особливо если погода будетъ холодная. На всякій случай я велѣлъ въ Стрѣльнѣ приготовить себѣ комнату съ Лонгиновымъ, гдѣ бы одѣться. Нельзя же отсюда ѣхать въ нарядѣ 25 верстъ; но вѣроятно, что не поѣду.

*

С.-Петербургъ, 16 Іюля 1835

Всѣ сбираются къ Демидову, даже Полетика; впрочемъ этотъ большой гуляка.

*

С.-Петербургъ, 17 Іюля 1835.

Теперь отправленіе экипажей въ Калишъ. Войска отплыли въ Данцигъ третьяго дня. Государь ихъ проводилъ до Красной Горки и далѣе. Говорятъ, что ихъ величества уѣзжаютъ 1-го, иные говорятъ 28-го, но въ концѣ недѣли ожидаютъ ихъ на Елагинъ.

*

С.-Петербургъ, 18 Іюля 1835.

Я не поѣхалъ къ Демидову; во-первыхъ, у меня дня три какъ еще голова побаливаетъ, боялся не сдѣлать хуже, а во-вторыхъ, и время какъ-то портилось, вечеромъ шелъ дождь, и въ 3-хъ, сегодня рано надобно было быть въ Почтамтѣ для иностранной почты. Я чаю, все было превосходно, но я еще никого не видѣлъ. Жаль очень, если дождь помѣшалъ иллюманаціи. Множество туда поѣхало, все утро отправлялись большія кареты съ картонами. Князь Александръ Николаевичъ не можетъ у насъ обѣдать въ имянины жены 15-го Августа: онъ будетъ въ это время въ Царскомъ Селѣ, а потому и обѣдаетъ завтра. Обѣдъ безсомнѣнно будетъ пріятный. Никого не зову, пусть обѣдаетъ въ кругу семейства нашего. Ну-съ, Кожуховъ, управляющій дѣлами нашего совѣта, пожалованъ въ статскіе совѣтники, по докладу князя. Онъ чело-

вѣкъ дѣловой и очень хорошій. Третьяго дня были имянины или рожденіе гр. Юліи Самойловой, гр. Литта сдѣлалъ ей подарокъ. Какой?—Подарилъ 100 т. рублей чистыми деньгами.

*

С.-Петербургъ, 19 Іюля 1835.

О старикѣ Строгановѣ и здѣсь слухи носятся, что онъ очень былъ боленъ, но о смерти не говорили. Натурально вѣсть эта, доходя до васъ, сдѣлалась какъ снѣжный комъ, а Нарышкинъ какъ разъ его проглотилъ. Да и какъ ему можно было умолчать объ новости какой нибудь, да еще передъ женою? Ты почти отгадалъ: Демидова балъ былъ очень хорошъ, но не то, что, по слухамъ, ожидали. Кутузовъ мнѣ сказывалъ qu'il n'a battu que d'une aile. Иллюминація была хороша, а впрочемъ ничего не было чрезвычайнаго. Разумѣется, лакомства всѣ были очень хороши, да это на всѣхъ балахъ, особливо же какъ всему отборному не быть тамъ, гдѣ императорская фамилія удостоиваетъ своимъ присутствіемъ? Я чаю, и то повредило балу, что много о немъ говорили; разбарабанили, что будетъ стоить 200 т., ожидали Богъ знаетъ чего; иначе бы, можетъ быть, и нашли бы его роскошнѣе другихъ.

Сегодня должны прибыть наши. Я бы поѣхалъ навстрѣчу, но нельзя будетъ: кн. Александръ Николаевичъ у насъ обѣдаетъ и посидитъ вѣрно, а намъ это очень будетъ пріятно.

*

С.-Петербургъ, 20 Іюля 1835.

Обѣдъ нашъ вчера очень былъ пріятенъ. Князь былъ веселъ и любезенъ какъ всегда. Были тутъ Велеурскій, кн. Михайло Кочубей, Палли и Малычаръ, да два Кавоса. Послѣ обѣда распѣлись Князю Итальянскіе дуэты, пѣтые Гритіемъ съ Кочубеемъ, напомнили Итальянскія оперы при Екатеринѣ. Часовъ уже въ 9 онъ отъ насъ уѣхалъ при увѣреніи, что ему очень было пріятно у насъ. Онъ съ нами и курилъ.

*

С.-Петербургъ, 23 Іюля 1835.

Кн. Петръ Михайловичъ отправляется сухимъ путемъ въ Данцигъ, 28-го. Кн. Ал. Лобановъ и Чичеринъ также ѣдутъ въ Калишъ. Вчера вдругъ явился ко мнѣ Гриша Гагаринъ, дня два только какъ пріѣхалъ и ѣдетъ недѣли черезъ двѣ къ вамъ; съ нимъ сынъ кн. Сергія Ивановича*), котораго я вчера въ первый разъ видѣлъ. Похожъ на отца, но лучше слѣпого. Радъ я былъ увидѣть стараго и состарѣвшагося пріятеля.

*

*) Извѣстный впослѣдствіи Іезуитъ.

С.-Петербургъ, 26 Іюля 1835

Балъ вчерашній былъ прекрасный. Государь съ Императрицею, Наслѣдникомъ, великими князьями и дорогими гостями изволили пріѣхать къ 9 часамъ и оставаться до 11. Ко мнѣ былъ очень милостивъ: первый разъ, глядя на танцы, подозвалъ меня и разговаривалъ, а второй, встрѣтивъ въ галлереѣ, что̀ около залы, прошелся по ней раза три со мною. «А что изъ Москвы?»—Слава Богу, все благополучно, молодые собираются въ путь.—«Да, сказалъ съ улыбкою, *отказалъ*. Въ Пермь *permis*, а въ Вѣну *non*». Я осмѣлился сказать, что онъ (Соломирскій) продолженія отпуска не проситъ и явится непремѣнно къ сроку, но желалъ бы представить молодую жену Дмитрію Павловичу. «Нѣтъ, отказалъ». Натурально, не кстати бы было настаивать; только я не очень понялъ этотъ отказъ. Сегодня уже заѣзжалъ я къ Бенкендорфу проститься, онъ меня встрѣтилъ тѣмъ, что j'ai rempli bien votre commission, mais je n'ai pas rempli pour Vienne. L'Empereur n'a pas consenti, et je n'ai pas pu insister. Вотъ почему и мнѣ Государь сказалъ: *отказалъ*. Поутру уже дѣло было рѣшено. Нечего дѣлать. Мнѣ помнится, что и въ Москвѣ уже, говоря объ отпускѣ, Государь сказалъ, чтобы не ѣхать въ чужіе края кажется, ты мнѣ о семъ писалъ. Кажется, рѣчь была о молодыхъ военныхъ, которые женятся, да въ отставку, да въ чужіе края. Прежде сего на балѣ я говорилъ съ Чернышевымъ; онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ долженъ будетъ, когда до него дойдетъ, представить Государю, самъ собою разрѣшить не можетъ, а долженъ послать къ нему. Бѣда не велика: могутъ послѣ ѣхать черезъ годъ или два. Нашимъ дамамъ было очень весело. Государь также и съ ними изволилъ разговаривать и шутить. Много очень было, и все шло очень порядочно. Мы домой воротились въ ½ 12-го.

*

С.-Петербургъ, 27 Іюля 1835.

Сегодня утромъ дворъ отправляется на пароходѣ въ Петергофъ. Кн. Волконскій и вчерашній вечеръ провелъ у насъ для прощанія. Опять пошелъ дождь, только вѣтеръ южный и погода теплая. Вчера Соня ѣздила верхомъ, жена ее провожала въ колескѣ, а мы съ Итальянцами играли въ боччи. Онѣ встрѣтили Государя съ Государынею также верхомъ. Проѣзжая мимо жены, Государь сказалъ нѣсколько словъ, дамы наши возвратились домой очень счастливы. Въ Понедѣльникъ Государь опять пріѣдетъ сюда, а тамъ уже 1-го числа изволитъ отправиться въ путь моремъ. Да сопутствуетъ ему Господь! Вечеромъ также были у насъ Вяземскій, который мало выѣзжаетъ, все еще очень грустенъ, Жуковскій, Бибиковъ, бывшій нѣкогда у васъ полицеймейстеромъ и который

привозилъ сына своего, вступающаго въ юнкерскую школу, знакомить съ Сашкою. Велеурскій, всегда добрый, сказывалъ мнѣ, что Фильдъ въ большой нуждѣ въ Неаполѣ, желалъ бы сюда возвратиться, но не съ чѣмъ. Хочетъ составить концертъ въ его пользу, съ тѣмъ, чтобы послать ихъ къ Матушевичу и просить его устроить возвращеніе Фильда въ Москву, гдѣ онъ можетъ уроками себя содержать. Жаль, что такой талантъ погибаетъ. Говорятъ, что онъ пьетъ шибко, можетъ быть и съ горя.

*

С.-Петербургъ, 29 Іюля 1835.

Изъ Франкфуртской газеты узнаешь о заговорѣ противъ Французскаго короля, коего чуть онъ не сдѣлался жертвою. Жаль мнѣ Мортье, который былъ здѣсь посломъ и убитъ адскою машиною со многими другими. Эти Французы никогда, видно, не угомонятся.

*

С.-Петербургъ 30 Іюля 1835.

Подлинно чудно: король и его дѣти спаслись. Все вокругъ ихъ было убито или ранено, даже и Брогліо получилъ контузію. Злодѣй пойманъ тутъ же, и самъ онъ раненъ шибко отъ разорванія 2-хъ стволовъ сильно заряженныхъ. Умирать такъ и концы въ воду. Экіе мерзавцы! Жаль мнѣ очень Мортье. Старикъ былъ почтенный. Теперь только и рѣчей, что объ этомъ приключеніи.

*

С.-Петербургъ, 30 Іюля 1835.

Жена кн. Николая Гагарина, Бобринской дочь, тебѣ очень знакомая, почувствовала 4-го дня ознобъ, третьяго дня однакожъ выѣзжала, вчера утромъ давала еще разныя приказанія своему управителю; сдѣлалось ей дурно, тотчасъ причинилось воспаленіе внутри, приставили піявки, но тотчасъ сдѣлался антоновъ огонь, и она Богу душу отдала. Все это такъ скоро, что чрезвычайно страшно. Ея тучность, вѣроятно, ускорила кончину. Ты можешь себѣ посудить, въ какомъ положеніи ея мужъ, дѣти, мать. Вотъ наша жизнь! А мы дѣлаемъ проекты иногда лѣтъ на 20 впередъ, когда смерть, можетъ быть, за плечами. Я не очень коротко былъ съ нею знакомъ, но жаль и ее, и семейство. Дочери остаются безъ матери, это всегда трудно и несчастливо.

*

С.-Петербургъ, 3 Августа 1835.

Государь третьяго дня въ половинѣ 1-го ч. снялся съ якоря. Кромѣ Государыни, великой княжны Ольги Николаевны и высокихъ гостей, на томъ же пароходѣ поѣхали гр. Бенкендорфъ, гр. Орловъ, кн. Меншиковъ. Погода была прекрасная, тихая, что̀ для пароходовъ хорошо. На-

добно полагать, что завтра утромъ Государь прибудетъ въ Данцигъ. Я съ тобою согласенъ: не о чемъ грустить, что въ Вѣну не пустили, Государь же улыбаясь сказалъ мнѣ, что отказалъ. Въ положеніи Кати это лучше. Дорогою еще могло бы что нибудь приключиться, а первая беременность дѣло важное, ибо имѣетъ вліяніе на будущія, коихъ, надѣюсь, будетъ много: il faut propager les bonnes races. Бенкендорфъ вѣроятно сообщилъ гр. Чернышеву, что Государь не соизволилъ на отпускъ. Хомутовъ *) все въ Царскомъ; я его съ тѣхъ поръ не видѣлъ, какъ говорилъ онъ мнѣ объ отпускѣ. Я былъ увѣренъ, что Катя не огорчится сею неудачею; хотя бы ей пріятно было съѣздить въ Вѣну, но это можетъ сдѣлаться и въ другое время, а ежели есть дѣло съ Ротшильдомъ, то Дмитрій Павловичъ и самъ его можетъ устроить.

*

С.-Петербургъ, 5 Августа 1835.

У насъ говорятъ о нѣсколькихъ свадьбахъ. Во 1-хъ, Марченкова съ дочерью Убри, дѣло рѣшеное. Говорятъ, что Литке, который при Константинѣ Николаевичѣ, женится на Англичанкѣ, которая у вел. кн. Маріи Николаевны и коей имя не помню. Фрейлина гр. Сухтеленъ выходитъ за флигель-адъютанта, кавалергардскаго ротмистра Бутурлина. Къ вамъ поѣхала Ел. Мих. Хитрова, просила письма къ тебѣ; но я отвѣчалъ, что не нужно, а обѣщалъ написать по почтѣ. Проситъ, чтобы ты ее полюбилъ; это отъ тебя зависитъ, ибо по порученію любить нельзя, но о чемъ я прошу, это чтобы ты не отказывалъ ей въ услугахъ, кои отъ тебя будутъ зависѣть. Она не долго у васъ проживетъ. Ѣдетъ на богомолье далѣе, поклониться св. Митрофану.

*

С.-Петербургъ, 6 Августа 1835.

Вчера у насъ Лабинскій обѣдалъ и насказалъ еще нѣсколько свадебъ. Штейнбокъ-Ферморъ женится на Яковлевой. Говорятъ отецъ, соглашаясь, сказалъ ему, что не можетъ ей много дать, что болѣе 100 т. дохода она не будетъ имѣть, да домъ купитъ, да отдѣлитъ, да приданое, да много еще другого. Другая свадьба—княжна Абамелекъ за флигель-адъютанта Баратынскаго, прочихъ не помню; да и эти-то справедливы ли, не знаю.

*

С.-Петербургъ, 12 Августа 1835.

О Государѣ два раза уже имѣли извѣстіе изъ Данцига. Доѣхали благополучно въ Воскресенье вечеромъ, т.-е. 4-го, а во Вторникъ его величество долженъ былъ отправляться въ Калишъ, а Государыня въ

*) Командиръ лейбгусарскаго полка, въ которомъ служилъ П. Д. Соломирскій.

Фишбахъ. Вел. Кн. послѣ водъ собирался въ Калишъ, Великая Княгиня хотѣла погулять въ Швейцаріи, можетъ быть на Рейнѣ, а тамъ сюда возвратиться. Изъ Франкфурта Маркеловъ мнѣ пишетъ, что никогда не было тамъ столько Русскихъ. Отъ Тургенева имѣю письмо изъ Лондона. Экъ его куда кинуло! Вяземскій былъ у насъ вчера вечеромъ. Жена его должна была выѣхать изъ Генуи, и теперь считаетъ ее въ пути, только боится, что карантины, по случаю холеры, ее задержутъ.

*

С.-Петербургъ, 24 Августа 1835.

Да, Рибопьеръ точно не старѣетъ; горя у него нѣтъ, служба идетъ пріятно и успѣшно, такъ можетъ еще постарѣть съ лѣтами, когда ему за 50 по моему счету. На счетъ мой онъ неправду говоритъ: я старѣю, сѣдѣю и въ досужное время чувствую, что родился въ 1782 году. Князя Сергѣя Михайловича я видѣлъ только изъ дачи на улицѣ; сожалѣю, что съ нимъ не встрѣтился, я его какъ-то люблю. У него лицо доброе, а эта вывѣска всегда или часто предупреждаетъ въ пользу носящаго ее.

*

С.-Петербургъ, 30 Августа 1835.

Много изъ Батинскихъ товарищей перебралось на вѣчный упокой, но много еще живыхъ и какъ встрѣтимся, то съ удовольствіемъ вспоминаемъ прошедшее давно время. Кстати о старыхъ знакомыхъ. Мы вчера были у Олсуфьевой, которую я 15 лѣтъ не видалъ. Постарѣла, разумѣется, потолстѣла очень, но не скажу, чтобы очень перемѣнилась. Она мнѣ тотъ же сдѣлала комплиментъ. Кстати о старости. Старикъ гр. Хвостовъ не только не умеръ, какъ было сказали, но ему сдѣлалось лучше. Можетъ быть, и уцѣлѣетъ на этотъ разъ, а ему подъ 80 лѣтъ.

*

С.-Петербургъ, 4 Сентября 1835.

Вчера удивилъ и обрадовалъ меня своимъ появленіемъ Бріоски, пріѣхавшій на пароходѣ. Отъ него узналъ я, что и Вяземскіе вчера приплыли, пострадавъ нѣсколько отъ противнаго вѣтра. Бѣдный Бріоски, для котораго вы все-таки ничего не сдѣлали, потерялъ въ Италіи дочь.

*

С.-Петербургъ, 5 Сентября 1835.

Съ Костею случилась маленькая бѣда. Когда выпустили юнкеровъ изъ школы, то всѣ они разбрелись по своимъ семействамъ. Костя натурально явился къ намъ и жилъ у насъ. Я началъ съ того, что просилъ его малое время, до вступленія въ полкъ, не шалить, сидѣть болѣе дома, гдѣ всегда кто-нибудь бываетъ; стало, ему не можетъ быть скучно, и онъ не имѣетъ компаніи съ офицерами, съ коими, по его чину, не

позволено быть запанибрата. Онъ на обѣщанія щедръ, все обѣщалъ, и съ тѣмъ я согласился, чтобы онъ оставался у насъ. Долго ли казалось потерпѣть? Сказался больнымъ, ибо не могъ еще въ полкъ явиться, не имѣя ничего нужнаго. Если бы былъ въ полку, то бы и не случилось съ нимъ непріятности. Дѣло въ томъ, что онъ все-таки бѣгалъ со двора. На спросъ мой, всегда отвѣчалъ, что былъ у нашихъ Голицыныхъ, или у Натальи Степановны; ну это все хорошо, почему и не быть у своихъ, только вышло, что онъ разъ совралъ мнѣ: вмѣсто Голицыныхъ онъ пошелъ въ Новую Деревню, ужиналъ съ офицерами во Французскомъ трактирѣ, а послѣ пошли шалить по деревнѣ, гдѣ палисадники сломали, гдѣ въ ставни стучали; сдѣлалась тревога, ну улепетывать, но кончилось тѣмъ, что узнали всѣхъ, офицеровъ посадили подъ арестъ, а его Бистромъ, призвавъ къ себѣ, распекъ путемъ, угрожая даже Кавказомъ, хотя какъ отецъ ему говорилъ, а потому послалъ въ школу впредъ до приказанія. Вчера еще онъ былъ на хлѣбѣ и на водѣ. Надѣюсь, что тѣмъ и кончится, но что будетъ впередъ съ нимъ? Такъ легокъ и вѣтренъ, что его всякій завлечь можетъ. Онъ хотя все увѣряетъ, что ничего не дѣлалъ, и офицеры, вѣроятно, чтобъ его спасти, тоже говорятъ; но кто повѣритъ, зная его? Какъ пропуститъ онъ случай пошалить и что за шалости!. Въ трактирѣ шумѣть, шить, послѣ почти въ рубашкахъ бѣгать по деревнѣ, всѣхъ останавливать, шумѣть и поднять такой гвалтъ. Этотъ урокъ будетъ ему хорошъ, надѣюсь. Хорошо, что Бистромъ добрѣйшій человѣкъ, а будь другой? Бистромъ только просилъ меня оставить Костю въ страхѣ о Кавказѣ, дабы онъ былъ смиренъ по крайней мѣрѣ, пока въ офицеры выйдетъ. Онъ сильно перетрусилъ, да это хорошо. Экая забубенная голова! Теперь съ Воскресенья онъ сидитъ. Въ этотъ день Бистромъ за нимъ присылалъ, и тогда только онъ признался мнѣ въ своей догадкѣ, для чего его требуютъ, побѣжалъ въ городъ не обѣдавъ, да тамъ уже и остался. Я было не хотѣлъ тебѣ объ этомъ писать, но боюсь, что дойдетъ какъ нибудь да иначе, такъ рѣшился сказать тебѣ правду. Кабы онъ былъ въ полку уже, то бы сего не было; ибо тамъ безъ позволенія выходить нельзя, а вечеромъ послѣ зари не выпускаютъ. Не даромъ я вамъ все твердилъ о скорѣйшей высылкѣ денегъ. Ты однакоже о семъ происшествіи молчи, а то перепугаешь своихъ, а они помочь горю не могутъ. Я здѣсь стараюсь, сколь возможно, поправить дѣло. Ну если бы Великій Князь былъ здѣсь, нѣтъ сомнѣнія, что до него бы дошло, каково бы намъ было? Костя писалъ мнѣ письмо, полное раскаянія, которому я вѣрю; особливо его огорчаетъ, что тебѣ это будетъ прискорбно. Дѣло поправится, а для него это урокъ полезный, который онъ вѣрно никогда не забудетъ. Шалость и болѣе ничего. Онъ

виноватъ, что согласился съ ними ужинать; но всѣ увѣряютъ, что онъ не бѣгалъ съ ними по деревнѣ, а какъ скоро могъ, то убѣжалъ домой.

***

Это послѣднее письмо. 23 Октября 1835 года К. Я. Булгаковъ скончался. Къ находившемуся тогда въ чужихъ краяхъ другу его А. И. Тургеневу писали о немъ князь П. А. Вяземскій и В. А. Жуковскій. Въ письмѣ перваго изъ нихъ отъ 25 Октября 1835 г. читаемъ:

«Мало было людей на свѣтѣ, которые имѣли обширнѣйшій кругъ дѣятельности въ пользу частную; болѣе одолжали, не говоря уже о семействѣ его, которое въ немъ лишится земного провидѣнія своего; подчиненныхъ, которымъ онъ былъ точно благотворитель; но онъ сверхъ того былъ какое-то средоточіе, къ которому стекались повсемѣстныя просьбы; онъ такъ многимъ служилъ посредникомъ ходатаемъ по всѣмъ дѣламъ; по связямъ своимъ со всѣми, онъ и самъ былъ связью всѣмъ. Я говорю о немъ, какъ будто уже о покойникѣ».

(Остафьевскій Архивъ Князей Вяземскихъ, II, 274).

Позднѣе В. А. Жуковскій писалъ: 1 (13) Декабря 1835 года (Петербургъ). «Мы похоронили нашего добраго Булгакова. И для меня такъ же, какъ и для тебя, онъ былъ представителемъ первой молодости и первой дружбы. Я его не зналъ лично тогда, какъ подружился съ братомъ Андреемъ, но безпрестанно о немъ въ то время слышалъ. У нихъ тогда началась переписка посредствомъ Жуковлева, котораго письма я читалъ съ большимъ удовольствіемъ. Помню появленіе обоихъ братьевъ, молодыхъ, прекрасныхъ, въ Московскомъ свѣтѣ. Но это была одна минута. Съ тѣхъ поръ я разстался съ ними до Московскаго почтдиректорства и до жизни въ Петербургѣ. Константинъ такъ же мало измѣнился во всю свою жизнь, какъ его лицо, которое было всегда свѣтло и ясно. Онъ былъ добръ во всякую минуту жизни, съ утра до вечера; я не помню его никогда непривѣтливымъ. За нѣсколько часовъ до смерти, пріѣхавъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, я его видѣлъ; не его, а что-то стонущее, хрипящее въ темной глубинѣ его кабинета; я остановился въ дверяхъ и не рѣшился подойти, не хотѣлъ видѣть разрушеннаго лица и посмотрѣть въ потемнѣвшіе глаза, которые бы меня не узнали. Я простился съ нимъ издали. Послѣ видѣлъ издали одинъ только профиль его въ гробѣ. Жена его получила въ пенсіонъ 6000 рублей, и ей дана аренда на 24 года въ 3000 серебромъ. Мѣсто его заступилъ Пряничниковъ, какъ почтдиректоръ, и Кривошапкинъ, какъ правитель департамента». (См. «Русск. Архивъ» 1895).

Черезъ много лѣтъ, князь П. А. Вяземскій такъ вспоминалъ К. Я. Булгакова: «Онъ смолоду шелъ по дипломатической части и бывалъ въ военное время агентомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ при главныхъ квартирахъ дѣйствующихъ армій. Это сблизило его съ графомъ Нессельроде, графомъ Каподистріею, княземъ Петр. Мих. Волхонскимъ и другими сподвижниками царствованія Александра I. Умственныя и служебныя способности его, нравъ общежительный, скромность, къ тому же прекрасная наружность, всегда привлекающая сочувствіе, снискали ему общее благорасположеніе, которое впослѣдствіи и на опытѣ умѣлъ онъ обратить въ уваженіе и довѣренность. Императоръ Александръ особенно отличалъ его и, вѣроятно, имѣлъ на виду и готовилъ для опредѣленія на одинъ изъ высшихъ дипломатическихъ заграничныхъ постовъ. Говорили, что Государь очень неохотно и съ трудомъ, по окончаніи Вѣнскаго конгресса, согласился на просьбу его о назначеніи на открывавшееся тогда почтъ-директорское мѣсто въ Москвѣ. Но не задолго передъ тѣмъ Булгаковъ женился и желалъ для себя болѣе спокойной служебной осѣдлости. Московскимъ старожиламъ памятно его директорство, всѣмъ доступное, подчиненнымъ и лицамъ посторонним, для всѣхъ вѣжливое и услужливое; памятенъ и гостепріимный домъ его, въ которомъ запросто собирались пріятели и лучшее общество. Съ перемѣщеніемъ его изъ Москвы въ Петербургъ на таковую же должность, кругъ его служебной дѣятельности и общежительныхъ отношеній еще болѣе расширился. Биліардъ (оба брата были большіе охотники и мастера въ этой игрѣ) былъ два раза въ недѣлю, по вечерамъ, неутральнымъ средоточіемъ, куда стекались всѣ званія и всѣ возрасты: министры, дипломаты Русскіе и иностранные, артисты свои и чужеземные, военные, директоры департаментовъ, начальники отдѣленій и многіе другіе, не принадлежащіе никакимъ отдѣленіямъ. Разумѣется, тутъ была и биржа всѣхъ животрепещущихъ новостей, какъ заграничныхъ, такъ и доморощенныхъ. Въ другіе дни, менѣе многолюдные, домъ также былъ открытъ для пріятелей и короткихъ знакомыхъ. Тогда еще болѣе было непринужденія во взаимныхъ отношеніяхъ и разговорѣ. Тутъ и князь П. М. Волконскій, вообще мало обходительный и разговорчивый, распоясывался и при немногихъ слушателяхъ дѣлился своими разнообразными и полными историческаго интереса воспоминаніями. Тутъ, между прочимъ, разсказывалъ онъ намъ, въ продолженіе цѣлаго вечера, многія замѣчательныя подробности о походахъ императора Александра, или воспоминанія свои о преимущественно-анекдотическомъ царствованіи императора Павла.

(„Русскій Архивъ“ 1868 г., стр. 1438).

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА.

1855-й годъ *).

Январь. 1. Я ѣздилъ съ поздравленіемъ къ графу А. А. Закревскому, который, увидавъ меня, сказалъ: «Съ новымъ годомъ поздравляю васъ, И. М., желаю вамъ прожить сто лѣтъ». Потомъ я былъ у графа Строганова, у Н. И. Ждановскаго, у П. М. Иракліонова, у А. Д. Черткова, у М. И. Чеодаева и пр. Помолился и приложился къ святынямъ въ Успенскомъ соборѣ, въ Чудовѣ м. и у Св. Николая Гостун.

2. Я ѣздилъ къ Д. П. Алексѣеву и къ А. И. Лобкову, у котораго и обѣдалъ съ академикомъ Раевымъ, Итал. архитекторомъ, Буркинымъ и Бестужевымъ.

3. Я ѣздилъ къ Иверской, гдѣ дожидались Великихъ Князей Николая и Михаила. Они прибыли въ 4 часу попол., одѣтые въ сѣрыя шинели. Проѣзжая мимо меня, они мнѣ при всѣхъ особенно поклонились, такъ равно и при выходѣ изъ Николаевскаго дворца. Тутъ я встрѣтился съ А. И. Философовымъ и поздравилъ его съ Александровской лентой, пожелалъ имъ счастливаго пути и успѣха, побѣды. Тамъ я нечаянно столкнулся съ графомъ А. А. З. На вечеринкѣ у насъ были: Т. И. Бахметева, А. С. Ждановская съ Катенькой и Грушей, Н. П. Иракліонова съ Катею и Лизою, П. П. Корниловъ, П. Я. Ковалевскій, А. А. Мартыновъ, г. Жеребцовъ, Тютчевъ, Павличинскій, И. Ждановскій. Танцовали, пѣли, играли на фортепіано, потомъ ужинали и разъѣхались въ 5 часу утра. Да благословитъ Господь счастьемъ мою Анету къ моему утѣшенію! П. П. Корниловъ написалъ для Андрея письмо въ арт. училище къ начальнику его Каганову, своему родственнику.

8. Я купался въ снѣгу.

9. По согласію съ А. С. Ж. ѣздилъ въ ц. Св. Николая въ Хамовникахъ помолиться Божіей Матери, Споручницы Грѣшныхъ, потомъ къ Спасу въ Барыковомъ домѣ, наконецъ проводилъ Ждановскую до ея квартиры и пилъ у нихъ кофе. При мнѣ были инженерный офицеръ Дмитріевъ, г. Геркенъ съ своимъ племянникомъ, Н. С. Можжаковъ съ письмомъ отъ А. И. Войцеховича и порученіями отъ министра внутрен-

*) См. выше, стр. 286.

нихъ дѣлъ касательно меня, именно, что онъ имѣетъ въ виду помѣстить меня въ Совѣтъ при Министерствѣ и дать мнѣ порученія въ Москвѣ, мѣсто губернатора. Буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя!

Я обѣдалъ у Гучковыхъ, гдѣ встрѣтилъ И. И. Вельмяпнова. Садовскій и Горбуновъ представляли сцены изъ народной жизни. Мастерски подмѣтили! Безъ меня были гг. П. П. Корниловъ и Сушковъ.

10. Видѣлъ пріѣздъ къ министру народнаго просвѣщенія Норову, остановившемуся въ Университетѣ. Проводилъ въ Почтамтѣ П. П. Корнилова, отправившагося въ Варшаву.

11. Поутру я ѣздилъ къ А. П. Лобкову по своей надобности; у него встрѣтилъ Сорокина, Алексѣевыхъ, завтракали. Отъ него я проѣхалъ къ министру народнаго просвѣщенія Норову, но не засталъ его. Въ этотъ день къ намъ пріѣзжала графиня Несельроде.

12. Столѣтній юбилей Московскаго Университета. Служившему въ Университетѣ 45 лѣтъ безпрерывно и усердно, доставившему матеріалы для исторіи его, мнѣ не прислали приглашенія на юбилей *) по вліянію пристрастнаго и вѣроломнаго Назимова. Недолго же будетъ его торжество: Господь накажетъ его за несправедливость ко мнѣ. Разыдутся дѣлающіе беззаконіе. Наушники его выдадутъ его и осрамятъ. Этотъ праздникъ не есть ли похоронный для Университета Московскаго?

13. Съ женой, сыномъ и дочерью я обѣдалъ у А. П. Лобкова, у котораго также былъ Гучковъ, Савельевъ съ женою и пр. Пѣлъ Русскія пѣсни Соболевъ.

15. Не заставъ дома министра Норова, я поговорилъ о своемъ дѣлѣ съ вице-директоромъ Алексѣемъ Ефремовичемъ Кисловскимъ. По приглашенію я былъ на великолѣпномъ обѣдѣ у графа А. А. Закревскаго, который давалъ его въ честь столѣтняго юбилея Московскаго Университета. У него собрались всѣ знаменитости, депутаты отъ академій и университетовъ, митрополитъ Филаретъ, архіепископъ Евгеній, всѣ профессора и нѣсколько студентовъ изъ всѣхъ факультетовъ, военные генералы и пр. Въ продолженіе стола играла музыка. Пили за здоровье царя, царицы, министра, графа А. А.

23. Съ Подклюшниковымъ я ѣздилъ осматривать иконы въ церквахъ на Преображенскомъ кладбищѣ, оттуда заѣхали къ В. А. Сопѣлкину. Вечеромъ были у насъ раненый Васютинъ, И. Я. Ковалевскій и Бахметева, которые ѣздили въ театръ съ дѣтьми моими, а потомъ съ женою моей въ маскарадъ.

---

*) Не получили приглашенія и лица, работавшія для юбилейныхъ изданій Московскаго Университета, въ числѣ ихъ пишущій эти строки; а множество билетовъ на торжественный обѣдъ роздано людямъ военнымъ. П. Б.

25. Ѣздилъ къ Н. М. Смирнову, прежнему моему ученику, который по порученію А. И. В. поговорилъ со мною о раскольникахъ. Отъ него я заѣхалъ къ Сопѣлкину позвать его къ Н. М. Смирнову, потомъ въ церковь Утоленія Печали на праздникъ, былъ въ полицейской типографіи, обѣдалъ у г. Никифорова съ Г. С. Поповымъ. Вечеромъ у насъ были гг. Бахметева и П. Я. Ковалевскій, съ которыми жена моя и дочь поѣхали въ маскарадъ.

26. Утромъ я дочиталъ I т. Путешествія Ант. патріарха Макарія и подписалъ 25 листъ Майковой диссертаціи.

27. Къ Н. М. Смирнову, у котораго нашелъ раскольниковъ съ Рогожскаго кладбища, просившихъ милости.

28 Къ Н. М. Смирнову, которому отдалъ 14 экз. Описанія освященія Преображенской ц. и отъ котораго получилъ за напечатаніе 50 р. с.; изъ нихъ отдалъ 14 р. с. въ полицейскую типографію за бумагу.

29. Ѣздилъ къ Клюшникову, который для себя списалъ съ меня портретъ, завернулъ къ П. И. Страхову, съ которымъ побесѣдовалъ о разныхъ предметахъ. Изъ Подчернаго привезли Наталью, по желанію жены моей.

30. Съ Мишей ѣздилъ на репетицію представленія въ домѣ Гурьева на Тверской, гдѣ видѣлъ графиню Закревскую и Несельроде. Изъ Саровской пустыни я получилъ св. просфору и образъ Спасителя на стеклѣ, который и отправилъ съ мужикомъ своимъ въ Подчернскую церковь, куда послалъ поправленныя Подклюшниковымъ четыре иконы.

Февраль. Миша игралъ у графа Закревскаго на театрѣ въ пользу раненыхъ.

2. Послѣ обѣдни зашелъ ко мнѣ профессоръ и іерей Нечаевъ, которому я далъ для просмотра: 1) Владимирскія древности и 2) Дмитровскій соборъ Гр. Стр. Завтракалъ у А. А. Мартынова.

3. Во время обѣда привезли изъ Гражданской Палаты дарственную на Обтушку, которую я и отдалъ Анетѣ именинницѣ, вмѣсто именинаго подарка.

4. На завтракѣ былъ у П. М. Иракліонова, котораго поздравлялъ съ помолвкою его дочери Е. съ сыномъ Перевощикова. Тамъ и разговаривалъ съ А. Н. Бахметевымъ, который меня обласкалъ и показалъ довѣренность и участіе.

6. Ранняя обѣдня у св. Филиппа митрополита, гдѣ прочтенъ былъ манифестъ объ ополченіи и отслуженъ молебенъ противъ нашествія враговъ. Былъ у А. А. Мартынова, который получилъ перстень отъ великаго князя Константина Николаевича.

10. Скончался старѣйшій изъ генераловъ, племянникъ Суворова, кн. А. И. Горчаковъ. Потомъ я навѣстилъ больного А. А. Мартынова

и возвратилъ ему дополненіе къ собранію Русскихъ пословицъ, сообщенное г. Лесли.

12. Совѣщаніе Московскихъ дворянъ въ Благородномъ Собраніи объ ополченіи. Я былъ у обѣдни на праздникѣ въ Чудовѣ м., гдѣ служилъ и проповѣдывалъ митроп. Филаретъ. Нѣкоторымъ я роздалъ писанное мною житіе святителя Алексія Митрополита и Благовѣрнаго Князя Михаила Черниговскаго.

16. Я ѣздилъ въ Дворянское Собраніе на выборы въ ополченіе. Избрали А. П. Ермолова въ предводители онаго, ему кричали ура. Я навѣщалъ графа А. А. Закревскаго.

17. Былъ у меня А. А. Мартыновъ, который просилъ меня описать Андреевскій монастырь.

19. Получено изъ Спб. извѣстіе, что Государь боленъ и что состояніе его весьма опасно отъ ослабленія легкихъ и отъ успленія затруднительнаго отдѣленія мокротъ. Бюллетень подписанъ 18 Февраля лейбъ-медиками Мандтомъ, Енохинымъ и Карелемъ. Вчера подарилъ мнѣ для Подчерской церкви Постную Тріодь директоръ Синодальной типографіи А. Д. Бороздинъ.

20. Въ Чудовѣ м. читанъ былъ манифестъ о вступленіи на престолъ императора Александра II, и принимали присягу, и я подписался. Тамъ я видѣлся съ А. П. Ермоловымъ, съ Мясоѣдовымъ, Ѳ. П. Корниловымъ. Народу было множество, но тишина царствовала въ церкви гдѣ совершилъ молебствіе митроп. Филаретъ. Упалъ съ громомъ средній колоколъ на Филар. колокольнѣ, проломилъ сводъ и полъ, задавивъ 7 человѣкъ. Я думалъ, что изъ пушки выстрѣляли. Это что-то знаменательное. Оттуда къ присягѣ по вызову попечителя въ Университетскую церковь. Чудное событіе и неожиданное. Что̀ готовитъ Промыслъ Россіи, которая лишается царя-богатыря въ такихъ обстоятельствахъ, когда ее обложили враги со всѣхъ сторонъ? Конечно, благо.

21. Разные толки и плачъ въ народѣ. Замѣчательно, что императоръ Николай I скончался въ тотъ самый день и часъ (въ Пятницу въ 12 часовъ), когда Христосъ пострадалъ за насъ, и притомъ за крестъ и подъ крестомъ.

27. На отпѣваніи А. И. Царскаго въ церкви Св. Василія Кесарійскаго. По зову обѣдалъ у А. И. Лобкова, который увѣрялъ меня въ своей дружбѣ и любви.

Мартъ. 6. Утромъ я ѣздилъ въ село Владыкино, гдѣ у моего духовника о. Василія исповѣдывался и пріобщался въ упованіе на великое милосердіе Божіе. Дорога отъ глубокихъ снѣговъ трудная, множество ухабовъ и сугробовъ. На перепутьѣ я заѣхалъ навѣстить Н. Я. Богославскаго.

10. Черезъ почту послалъ я въ Подчерное Постную Тріодь. Былъ, ѣлъ и игралъ у меня г. Славикъ, которому я подарилъ 4 экз. Дополненія къ Русскимъ пословицамъ: одинъ для него, другой для Шафарика, 3-й для Тило, 4-й для Ганки. Изъ Почтамта я заѣхалъ въ ц. Трехъ Радостей Богородицы, потомъ къ А. И. Лобкову, у котораго засталъ д. Гульковскаго. У насъ была нѣмая угадчица Катерина Мирон.

11. Утромъ я ѣздилъ въ Новодѣвичій м. для повѣрки описанія, былъ у игуменьи Пансіи Нудольской и просилъ ее объ открытіи настѣнной надписи.

12. Праздникъ Похвалы Богородицы въ Успенскомъ соборѣ. Наканунѣ его я видѣлъ во снѣ, будто я былъ въ церкви и когда отворились царскія двери и вышелъ священникъ съ потиромъ, я подошелъ къ нему и наклонясь покрылъ себя его рукою и отеръ лице. Кто-то мнѣ далъ теплую просфору.

14. Съ А. А. М. я ѣздилъ по ломкому льду Москвы въ Андреевскій монастырь, гдѣ осматривали церкви и подвалы въ 3 этажа. Близъ него есть такъ называемые заразы, гдѣ растетъ орѣшникъ. Древнѣйшая ц. надъ воротами. Осталось нѣсколько надгробныхъ камней и синодикъ XVIII вѣка. Мѣсто привольное и уединенное, откуда виденъ Новодѣвичій м.

16. Я послалъ при письмѣ къ Н. С. Самойлову статью свою о *портретѣ патріарха Никона для Пчелы*. Поутру былъ у А. И. Лобкова, у котораго нашелъ Подклюшникова. А. И. избралъ меня посредникомъ въ томъ, чтобы рѣшить, сколько слѣдуетъ заплатить Подклюшникову за реставрированіе и открытіе Корреджіевой картины. П. просилъ 850 р. сер. и по моему предложенію сбавилъ 50 р. с., а меньше никакъ не хотѣлъ взять. Зачѣмъ же тутъ мое посредничество?

17. Съ Божія благословенія вечеромъ я помолвилъ дочь свою Анету за тит. сов. и кавалера Ивана Васильевича Бородина, просившаго ея руки. Да благословитъ Господь Богъ счастіемъ ненарушимымъ этотъ союзъ къ нашему утѣшенію! При этомъ были М. В. Петрова, Тансія Ил. Бахметева, Аполлинарія Алексѣевна Горская и все наше родное семейство кромѣ беременной невѣстки.

18. Ѣздилъ поздравить съ Ангеломъ Д. И. Сушкову и на похороны генералъ штабъ-доктора М. А. Баталина, умершаго на 90 году жизни. Ко мнѣ пріѣзжали на третейскій судъ А. И. Лобковъ и Н. И. Подклюшниковъ. Я ихъ помирилъ на 500 р. сер., изъ коихъ выговорилъ 60 р. сер. К. Ѳ. Терновской.

20. Ранняя обѣдня въ своемъ приходѣ. Я ѣздилъ съ визитомъ къ княгинѣ Лобановой-Ростовской, двоюродной сестрѣ И. В. Бородина. У насъ обѣдалъ И. Я. Ковалевскій. Вечеромъ съ Божія благословенія

и по Его промышленію, благословилъ нашъ протоіерей П. С. дочь мою Анету съ И. В. Бородинымъ въ присутствіи его сестры, княгини Лобановой-Ростовской *), Ковалевскаго, г. Бахметева съ женою, А. А. Мартынова съ женою, М. В. Петровой и А. А. Горской. Я съ женою благословилъ обрученныхъ кольцами съ иконою Знаменія Богородицы.

26. Великая Суббота. Въ Сѣверной Пчелѣ я прочелъ, что 19 Марта мнѣ подписана, по моему прошенію, отставка отъ должности цензора съ мундиромъ.

27. Я ѣздилъ съ визитомъ къ Н. В. Сушкову, къ графу А. А. Закревскому, который осуждалъ Назимова, за его поступокъ со мною. Богъ лучше разсудитъ, и когда Н. думаетъ торжествовать, тогда споткнется за свое вѣроломство, легкомысліе и криводушіе. Въ семействѣ его будетъ ему наказаніе, а по службѣ оставитъ по себѣ дурную память за то, что дѣйствовалъ по внушеніямъ и по навѣтамъ наушниковъ, которые первые противъ него возстанутъ.

Апрѣль. 3. Посѣтилъ В. А. Сопѣлкина, отъ котораго получилъ Филаретову грамоту Рогожскимъ.

6. Я ходилъ на желѣзную дорогу встрѣтить съ сенаторомъ А. И. Мясоѣдовымъ его жену Екатерину Сергѣевну. Потомъ я проѣхалъ въ Римско-Католическую церковь на заупокойную обѣдню по императорѣ Николаѣ I. Послѣ панихиды исполнено было оркестромъ музыки и хоромъ пѣвчихъ дивное твореніе Моцарта Requiem подъ дирекціею г. Славика. Глубокія мысли и чувства облечены были въ дивные звуки торжественно- умилительные и высокіе. Предъ алтаремъ подъ балдахиномъ стоялъ катафалкъ, покрытый порфирою; на немъ положена была императорская корона предъ распятіемъ. Вокругъ него свѣчи въ три ряда съ Россійскими гербами; гирлянды цвѣтныя. Стѣны церкви покрыты были чернымъ сукномъ, на коемъ по мѣстамъ изображены на щитахъ гербы.

10. Обѣдню я слушалъ въ ц. Троицы на Капелькахъ, гдѣ списалъ надпись на переплетѣ Апостола о времени сооруженія этой церкви. Заплатилъ визитъ барону Рейхелю, которому сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о преподавателяхъ и ученикахъ прежняго Благороднаго Пансіона.

12. Я много ѣздилъ по Москвѣ изъ конца въ конецъ для разсѣянія своей заботы; навѣстилъ родственницу О. П. Извольскую, которая была мнѣ очень рада, А. И. Лобкова и Х. Д. Спиридонова.

15. Я ѣздилъ къ ксендзу Телефору Грегоржевскому прочитать свою статью о заупокойной обѣднѣ въ память императора Николая I. Повидимому, онъ съ другимъ ксендзомъ ее одобрили.

---

*) Это мать будущаго министра иностранныхъ дѣлъ. П. Б.

17. Ѣздилъ поздравить съ торжествомъ графа А. А. Закревскаго, у котораго, по приглашенію, и обѣдалъ. Обѣдню и молебенъ служилъ въ Чудовѣ м. викарій Алексій за болѣзнію митроп. Филарета, у котораго болитъ языкъ, такъ что онъ съ трудомъ можетъ говорить.

20. Я ѣздилъ въ Кремль, гдѣ осматривалъ съ архитекторомъ Чичаговымъ кладку Успенскаго собора: внутренняя кладка *безъ лица*, между камней *торчкомъ*, въ спаяхъ вколочены *ерши* съ широкими шляпками. Стѣны толщиною около двухъ аршинъ. Со столповъ сняты иконостасы для возстановленія стѣнописи. Въ расположеніи куполовъ (копми называются шея и глава или маковица) нѣтъ симметріи: двѣ главы надъ алтаремъ, а три надъ самымъ храмомъ, но остальная часть какъ бы приставная. Таково расположеніе главъ Архангельскаго (собора) и Новодѣвическаго собора. Посмотрѣвъ крестный ходъ, въ коемъ вмѣсто митроп. Филарета шествовалъ викарій Алексій, я отправился къ священнику ц. Зачатія въ Углу съ Н. И. Подключниковымъ; потомъ осматривали и самую церковь съ ея придѣлами. Когда упразднены и сломаны были церкви св. мученика Мины на древнѣйшемъ камен. домѣ (нынѣ Навроцкаго) и Девяти Мучениковъ, то изъ нихъ иконы и иконостасы перенесены въ придѣлы, окружающіе храмъ Зачатія.

25. Поутру я ѣздилъ съ Мишею къ д. Беку за деньгами. У М. И. Захарова я встрѣтилъ г. Кони, который разсказалъ о благотворныхъ перемѣнахъ въ Спб.

26. Къ графу А. А. Закревскому, съ которымъ я поговорилъ о своихъ дѣлахъ и нуждахъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ отъ его имени ѣхать къ А. П. Лобкову и взять у него деньги.

28. Написавъ у маклера Дьяконова заемное письмо П. И. Страховý, отъ него получилъ 3000 р. сер. за казенные проценты. Онъ въ нуждѣ меня выручилъ, между тѣмъ какъ братъ А. А. Озерецковскій отказалъ подъ пустыми предлогами. Получивъ отъ П. И. С. деньги, я изъ нихъ уплатилъ въ Моск. магазинъ 500 р. с. Отпустили приданое Анеты къ И. В. Б., ея жениху, въ домъ съ двумя свахами. Дай, Господи, ей счастія въ супружествѣ, совѣта и любви!

29. У обѣдни поздней въ ц. Зачатія въ Углу, гдѣ я замѣтилъ въ главномъ предѣлѣ на южной стѣнѣ образа св. Іоанна Богослова, св. Николая съ дѣяньми, Іоанна Предтечи съ главою въ рукахъ и свят. Михаила Мал.; на сѣверной: Смоленскія Одигитріи Богородицы, Зачатія и святителя Николая съ Евангеліемъ въ одной рукѣ, а другая благословляетъ. Стѣны храма, толщиной въ 5 четвертей, состоятъ изъ облицовки бѣлымъ камнемъ, въ срединѣ булыжникъ и голыши. Тамъ я отслужилъ молебенъ Страстной Божіей Матери, св. пророчицѣ Аннѣ и преподобному Іоанну Рыльскому. Въ 8-мъ часу вечеромъ съѣхались ко мнѣ въ домъ прово-

жатые моей дочери: ген. отъ инфантеріи М. И. Чеодаевъ, ген.-лейт. П. А. Чертовъ, кн. М. А. Оболенскій, д. с. с. Сушковъ и П. М. Иракліоновъ, А. Н., О. Я. и И. Я. Ковалевскіе, А. А. Мартыновъ, М. И. Снѣгиревъ, К. М. Романовскій, мой товарищъ, г-жа Стори съ дочерью, В. П. Головина съ дочерью. Когда стали собираться къ отъѣзду, то собралась туча и дождь, который скоро прошелъ, и погода прояснилась. (Я слѣдовалъ за ними въ церковь, гдѣ во время вѣнчанія стоялъ на паперти). Благословляли дочь мою, кромѣ меня и матери, Н. В. Сушковъ и В. П. Головина. Церковь была полна народу. Провожатые моей дочери составили вокругъ нея прекрасный кругъ. Вѣнчаніе совершилось торжественно и спокойно. Изъ церкви мы прошли въ домъ къ молодымъ, гдѣ подавали десертъ и ужинъ. Благословивъ отъ души молодыхъ, я съ женою поѣхалъ домой.

30. Я ходилъ пѣшкомъ въ Новоспасскій монастырь помянуть друга моего Я. Е. Арсеньева и надъ могилою его въ день его именинъ отслужилъ панихиду и литію надъ могилою бабушки. Митроп. Филаретъ прислалъ въ благословеніе новобрачнымъ образъ Трехъ Радостей Богородицы. Обѣдали у насъ молодые, княгиня О. М. Лобанова-Ростовская и К. М. Романовскій.

Май. 2. Въ Новодѣвичій мон., разбиралъ настѣнную надпись съ священникомъ, осматривалъ образа; потомъ зашли съ нимъ къ монахинѣ Ел. Вас., которой, по надписи на портретѣ митр. Платона, 76 лѣтъ.

6. Я ѣздилъ на Лазарево кладбище поминать свою матушку съ Андреемъ, дочерью Анною и ея мужемъ.

9. Я поѣхалъ по письму И. М. Лукьянова къ Г. Г. Волкову и съ нимъ ходилъ поздравить съ именинами Х. Д. Спиридонова. Въ просьбѣ нашей онъ отказалъ. Зашелъ къ обѣднѣ въ Никитскій м., оттуда къ зятю и дочери своей, потомъ къ К. В. Прохорову, который упросилъ меня обѣдать вмѣстѣ съ духовникомъ моимъ Герасимомъ и Ник. Константиновичемъ Ивановымъ. Послѣ обѣда я ходилъ съ хозяиномъ къ вечернѣ въ ц. его приходскую св. Николая на Новомъ Ваганьковѣ, гдѣ иконостасъ (въ главномъ престолѣ) изъ ц. бывшаго въ Охотномъ ряду Моисеевскаго монастыря. Мѣстныя иконы перенесены сюда изъ бывшей на Черной Грязи. Церковь эта, по началу своему, обѣтная: построила ее мать, искавшая потерянаго сына. Мы обозрѣвали *Три Горы* и спрашивали сами себя, почему митр. Платонъ въ 1812 году хотѣлъ идти на нихъ съ крестнымъ ходомъ? Въ виду ихъ Поклонная гора, по коей шелъ Наполеонъ въ Москву.

10. Ѣздилъ съ тремя племянницами г. Сушкова, изъ коихъ одна фрейлина царствующей императрицы, Анна Ѳедоровна Тютчева, осма-

тривать достопамятности Кремля; были въ трехъ главныхъ соборахъ, въ придворныхъ церквахъ и въ Вознесенскомъ монастырѣ.

11. Съ Д. П. Сушковой и ея тремя племянницами Тютчевыми осматривали патріаршую ризницу.

19. Я составилъ записку о значеніи св. Логина Сотника въ Русской исторіи и о великихъ княгиняхъ, погребенныхъ у Спаса на Бору, для царствующей Императрицы, которая желала имѣть объ нихъ свѣдѣніе, и сообщилъ ее Тютчевой, сестрѣ фрейлины Императрицы.

20. Я ѣздилъ поздравить А. И. Лобкова съ именинами его, отъ него къ обѣднѣ въ Чудовъ м., гдѣ служилъ митрополитъ Филаретъ, еще слабый и видимо изнемогшій, будто въ послѣдній разъ. Зачѣмъ лукавитъ и хитритъ человѣкъ? Въ Чудовѣ я встрѣтилъ графа А. С. Уварова, именинника, и П. Н. Титова, недовольнаго, что я не пригласилъ его на свадьбу, между тѣмъ я не зналъ, въ Москвѣ ли онъ или нѣтъ.

23. Прекраснымъ утромъ я гулялъ въ своемъ саду, освѣжался чистымъ воздухомъ, потомъ занимался своими дѣлами, обѣдалъ у своего зятя и дочери, отъ нихъ проѣхалъ на именины къ графу М. В. Толстому, гдѣ съ сыномъ и невѣсткой ужиналъ.

24. Въ Успенскомъ соборѣ я повѣрялъ свое описаніе съ архитекторомъ Чичаговымъ.

25. Написалъ письмо къ императрицыной фрейлинѣ А. Ѳ. Тютчевой.

26. Вчера начали у насъ ломать погребъ и сарай, построенные отцемъ моимъ вскорѣ послѣ 1812 года. Да благословитъ Богъ и это дѣло!

Съ Андреемъ я отправился къ Великому Князю Михаилу Николаевичу во дворецъ. Тамъ я нашелъ А. И. Философова, которому представилъ сына своего. Онъ его обласкалъ и совѣтовалъ учиться прилежно математикѣ, поступить въ пансіонъ одного Нѣм. генерала для приготовленія, обѣщалъ помочь, когда возвратится въ С.-Петербургъ къ 1 Іюля. Онъ представилъ меня съ сыномъ къ Великому Князю, у котораго были графъ А. А. Закревскій и кн. Н. С. Голицынъ. Великій Князь пожалъ мнѣ руку, спросилъ о моемъ здоровьѣ и о моихъ занятіяхъ. Когда я ему сказалъ, что желаю посвятить въ артилл. службу своего сына и счастливымъ себя и его почту, если онъ будетъ подъ начальствомъ и покровительствомъ его высочества, Великій Князь сказалъ: «Я очень радъ этого молодца принять» и потрепалъ по плечу Андрея. Я, пожелавъ Великому Князю счастія во всѣхъ путяхъ его, раскланялся съ нимъ.

Іюнь. 2. Я ѣздилъ къ священнику Василію Трофимову Малинину церкви Неопалимой Купины; не заставъ его дома, я проѣхалъ въ Новодѣвичій м., гдѣ нашелъ его описывающимъ предметы въ алтарѣ съ священникомъ Даніиломъ. Я имъ помогалъ въ этомъ дѣлѣ и симъ допол-

нилъ свое описаніе. Сперва пригласилъ меня къ себѣ о. Даніилъ, потомъ о. Василій, который казалъ мнѣ Неапал. церковь, построенную въ XVII вѣкѣ, по просьбѣ моей отслужилъ молебенъ Богородицѣ Нечаянной Радости и меня пригласилъ къ своему обѣду, казалъ свою библіотеку и садъ.

4. Я былъ, по приглашенію вице-президента Человѣколюбиваго Общества, на экзаменѣ въ Черняевскомъ дѣвич. училищѣ, гдѣ экзаменовалъ и преосвященный викарій Алексѣй. Тамъ я встрѣтилъ братца своего А. А. Озерецковскаго, которому совѣтовалъ вступить членомъ въ Человѣколюбивое Общество и даже говорилъ объ этомъ П. И. Иванову, изъявившему на это согласіе. Въ нѣкоторыхъ предметахъ я экзаменовалъ воспитанницъ. Послѣ экзамена мы съ А. А. Озерецковскимъ и кн. Н. Н. Голицынымъ попировали.

15. Съ В. П. Сабанеевымъ гулялъ по Кремлевской стѣнѣ и смотрѣлъ водопроводную башню, пораженную молніей. Вечеромъ заѣзжалъ ко мнѣ о. Анастасій, отправляющійся въ Севастополь для отправленія должности врача душевнаго и тѣлеснаго. Я похвалилъ его рѣшимость; это сдѣлаетъ честь не только ему, но и Троицкой лаврѣ.

28. Отъ фрейлины Тютчевой сообщено мнѣ, что Императрица читала мою книжку о Благовѣщенскомъ соборѣ съ живѣйшимъ удовольствіемъ.

Іюль. 1. У меня былъ изъ С.-Пб. Григорій Карловичъ Фридебургъ, издатель Галлереи дома Романовыхъ. Я ѣздилъ къ Н. В. Сушкову, у котораго обѣдалъ; на дорогѣ у строющагося противъ Семинаріи фонтана встрѣтилъ графа Закревскаго, который со мною остановился и поговорилъ о зятѣ моемъ, совѣтовалъ поддерживать духъ въ дочери, чтобы она не унывала и не пускать ее въ даль.

2. Утромъ у меня были изъ Венеціи живописецъ Дуси и смотр. театра Оберъ за справками о старомъ Кремлѣ. Я имъ сообщилъ, что̀ зналъ; потомъ С. А. Тарасовъ, которому я далъ письмо къ архимандриту Саввѣ.

14. Обѣдалъ у Н. В. Сушкова съ графинею Антониной Дмитріевной Блудовой, коей я подарилъ свою книжку о Благовѣщенскомъ соборѣ.

15. Прочитавъ съ Адріановскимъ діакономъ статью свою объ освященіи Владимирскаго придѣла на Рогожскомъ кладбищѣ, я отправился туда къ празднику и засталъ молебенъ св. Владимиру. Можжакову и Сопѣлкину прочелъ свою статью, которую они одобрили. Второй, какъ именинникъ, насъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ; у него пѣли столбовое.

16. Проводивъ о. Анастасія въ Севастополь, куда онъ ѣдетъ въ званіи лѣкаря, я отдалъ свою статью митроп. Филарету на разсмотрѣніе; навѣстилъ А. П. Святославскаго, потомъ пошелъ пѣшкомъ ко всенощной къ Тремъ Свитителямъ, наконецъ, не дождавшись своей лошади, къ Богоявленію въ Ѣхаловѣ, гдѣ увидѣлъ великолѣпную церковь и встрѣтилъ Н. В. Кацаурова, который зазвалъ меня къ себѣ въ Дѣвичій переулокъ; у него нашелъ прекрасный хозяйственный садъ и домъ. Отъ него ночью я прошелъ въ Сокольники къ женѣ и встрѣтилъ лошадь свою у самаго почти дома.

17. Раннюю обѣдню я слушалъ у св. Адріана и Наталіи, гдѣ за позднею отпѣвали племянника митроп. Филарета А. Дроздова, умершаго отъ холеры на 24 г. Я пѣшкомъ ходилъ по своему дѣлу къ А. И. Лобкову, съ которымъ ѣздилъ обѣдать къ Гучковымъ и навѣстилъ свою жену. Оттуда къ митроп. Филарету, который прочелъ и одобрилъ мою статью *объ освященіи ц. Св. Владимира* на Рогожскомъ кладбищѣ. Я просплъ у него благословенія на путь и службу своему Андрею. Благословилъ.

18. Рано утромъ я ѣздилъ въ полицейскую типографію къ М. П. Захарову, которому сказалъ, что митрополитъ Филаретъ желаетъ его видѣть; обѣдалъ у Миши, но обѣда не докончилъ встревоженный его словами, что онъ продаетъ Сокольники наши, добытые моимъ трудомъ и заботою.

19. Утромъ я ходилъ къ иконописцу Леонтію Петрову за иконою св. Лонгина Сотника, которую и отвезъ къ Сушкову.

20. Раннюю обѣдню отслушавъ у св. Филиппа Митрополита, зашелъ къ Н. Я. Богословскому, при комъ я отдалъ 10 р. серебромъ иконописцу Леонтію Петрову, потомъ ѣздилъ къ празднику св. пророка Иліи на Воронц. полѣ гдѣ служилъ митроп. Филаретъ и было множество народу. День жаркій. Оттуда я проѣхалъ къ А. И. Лобкову, съ которымъ обѣдалъ, и потомъ отправились въ Сокольники къ Кузьмѣ Терентьевичу Солдатенкову, котораго застали за обѣдомъ съ архитекторомъ Карлони, съ докторомъ Высоцкимъ, академикомъ Раевымъ и Безсоновымъ. Я принятъ былъ ласково хозяиномъ. Пріѣхавъ домой, я ходилъ показать митроп. Филарету прибавленія къ статьѣ своей *объ освященіи ц. на Рогожскомъ кладбищѣ*. Митрополитъ одобрилъ и благословилъ. У него я встрѣтилъ графиню Блудову и А. Муравьева.

25. Утромъ я былъ у Ѳ. В. Благонравова, съ которымъ поговорилъ о своихъ дѣлахъ и нуждахъ. Онъ изъявилъ свое участіе и читалъ мнѣ свою статью энергическую о духѣ времени, сравненіе языческаго Рима съ темнымъ Западомъ. Отъ него я къ Мишѣ и съ нимъ поѣхалъ на обѣдъ къ А. А. Мартынову, у котораго были баронъ Кене, профес-

соръ Рулье, П. С. Максютинъ. Послѣ обѣда мы ѣздили на Рогожское кладбище, гдѣ нашли Н. С. Можжакова. Покутили пріятельски.

Августъ. 3. Изъ Цензурнаго Комитета полученъ мною указъ объ отставкѣ, который засвидѣтельствовалъ объ усердной моей службѣ и объ отличномъ знаніи дѣла.

6. Къ поздней обѣднѣ я ѣздилъ въ село Владыкино близъ Останкина, а тамъ Богъ сподобилъ меня исповѣдываться и пріобщиться Св. Таинъ. Ко мнѣ пріѣзжалъ прощаться А. А. Мартыновъ, ѣдущій въ Бельгію. Я ему отдалъ 2 листа корр., мною прочтенной, описанія Новодѣвичьяго монастыря. Я ѣздилъ къ Гучковымъ и засталъ ихъ за обѣдомъ, послѣ коего явился кн. А. Б. Голицынъ. Они отправились гулять въ Останкино. Дорогою отъ нихъ на Спасской улицѣ я, сойдя съ пролетки, упалъ на тротуаръ и больно ушибъ ноги, но былъ у всенощной на Троицкомъ подворьѣ. Митроп. Филаретъ чрезъ своего келейника поздравилъ меня съ новорожденнымъ внукомъ и послалъ ему и родителямъ свое благословеніе. Раскрывъ Псалтырь, я прочелъ въ ней отвѣтъ на свой вопросъ: «Богъ посредѣ его и не подвижится, поможетъ ему Богъ утро за утро». Боже, помози рабу своему Іоанну!

12. Утромъ рано пріѣзжалъ ко мнѣ сынъ Михаилъ сказать о крещеніи моего внука. Зашелъ я къ К. М. Романовскому, отъ него въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ засталъ еще обѣдню, поклонился могиламъ знакомыхъ своихъ. Съ іереемъ Вишняковымъ я перечиталъ 2 листа корр. Описанія Новодѣвичьяго монастыря. Вечеромъ часу въ 7-мъ крестили моего внука Ивана. Воспріемникомъ былъ дядя моей невѣстки, полковникъ Орестъ Яковлевичъ Ковалевскій, а воспріемницею жена моя. Священнодѣйствовалъ іерей церкви св. Іоанна Богослова въ Бронной. За здравіе новорожденнаго пили Шампанское, пожелали ему благословенія Божія въ долголѣтіи и благоденствіи, къ утѣшенію и отрадѣ нашей.

14. Проѣхалъ въ Успенскій соборъ къ вечернѣ, за коею было и водосвятіе для освященія стѣнописи по золоту, которая придала храму новое великолѣпіе. Съ отнятіемъ иконостасовъ отъ четырехъ столповъ въ соборѣ стало просторнѣе и свѣтлѣе. Священнодѣйствовали митроп. Филаретъ, архіепископъ Евгеній и викарій Алексій. Народу было необыкновенное множество, но знати почти не видать. Послѣ вечерни зазвалъ къ себѣ обѣдать архитекторъ Н. И. Чичаговъ.

Октябрь. 1. За мною прислалъ карету Ѳ. П. Стрѣшневъ. Сдѣлавъ визиты кн. С. А. Долгорукову и Н. В. Сушкову, я поѣхалъ въ с. Покровское на праздникъ, гдѣ засталъ водосвятіе и тамъ обѣдалъ съ кн. Урусовымъ, А. С. Цуриковой и пр.

9. Послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ митрополитъ Филаретъ съ викаріемъ Алексіемъ сопровождали крестный ходъ черезъ Никольскіе ворота и, обошедши вокругъ Кремля, вступили послѣ молебствія на Лобномъ м. въ Спасскіе ворота. Въ народѣ замѣтно уныніе. На священникахъ не видать креста бронзоваго за 1812 годъ, но на митрополитѣ Филаретѣ виденъ онъ.

10. Окончивъ описаніе 43 крестнаго хода около Кремля, я прочелъ его съ о. діакономъ М. И. Кротковымъ, потомъ съ Н. В. Сушковымъ, а послѣ обѣда съ митроп. Филаретомъ, который замѣнилъ только одно слово безъ конца «неистощимымъ» и нашелъ мое описаніе дѣльнымъ и очень хорошимъ.

17. Вставши до заутрень, я перечиталъ корректуру статьи своей о *Радонежѣ* и окончилъ выписываніе изъясненныхъ пословицъ изъ Академическаго Словаря. Я, навѣстивъ В. П. Флерова, заѣхалъ въ полицейскую типографію, потомъ къ Ѳ. П. Корнилову поздравить его съ 1 ст. Анны, но не засталъ въ канцеляріи, потомъ къ Н. А. Мартынову, у котораго написалъ письмо къ брату его А. А. въ Стутгардъ. Посылалъ Митрофана своего къ А. А. Озерецковскому поздравить его съ ангеломъ.

18. Поутру я слушалъ раннюю обѣдню у св. Адріана и Наталіи, ходилъ къ иконописцу Л. П., но его не засталъ, навѣстилъ больного глазами графа Шамборана, потомъ ѣздилъ къ г-жѣ Янсонъ по долгамъ, къ Ѳ. П. Корнилову, котораго поздравилъ съ Анн. лентой, просилъ о ходатайствѣ г. Пащенко за Терновскую и ей объ этомъ сообщилъ; на Страстномъ бульварѣ встрѣтился съ Сушковыми.

19. Заутреню и раннюю обѣдню я слушалъ въ своемъ приходѣ. День именинъ моего зятя Ивана Васильевича Бородина. Съ Анетой я ѣздилъ въ Страстной монастырь къ поздней обѣднѣ, и тамъ служили молебенъ. Ко мнѣ привезъ архимандритъ Савва, сѵнодальный ризничій, составленное имъ по моимъ книгамъ указаніе достопамятностей Сѵнод. ризницы и благодарилъ меня за пособія, а квартальный поручикъ Васильевъ за воспріятіе отъ купели его дочери.

28. Поутру я ѣздилъ поздравить графа А. А. Закревскаго со днемъ его Ангела и у него встрѣтилъ г. Арбузова; отъ него на Троицкое подворье къ обѣднѣ, за коею митроп. Филаретъ посвящалъ въ Хотьковъ игуменью Варвару Головину.

Ноябрь. 1. Я былъ на освященіи церкви въ Варваринскомъ Спротскомъ домѣ, которое совершалъ митроп. Филаретъ и при этомъ говорилъ проповѣдь. Въ числѣ посѣтителей былъ Московскій военный генералъ-губернаторъ Закревскій, Чеодаевъ и пр. почетные люди. Вѣрую

и Отче нашъ пѣли воспитанницы сего заведенія стройно. Церковь сооружена благолѣпно; сверху свѣтъ отъ алтаря разливается по всей церкви, достаточно освѣщенной. Алтарь возвышается надъ помостомъ на три ступени. Иконостасъ прекрасный, образа въ немъ написаны съ соблюденіемъ строгаго приличія, Спаситель и Богоматерь, мѣстныя иконы; надъ алтарными дверьми св. Николай и преподобный Сергій, а на дверяхъ самихъ св. апостолы Петръ и Павелъ. На царскихъ дверяхъ Благовѣщеніе и четыре Евангелиста, а надъ дверями Спаситель и по карнизу слѣдующія слова: «Та есть заповѣдь Моя, да возлюбите другъ друга, якоже возлюбихъ вы». На правой сторонѣ на стѣнѣ храмовой образъ св. Варвары, тезоименитой основательницѣ сиротскаго дома, дочери исполнителя ея воли, А. И. Лобкова, а на противоположной образъ св. Алексія тезоименитаго отцу ея. Великолѣпный обѣдъ. Не оставшись обѣдать тамъ, я поѣхалъ навѣстить преосвященнаго Евгенія, съ коимъ побесѣдовалъ часа два и завтракалъ у него.

2. Утромъ я ѣздилъ въ полицейскую типографію, куда отдалъ для напечатанія письмо ко мнѣ о. Анастасія изъ Симферополя; заѣхалъ къ Н. Г. Головину, съ которымъ разсматривалъ и сличалъ планъ и фасадъ Цареградской ц. Софіи съ Московскимъ Успенскимъ соборомъ и завтракалъ.

6. Ѣздилъ въ Кремль посмотрѣть Государя, прибывшаго въ этотъ день съ Великимъ Княземъ Михаиломъ въ 3 часа пополуночи и уѣхавшаго въ тотъ же день изъ Москвы въ 10 ч. утра. Его встрѣчалъ мит. Филаретъ съ архіепископомъ Евгеніемъ и викаріемъ Алексѣемъ въ Южныхъ вратахъ Успенскаго собора и черезъ Сѣверныя сопровождали его съ духовенствомъ въ Чудовъ м.

13. У ранней обѣдни у св. Филиппа митрополита, у поздней въ Златоустовомъ м., гдѣ служилъ митроп. Филаретъ. Обѣдалъ я у А. И. Лобкова, съ которымъ ѣздилъ на Преображенское кладбище на свадьбу Рогожина. Церковь полна народу; въ ней чинность и порядокъ. Попъ красивъ и дѣйствуетъ благолѣпно и сановито. Послѣ свадьбы заѣхали къ Гучковымъ. Не нашедши лошадей своихъ, я дошелъ домой пѣшкомъ. Морозно.

14. Поутру съ Адріановскимъ діакономъ я прочелъ свое предисловіе къ новому сборнику Русскихъ пословицъ.

15. Поутру вставъ, окончилъ статью объ архитектурѣ Успенскаго собора и при письмѣ послалъ къ А. И. Лобкову реестръ Латинскимъ книгамъ.

16. Я обѣдалъ у А. И. Лобкова, который казалъ мнѣ харат. рукопись въ четвертку, Временникъ Сильвестра, игумена Михайловскаго Выдубицкаго монастыря съ 1115 г.

17. При письмѣ я послалъ на почту статью свою объ освященіи церкви въ Варваринскомъ заведеніи къ Н. С. Самойлову для передачи ее Булгарину и Гречу въ Пчелу.

20. Съ Анетой я ѣздилъ въ Французскую Реформатскую церковь слушать краснорѣчиваго Нефа въ праздникъ усопшихъ. Съ А. И. Лобковымъ я обѣдалъ у Гучковыхъ и довезъ его до дому. Обѣдъ роскошный, вина прекрасныя.

21. Я ѣздилъ въ Никитскій монастырь, гдѣ въ праздникъ Введенія служилъ митрополитъ Филаретъ, навѣстилъ Ѳ. П. Глѣбова[1]). Въ монастырѣ поддіаконъ далъ мнѣ розовой воды, благословен. митрополитомъ. Я видѣлъ Агаѳью.

23. На почтѣ, слышалъ о смерти сына Персидскаго посла отъ угару въ Москвѣ, заѣхалъ въ Лютеранскую ц. на отпѣваніе третьей Лангольдовой жены и слушалъ тамъ проповѣдь пастора Дикгофа[2]).

28. Вчера въ Новодѣвичьемъ м. отпѣвалъ столѣтняго старца протоіерея Алексія Ивановича Введенскаго его родственникъ архіепископъ Евгеній.

28. Пріѣхавшій изъ чужихъ краевъ А. А. Мартыновъ привезъ мнѣ изъ Берлина лампу.

Декабрь. 1. Я ходилъ поздравить митроп. Филарета со днемъ его ангела; ему минуло 74 года.

4. Высокопреосвященный Евгеній сказывалъ, что родственникъ его протоіерей, бывшій въ Новодѣвичьемъ м., Алексій Ивановичъ Введенскій умеръ въ самый праздникъ Введенія Богородицы на 94 г., а по другимъ на 104 г. Учителемъ онъ былъ 7 л. въ Суздальской семинаріи да священствовалъ 63 года; за нѣсколько лѣтъ до смерти своей онъ оставилъ мѣсто служенія своего въ Новодѣвичьемъ м.

8. Я ѣздилъ къ А. А. Мартынову, который принялъ мое предложеніе издать при Русской Старинѣ *Обозрѣніе Московскихъ урочищъ*. Ему я отдалъ поправленное и дополненное для 2 изданія Описаніе Новодѣвичьяго монастыря. Пріѣзжалъ во мнѣ А. А. Мартыновъ и условился со мною объ изданіи Описанія Московскаго Успенскаго собора по 60 р. за л. печ. Отъ него получилъ 40 р. с.

15. Ѣздилъ въ Консисторскій архивъ разсматривать протоколы духовной дикастеріи 1724 г.

---

[1]) Въ домѣ его на большой Никитской, нынѣ принадлежащемъ его племянницѣ, княжнѣ Евгеніи Ѳедоровнѣ Глѣбовой-Стрѣшневой-Шаховской.

[2]) Это отецъ нынѣ здравствующаго пастора Лютеранской церкви Петра и Павла, Генриха Генриховича фонъ-Дикгофъ.

22. Поутру, проѣзжая Никитскій м., я увидѣлъ священническое отпѣваніе и узналъ, что отпѣваютъ бывшаго въ ц. Рождества въ Путинкахъ священника Александра Ивановича, сына попа Ивана Михайловича, въ домѣ котораго я родился, противъ самаго Никитскаго м. Онъ умеръ 76 лѣтъ внезапно. У зятя его 23-го Ноября сгорѣла дочь въ самые ея именины.

24. Я послалъ на почту поздравительное письмо къ А. И. Философову, которому поручилъ поздравить Великихъ Князей съ праздникомъ и новымъ годомъ, а Великаго Князя Николая Николаевича съ помолвкою.

29. Отправился къ обѣднѣ въ Донской м., гдѣ встрѣтился съ кн. Урусовымъ и съ нимъ зашелъ къ преосвященному Евгенію, который благословилъ меня просфорою и угощалъ завтракомъ. Разговоръ былъ о митрополитѣ Платонѣ, который сказалъ, когда говорили, что надобно смирить Германію: «Гордое слово въ устахъ человѣческихъ. Смиряетъ Богъ». Анекдотъ о пр. Августинѣ, который возвратилъ оскорбительную для него записку, писан. преосвященнымъ Евгеніемъ. Умершіе отъ запою, если натереть животъ сивухою, могутъ ожить. При мнѣ были у преосвященнаго Сухотинъ и графъ Бобринскій съ кн. Оболенскимъ насчетъ погребенія умершей въ Венеціи невѣстки втораго*), и кн. Урусовъ. О сочиненіяхъ Муравьева митроп. Филаретъ сказалъ въ Духовной Академіи: «Намъ стыдно, что свѣтскій человѣкъ насъ предупреждаетъ; но стыднѣе было бы намъ такъ исполнять, какъ онъ исполняетъ».

*) Говорится о первой супругѣ графа Алексѣя Васильевича Бобринскаго, кн. Екатеринѣ Александровнѣ урожденной княжнѣ Львовой.

ВОСПОМИНАНІЯ Ѳ. А. ГИЛЯРОВА*).

Переходное положеніе семьи.

Въ Октябрѣ 1853 года въ нашей жизни совершился переломъ: отецъ нашъ изъ Новодѣвичьяго монастыря былъ переведенъ во священники въ приходъ Крестовоздвиженской, что на Овражкахъ, церкви, находящійся близъ Дѣвичьяго поля, тамъ, гдѣ начинается улица Плющиха. Прежде, чѣмъ говорить о причинѣ этого перевода, надо сказать объ отношеніяхъ моего отца къ знаменитому Московскому митрополиту Филарету.

Предъ лицемъ всесильнаго «владыки» отецъ мой стоялъ противоположно освящаемый съ двухъ сторонъ, дружественной и враждебной. Отецъ мой приходился очень дальнимъ родственникомъ Филарету, именно онъ женатъ былъ на Татьянѣ Ѳедоровнѣ Островской, родной братъ которой Геннадій Ѳедоровичъ Островскій былъ женатъ на Варварѣ Иродіоновнѣ, дочери Иродіона Степановича Сергіевскаго (изображеннаго въ книгѣ «Изъ пережитаго» Н. П. Гилярова) и Ольги Михайловны Дроздовой, сестры митрополита Филарета. Такимъ образомъ Варвара Иродіоновна, невѣстка моей матери, была родная племянница Филарета. Хотя родство это и было «седьмою водою на киселѣ», но все же оно было немалою вещью во времена тогдашняго безграничнаго непотизма. Всѣ лучшіе богатѣйшіе въ Москвѣ приходы были заняты многочисленною Филаретовскою роднею. Во главѣ этой родни стояла знаменитая «Ксенофонтьевна», вершительница поповскихъ и дьяконскихъ судебъ. Ксенофонтьевна была невѣстка митрополита, вдова. Съ этою предводительницею Филаретовской родни родители мои не состояли ни въ какихъ отношеніяхъ; между ними не было даже простого знакомства. Отецъ мой не покрывался многообъемлющимъ родственнымъ крыломъ Ксенофонтьевны, но за то изо всей мужской родни ближайшимъ и любимѣйшимъ у Филарета былъ Геннадій Ѳедоровичъ Островскій. Онъ-то и былъ главнымъ и единственнымъ заступникомъ отца предъ «владыкою».

---

*) См. выше, стр. 465.

Филаретовская родня, пользуясь своимъ родствомъ, могла позволять себѣ то, о чемъ не-родня и помыслить не смѣла; ибо времена были Филаретовскія, да еще Николаевскія.

Поведеніе иного Филаретовскаго родственника ставило митрополита въ безвыходное положеніе прямо мученика. Знаменитымъ мучителемъ «владыки» былъ Григорій Ивановичъ, протопопъ Троицы на Листахъ, зять митрополита, женатый на его сестрѣ Аграфенѣ Михайловнѣ и «отчасти сосватанный за сестру самимъ владыкою» («Изъ пережитаго,42)» Григорій Ивановичъ, по моимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ, придерживался рюмки и во хмелю бывалъ весьма буенъ и жестокъ. Разсказывали тогда, будто бы онъ даже истязалъ свою жену, сестру митрополита: привязывалъ ее въ одной рубашкѣ къ стѣнѣ веревкою и сѣкъ. Митрополитъ, конечно, зналъ объ этомъ черезъ Ксенофонтьевну, сосудъ всякихъ родственныхъ сплетень. Всячески усовѣщевалъ онъ своего пьянаго и буйнаго зятя, ничто не помогало. Разъ призываетъ онъ его и грозится: — Я тебя въ дьячки въ село пошлю! — Посылай, спокойно отвѣчаетъ Григорій Ивановичъ: тогда твоя сестра будетъ сельскою дьячихою. Такъ Григорій Ивановичъ при всей невозможности своего поведенія и дожилъ благополучно свой вѣкъ въ протоіерейскомъ санѣ «на Листахъ».

Кромѣ Ксенофонтьевны, ближайшимъ человѣкомъ и «наушникомъ» былъ у митрополита секретарь его всесильный Александръ Петровичъ*), злой геній моего отца. Ему былъ близкою роднею Новодѣвическій попъ Дмитрій Алексѣевичъ. Попъ Дмитрій былъ глупъ, даже очень глупъ, хотя послѣ протопопа и старѣйшій изъ Новодѣвическихъ священниковъ. Мой отецъ былъ самый младшій изъ нихъ и вполнѣ заслуживалъ данное ему въ семинаріи прозвище. Какъ ястребъ, онъ любилъ безъ всякаго повода налетѣть и трепать перья у самоувѣреннаго глупца. Любимѣйшимъ его занятіемъ было неустанно въ теченіи многихъ лѣтъ травить попа Дмитрія, безпрестанно подставлявшаго свои беззащитные бока острому клюву и когтямъ своего сослуживца «ястреба». Безсильный отвѣчалъ тѣмъ-же, попъ Дмитрій послѣ каждой такой трепки отправлялся съ жалобою на отца ко всесильному Александру Петровичу, который не пропускалъ случая чернить отца въ глазахъ митрополита. Отецъ хорошо зналъ это и хотя, бывало, предъ каждой поѣздкою на «Троицкое подворье» всячески охорашивался и становился очень серьезнымъ и сосредоточеннымъ, не оставлялъ однако щипать попа Дмитрія въ явный вредъ себѣ. Такъ обѣ эти силы враждебная, секретарь, и дружественная «братъ Геннадій» долго боролись безуспѣшно. Отецъ ни повышенія не получалъ, ни карамъ не подвергался. Памятникомъ робкихъ стремленій отца поступить

*) Святославскій, извѣстный читателю по „Дневнику“ П. М. Снѣгирева. П. Б.

на лучшее мѣсто осталась у меня копія прошенія его митрополиту 13 Октября 1845 года. Онъ проситъ быть переведеннымъ на прежнее священническое мѣсто при Георгіевской, что на Вспольѣ, церкви, основательно указывая, что имѣетъ «семерыхъ дѣтей, и изъ нихъ четырехъ мужескаго пола, и воспитаніе же сихъ послѣднихъ въ семинаріи, по дальности отъ настоящаго моего мѣста, насопряжено съ тяжкими неудобствами». На верху этого прошенія надпись рукою отца: «Не было подаваемо и оставлено для памяти, что надобно всего болѣе просить Бога и стараться с..... право не знаю о чемъ». Наконецъ 13 Ноября 1852 году Геннадій Ѳедоровичъ скончался; осталась одна только враждебная отцу сила—Александръ Петровичъ, и меньше чѣмъ черезъ годъ участь отца измѣнилась.

29 Октября 1853 г. какая-то аристократка Апр—на привезла изъ Петербурга тѣло своей свекрови для погребенія въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Отецъ мой, хотя все еще оставался однимъ изъ младшихъ священниковъ, продолжалъ, по неспособности прочихъ, распоряжаться при всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Такъ и на этотъ разъ, когда неожиданно вечеромъ было привезено тѣло, сослуживцы выдвинули отца впередъ, хотя на сей разъ онъ и не былъ очереднымъ и могъ дозволить себѣ выпить, чего однако никакъ не утверждаю рѣшительно. Между отцомъ и Апр—ной произошелъ разговоръ о предстоявшемъ на утро погребеніи. Отецъ былъ превосходнымъ знатокомъ церковнаго устава, весьма вообще мудренаго и рѣдко кѣмъ изъ духовенства сообщаемаго во всѣхъ его трудно понимаемыхъ методахъ. Нѣкогда отецъ даже собирался писать руководство къ церковному уставу и завалилъ у себя всю комнату богослужебными книгами. Гордая аристократка, мало знакомая съ церковнымъ уставомъ, начала умничать; отецъ возражалъ, та настаивала. Въ чемъ состоялъ предметъ ихъ разногласія, не знаю: думала ли она обойтись безъ заупокойной обѣдни, указывая, что тѣло уже отпѣто, или же въ чемъ другомъ; но семейное преданіе сохранило въ памяти слѣдующее окончаніе ихъ пререканія.

— Надо распорядиться, говорилъ отецъ.

— Мы уже всѣмъ распорядились настаивала Апр—на.

— Распорядились, распорядились! передразнивалъ ее отецъ: ну, какъ сами распорядились, такъ пусть и хоронятъ какъ собаку!

Это «какъ собаку» свидѣтельствуетъ что отецъ стоялъ за какой нибудь обрядъ, соблюденіе коего свѣтской барынѣ казалось излишнимъ. Такимъ образомъ это «какъ собаку», при всей рѣзкости и оскорбительности, было точнымъ опредѣленіемъ стремленія уклониться отъ соблюденія уставнаго церковнаго обряда. Отецъ мой вообще былъ прямъ до нельзя. Онъ былъ поистинѣ тѣмъ Израильтяниномъ, въ которомъ не

было «льсти». Ни предъ какимъ внѣшнимъ авторитетомъ не преклонялъ онъ головы, было ли это аристократическое имя или милліоны.

Слово отца ожгло гордую аристократку, хотя, безъ сомнѣнія, намѣренія оскорбить у отца не могло быть. Апр—на тотчасъ же бросилась къ митрополиту съ жалобою на отца, и отецъ по этой жалобѣ былъ переведенъ къ Воздвиженью на Овражки со внесеніемъ въ его послужной списокъ, что онъ «по дѣлу о допущенныхъ 29 Октября 1853 г. безпорядкахъ въ служеніи (?) удаленъ изъ Новодѣвичьяго монастыря и опредѣленъ къ Крестовоздвиженской на Пометномъ Вражкѣ церкви».

Этотъ, едва ли заслуженный, ударъ подѣйствовалъ удручающимъ образомъ на моего отца: дотолѣ сравнительно трезвой жизни, онъ дѣйствительно сталъ пить... Резолюція митрополита не столько соотвѣтствовала прошлому поведенію отца, сколько обратилась въ пророчество для него. Такова бываетъ иногда вѣщая сила слова! Но онъ ни минуты не чувствовалъ злобы на митрополита. Попрежнему продолжалъ онъ питать къ нему тоже, что̀ и прежде, благоговѣйное почтеніе. Мало этого: онъ даже приписывалъ ему святость. Болѣя водянкою, уже въ безнадежномъ состояніи, онъ видѣлъ сонъ, будто бы митрополитъ Филаретъ благословилъ его (не помню, при жизни митрополита было это сновидѣніе у отца или же вскорѣ послѣ его смерти). Послѣ этого у отца обильно пошла вода изъ ногъ; животъ опалъ, и онъ, хотя и съ тою же болѣзнью, прожилъ еще лѣтъ 5—6.

Оставаясь жить подъ Дѣвичьимъ, отецъ два раза въ день ходилъ, къ заутрени и обѣднѣ, а потомъ къ вечернѣ долженъ былъ ходить пѣшкомъ въ церковь своего прихода, т. е. считая конецъ по 2 версты, дѣлать ежедневно 8 верстъ. Для удобства онъ нанялъ для себя помѣщеніе у своего приходскаго дьякона и большую часть времени проводилъ тамъ; но въ томъ и другомъ случаѣ онъ не имѣлъ времени заниматься со мной, и я 13 лѣтъ отъ роду предоставленъ былъ самоученію. Сверхъ того отецъ поручилъ мнѣ учить моего младшаго 10-лѣтняго брата; удобнѣе было бы возложить это на 23 лѣтняго брата Петра, тогда уже окончившаго семинарскій курсъ; но Петръ былъ любимецъ матери и далекъ съ отцомъ. Любопытно, что мнѣ только сейчасъ пришло въ голову, что эту училищную должность приличнѣе было бы возложить на 23 лѣтняго молодого человѣка, хорошо окончившаго курсъ, а не на 13 л. мальчишку, который самъ ничего не зналъ; но тогда это и въ помыслахъ не было, а потомъ и не вспоминалось. Какъ бы то ни было, я принужденъ былъ и самъ учиться и другого учить. Вотъ картинка поясняющая наши успѣхи. Полагалось мнѣ между прочимъ учить брата Латинскому синтаксису. Ученіе конечно въ цѣлые мѣсяцы ни на пядень не подвинулось ни у меня, ни у него. Раскрытые листы Латинскаго синтаксиса, при продол-

жающемъ сидѣніи, засалились, поистрепались, углы книги обратились въ завитушки. Мы, нисколько конечно не двигаясь впередъ, перевертываемъ листы далѣе и далѣе. Наконецъ останавливаемся на ablativus absolutus. Этотъ ablativus absolutus остается открытымъ тоже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и въ свою очередь пріобрѣтаетъ завитушки. Приходитъ какъ-то отецъ, смотритъ книгу, ablativus absolutus. Протекаетъ мѣсяцъ-другой, снова смотритъ, тотъ же ablativus absolutus! Послѣдовало наказаніе, но отецъ и не предполагалъ, что эта глава никоимъ образомъ не была мѣстомъ остановки ученія: оно находилось много-много еще назади, а до этой главы перелистованъ былъ учебникъ только для прилику. Эти-то времена, кажется, и были наиболѣе горячею порою нашихъ пѣтушиныхъ боевъ.

Одно обстоятельство, важнѣйшее въ это время въ нашей жизни, заставляетъ меня задуматься теперь. Новое отцовское мѣсто, повидимому, было богаче прежняго, а между тѣмъ отецъ переведенъ былъ сюда ради наказанія. Что это значитъ? Не знаю, сколько именно получалъ отецъ на священническомъ мѣстѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; но онъ говорилъ, что ежегодный его тамъ доходъ былъ 1000 р. с. Такъ вѣроятно и было, судя по дешевизнѣ тогдашней жизни и по нашему сравнительному тамъ достатку. У Воздвиженья сталъ онъ получать въ одинъ годъ 898 р. 39½ коп., какъ значится въ его приходной книгѣ.

У покойнаго священника Воздвиженской церкви остался домъ на церковной землѣ. Тогда у большинства духовенства были свои дома на *церковной* землѣ; церковными домами пользовались очень немногіе. Вновь опредѣляющійся священникъ обязанъ былъ купить, а его предмѣстникъ продать ему свой домъ, ибо земля подъ домомъ была церковная. Домъ покойнаго Воздвиженскаго священника Терновскаго стоилъ около 20 тысячъ р. с. Отецъ мой, не имѣвшій тогда ни копѣйки залежной, никоимъ образомъ не могъ пріобрѣсть этого дома. Митрополитъ не могъ не знать ни бѣдности моего отца, ни дороговизны дома у Воздвиженья. Зачѣмъ же онъ перевелъ его туда?.. Предоставляю читателю рѣшеніе этого вопроса, отнести ли это къ невѣдѣнію митрополита, или къ нѣкоторой утонченной его жестокости.

Въ бумагахъ отца сохранилось слѣдующее его донесеніе благочинному Троицкой, что на Арбатѣ, церкви, протоіерею Платонову: «На объявленный вами мнѣ указъ Московской Духовной Консисторіи отъ 30 Апрѣля 1854 года за № 2992 съ резолюціею его высокопреосвященства о немедленномъ побужденіи меня приступить къ покупкѣ дома, оставшагося послѣ предмѣстника моего, умершаго священника Алексѣя Терновскаго, честь имѣю покорнѣйше донести вамъ, что я, при благорасположеніи, какимъ пользуюсь отъ прихожанъ и при получаемыхъ отъ нихъ доходахъ, довольныхъ къ содержанію меня и моего семейства,

очень желалъ бы приступить къ покупкѣ означеннаго дома, но никакъ не въ силахъ былъ сдѣлать сего до настоящаго времени. Ибо недавно, и именно въ 1848 году священникъ Терновскій пріобрѣлъ сей домъ покупкою за очень дорогую цѣну, и сверхъ того послѣ дѣлалъ разныя пристройки и улучшенія въ оном; а суммы, какую я могу получить за свой, состоящій на землѣ, принадлежащей Московскому Новодѣвичью монастырю, домъ, недостаточно. Другихъ же средствъ къ покупкѣ дома я теперь не имѣю по многочисленности своего семейства. Хотя изъ осьми человѣкъ дѣтей моихъ и выбылъ старшій сынъ мой на гражданскую службу, и выдана въ настоящемъ мѣсяцѣ въ замужество старшая дочь моя; при всемъ томъ немалыхъ требовалось отъ меня издержекъ на содержаніе сына до окончанія имъ полнаго семинарскаго курса на моемъ иждивеніи, и по его болѣзненному сложенію на лѣченіе его, а на выдачу дочери въ замужество наконецъ я истощилъ все, со многими собственными лишеніями пріобрѣтенное мною. Впрочемъ, сколь ни затруднительно для меня купить домъ, оставшійся послѣ предмѣстника моего, я обязуюсь приступить къ покупкѣ онаго, когда пріищу къ тому средства, о чемъ я теперь всѣми силами стараюсь, и въ семъ затруднительномъ положеніи совершенно предаюсь въ новое распоряженіе его высокопреосвященства, милосердаго владыки и рукоположителя моего».

До или же послѣ этой докладной записи отецъ пытался проситься на священническое мѣсто Девяти Мучениковъ близъ Прѣсни, ссылаясь на свое безсиліе купить у Воздвиженія «дорогой цѣны домъ», но получилъ отказъ. На черновомъ прошеніи написано рукою отца: «Сіе было въ ракѣ преподобнаго Сергія».

Если бы не серьезность докладной записки и не дѣтское прямодушіе отца, можно было бы назвать горькою ироніею его обязательство «приступить къ покупкѣ дома, когда пріищу къ тому средства, о чемъ я теперь всѣми силами стараюсь». Отъ старшаго сына Петра, бывшаго тогда столоначальникомъ 2-го департамента Московскаго магистрата, получавшаго жалованья съ «доходомъ», вѣроятно, больше отца, отецъ не видалъ никакой помощи: уже позднѣе мать выпросила у своего старшаго сына ежемѣсячную субсидію въ 10 р., а потомъ, когда онъ сталъ секретаремъ въ томъ же магистратѣ, въ 15 р. И какихъ трудовъ стоило мнѣ каждый разъ выпрашивать у него эти деньги на помощь чуть не голодающей семьѣ, когда тотъ кидалъ на кутежи сотни рублей!.. Бывало, за этими несчастными рублями ходишь по нѣсколько разъ къ нему, выжидаешь его хорошаго расположенія духа... На замужество сестры обобраны были изъ сберегательной кассы книжки всѣхъ остальныхъ сестеръ. Наличныхъ денегъ у отца не осталось ни гроша. Была, правда, богатая родня со стороны матери, но тамъ была своя большая семья. Вѣроятно, они и не оказали бы помощи, да и въ голову не входило просить ихъ. Оставался только домъ пока непроданный подъ Дѣвичьимъ, но за эту избушку можно было получить нѣсколько сотъ рублей, а домъ у Воздвиженья стоилъ около 20,000 р. с.

Въ то время какъ шло давленіе съ одной стороны на покупку Воздвиженскаго дома, съ другой оказалось давленіе на продажу Поддѣвичепскихъ гнилушекъ. Подъ Дѣвичье на мѣсто отца поступилъ священникъ Семенъ Вишняковъ. У меня въ рукахъ нѣсколько его писемъ къ отцу о скорѣйшей продажѣ ему нашего дома.

Продолжительныя пререканія отца моего съ своимъ замѣстителемъ о продажѣ нашего дома остается любопытнымъ образчикомъ тогдашнихъ отношеній, возникающихъ при обязанности одного продать, другого купить домъ. Вѣроятно эти пререканія были обычными, потому что практика выработала для рѣшенія такихъ дѣлъ форму третейскаго суда, въ видѣ оцѣнщиковъ, избираемыхъ обѣими сторонами.

15 Января 1854 года священникъ Вишняковъ пишетъ къ отцу: «Я былъ нынѣ у васъ, но, къ сожалѣнію, не засталъ васъ дома. Нужда, по которой я былъ у васъ, есть нужда прежняя, съ которою я неоднократно уже обращался къ вамъ, именно окончательно переговорить о домѣ вашемъ».

27 Января того же года новое письмо о. Вишнякова: «Еще разъ, послѣ неоднократныхъ, но несчастныхъ моихъ приходовъ къ вашему дому, я письменно прошу васъ покорнѣйше назначить мнѣ время, въ которое я могу застать васъ у себя въ домѣ и лично переговорить по взаимному нашему дѣлу. Завтрашній день весь я буду свободенъ, не думаю, чтобы и вы были чѣмъ-нибудь заняты такъ, чтобы не могли мнѣ удѣлить ¼ часа времени. Ежели же вамъ, почему либо, неугодно будетъ видѣться со мною; то, по крайней мѣрѣ, прошу васъ откровенно передать мнѣ (хотя съ симъ посланнымъ), что послѣдняя наша бесѣда съ вами касательно продажи дома вашего мнѣ есть окончательная совершенно и что вы въ дальнѣйшія разсужденія со мною касательно этого дѣла вступать уже не намѣрены».

1-е Марта снова требованіе свиданія «для окончательныхъ и рѣшительныхъ переговоровъ». Письмо оканчивается угрозою: «Думаю, что тянуть долго это дѣло неблагоразумно, и для васъ не полезно, и для меня неудобно. Прошу васъ покрѣпче объ этомъ подумать, такъ, чтобы дѣло кончить совѣстливо, къ взаимному удобству и удовольствію, и нетревожить высшее начальство наше просьбою о посредничествѣ между нами».

8 Марта снова письмо: «Срокъ, вами назначенный для окончательнаго рѣшенія съ вашей стороны общаго нашего дѣла, кончился. Прошу васъ *откровенно* сказать мнѣ: намѣрены ли вы продавать мнѣ домъ или нѣтъ? Ежели намѣрены, то прошу васъ сказать *рѣшительную цѣну*, чего

стоитъ вашъ домъ. Думаю, что времени для васъ достаточно было обдумать все дѣло это и опредѣлить себя къ исполненію этого дѣла. Свое рѣшеніе вы можете выразить хоть на этомъ же клочкѣ бумаги, или, ежели вамъ это будетъ неудобно, не почтите въ трудъ пожаловать ко мнѣ на квартиру и хоть однимъ визитомъ отплатить мнѣ за множество моихъ визитовъ вамъ. *Совѣстливое* рѣшеніе дѣла я готовъ, какъ и всегда былъ, принять хоть сейчасъ. И мы будемъ взаимно довольны, и наше начальство тоже; потому что избѣгнемъ случая безпокоить начальство высшее о посредствѣ между нами».

Добровольнаго соглашенія не состоялось. Очевидно о. Вишняковъ прижималъ опальнаго отца. А между тѣмъ домишко этотъ былъ единственнымъ достояніемъ огромной семьи. Взаимному раздраженію содѣйствовала, можетъ быть, и разница типовъ продавца и покупателя: одинъ уже пожилой опальный священникъ, хотя не магистръ, но твердый весьма въ грамматикѣ, стилистикѣ и логикѣ; другой молодой магистръ, блестяще начинающій свою карьеру, но перомъ плохо владѣющій. Помню, напр., еще одну краткую записку о. Вишнякова: «300 р. сереб. вотъ мой послѣдній ультиматумъ». Надъ этимъ «*послѣднимъ* ультиматумомъ» отецъ, да и я, 13-лѣтній мальчикъ, много смѣялись.

Въ нерѣшенномъ дѣлѣ пришлось обратиться къ оцѣнщикамъ. Здѣсь пошли новыя пререканія. 11 Мая о. Вишняковъ извѣщаетъ отца: «Завтрашній день я намѣренъ обратиться къ высокопреосвященнѣйшему владыкѣ нашему съ просьбою о позволеніи купить вашъ домъ съ оцѣнки... Думаю впрочемъ, что не безвременно еще разъ объявить вамъ своего рода ultimatum, а именно: угодно ли вамъ взять съ меня за домъ вашъ 1,500 рубл. ассигнаціями?... Ежели вы не согласитесь взять назначенную мною цѣну теперь; то, когда будетъ состоять оцѣнка и когда домъ вашъ, по крайней ветхости его, можетъ быть, оцѣнится дешевле того, что я даю теперь, то заплачу только цѣну имѣющую быть, ни копѣйки не прибавлю по причинамъ, которыя вы сами хорошо знаете, ежели помните, какъ поступали и поступаете со мною».

Оцѣнка состоялась только въ концѣ 1854 года. 7 Декабря о. Вишняковъ писалъ отцу: «Во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться непріятностей (чему уже подали вы жалкій примѣръ), я покорнѣйше прошу васъ отвѣтить мнѣ непремѣнно, почему съ вашей стороны посредники для оцѣнки дома вашего, уже такъ давно получившіе указъ М. Д. Консисторіи, не приступаютъ доселѣ къ дѣлу оцѣнки? Мои посредники весьма давно уже готовы приступить къ дѣлу, ждутъ и скучаютъ».

На это письмо сохранился черновой казуистическій отвѣтъ отца отъ 8 Декабря: «Я получилъ ваше письмо отъ 7 Декабря и могъ бы

вамъ гораздо справедливѣе сказать: почему съ вашей стороны посредники для оцѣнки дома моего доселѣ не приступали къ дѣлу объ оцѣнкѣ, ибо и мои посредники весьма давно уже готовы къ дѣлу, и ждутъ и скучаютъ, какъ и ваши, по вашимъ словамъ. Разсудительные люди и говорятъ, что причины медленности отъ васъ, какъ отъ покупателя и притомъ начавшаго дѣло объ оцѣнкѣ, который обязанъ собирать и соглашать всѣхъ цѣновщиковъ». Въ заключеніе отецъ обѣщаетъ, что его цѣновщики прибудутъ въ домъ 10 Декабря въ 11 часовъ утра, къ каковому времени просить и о. Вишнякова прислать своихъ цѣновщиковъ.

Въ концѣ концовъ отецъ, кажется, сталъ уже находить удовольствіе дразнить своего замѣстителя за всѣ его дерзости. «Ястребъ» уже, помятый въ житейской борьбѣ, и оскорбленною аристократическою гордостью и кулачествомъ своего собрата, уклоняется отъ этой борьбы. 18 Декабря о. Вишняковъ пишетъ: «Давши слово посредникамъ быть 13 числа настоящаго мѣсяца въ своемъ домѣ для дѣла оцѣнки, вы, неизвѣстно почему, не явились и даже не предувѣдомили своихъ посредниковъ о томъ, что вы не будете, и не уполномочили ихъ приступать къ самому дѣлу оцѣнки, то-есть къ описи дома. Потому посредники, собравшись 13-го числа, съ обѣихъ сторонъ ни къ чему не хотѣли приступить, даже къ описи дома; потому что для этого дѣла необходимо было ваше присутствіе... Теперь и я и посредники наши просимъ васъ покорнѣйше, не уклоняясь отъ дѣла, назначить день, въ который вы непременно будете въ домѣ вашемъ и въ который хоть что нибудь можно будетъ сдѣлать, а не длить время къ моему отягощенію».

Наконецъ домъ былъ оцѣненъ, при участіи со стороны отца оцѣнщиками, священниковъ Неопалимовской, что̀ близъ Дѣвичьяго поля, церкви Василія Мовинина и Дмитрія Селунскаго, что̀ у Тверскихъ воротъ, церкви Ивана Дмитревскаго, и проданъ не помню за сколько, но очень дешево. Среди этихъ передрягъ по продажѣ дома отецъ окончательно бросилъ заниматься мною. Не являясь на чередные и годовые экзамены, я долженъ былъ быть по крайней мѣрѣ представленъ къ выпускному изъ IV класса весною 1854 года; но я совсѣмъ не былъ къ тому подготовленъ, почему и послѣдовало отъ отца «покорнѣйшее донесеніе» «господину ректору Московскихъ духовныхъ Донскихъ училищъ Софійскому отцу протоіерею, магистру Александру Евѳиміевичу Нечаеву». «Сынъ мой, ученикъ Донского уѣзднаго училища высшаго отдѣленія, Ѳеодоръ Гиляровъ, по причинѣ болѣзни своей, не можетъ быть представленъ въ училище на испытанія».

Я остался въ училищѣ на второе двухлѣтіе, ибо классы были тогда двухгодовые.

Е. Х. Оппель.

Поддѣвичье, настроенное по монастырскому камертону, вообще отличалось нѣсколько приподнятымъ нравственнымъ настроеніемъ, сказалъ бы, идеализмомъ. Идея «наживы» нигдѣ еще тамъ не выпячивала впередъ своего толстаго брюха, ибо Россія не была еще тогда взбудоражена экономическими реформами, породившими стаю всевозможныхъ хищниковъ, даже въ интелигентныхъ, руководящихъ сферахъ. Удаленіе отца къ Воздвиженью на Овражки оторвало его отъ монастырской среды, сравнительно образованной, а по самому положенію своему нравственно чистой; разлучило его съ такими его друзьями, какъ казначея монастыря монахиня Елена Христофоровна Оппель.

Особа образованная, но истинно религіозная, даже аскетка: она носила постоянно власяницу подъ рубашкою. Е. Х. Оппель была также скромною благотворительницею: она раздала все свое состояніе и скончалась въ бѣдности. Благотворительность ея простиралась и на монастырское духовенство, которое, напр., за гонораръ, платимый ею, лѣчилось у К. И. Сокологорскаго, насколько искуснаго врача, на столько же и человѣка высокой нравственности. Это былъ медикъ еще старой школы, не имѣвшій ничего общаго съ современными врачующими козолупами. Разсказывали, что Сокологорскій не только лѣчилъ своихъ паціентовъ но и какъ человѣкъ глубоковѣрующій, *молился* объ ихъ выздоровленіи. Отношеніе моего отца съ Оппель, его духовною дочерью, начались, конечно, на почвѣ ея спеціальныхъ молитвенныхъ «требъ».

«Батюшка! пишетъ она, всенощныя я отложила до третьей недѣли пр. Кассіану, пр. Арсенію, Алексѣю Человѣку Божію, всѣ одну за другой отправлю на одной недѣлѣ. Сегодня не могу, потому, что ожидаю своихъ вечеромъ, а завтра также неудобно... Завтра прошу васъ отслужить обѣдню за упокой покойной моей матушки».

Оппель постоянно заказывала молебны съ акаѳистомъ Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости. Для этого она избирала очередную недѣлю служенія отца. При этомъ возникали разныя мелкія непріятности со стороны и монашествующихъ и остального причта.

«Батюшка! пишетъ она. При всемъ моемъ желаніи облегчить мою скорбь молитвою къ Богородицѣ Всѣхъ Скорбящихъ Родости, я не могу сего сдѣлать до вашей череды, во избѣжаніе разныхъ непріятностей, которыми и безъ того преисполнена жизнь моя».

Другое письмо о томъ же съ деликатностью не обидить ни «сестеръ», ни отца моего: «Батюшка! Я хотѣла сдѣлать такъ: сегодня будетъ вмѣ-

сто заутрени всенощная въ соборной церкви для всѣхъ съ клиросными (т.-е. съ участіемъ хора монахинь), потому что всѣ усердствуютъ слушать службу Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ, которую и будетъ отправлять, разумѣется, очередной (священникъ); а ваша череда настанетъ, я васъ попрошу отслужить для себя собственно по вашей книжкѣ, и будетъ безобидно».

Вотъ письменный слѣдъ всегдашней заботы Оппель о здоровьѣ не только членовъ причта, и семействъ ихъ:

«Батюшка Александръ Петровичъ!

Я сейчасъ посылаю за докторомъ, который къ вамъ сегодня явится. Прошу васъ покорно предоставить мнѣ благодарить его за пользованіе вашего семейства, которому отъ всего сердца желаю скорѣйшаго исцѣленія; а между прочимъ прошу васъ принять отъ моего усердія прилагаемую бездѣлицу для лѣкарствъ. Молю Господа о подкрѣпленіи силъ вашихъ къ благодушному несенію посѣщенія Божія: его же любитъ Господь, наказуетъ! М. Елена».

«Сейчасъ только», пишетъ «Христофоровна» или «Оппельша» (какъ называлась она у причта), «возвратилась отъ игуменьи и не успѣла отвѣтить на письмо ваше, потому что уже 8 часовъ. Я очень поняла смыслъ вашего письма и отвѣчала вамъ, батюшка, кажется довольно ясно, что тяжкія искушенія Богъ посылаетъ душамъ твердымъ; а о деньгахъ и о потерѣ опыхъ я и не думала, а только упомянула о томъ, потому что вы говорите объ аптекѣ; но это дѣло постороннее. Всѣми силами желала бы вамъ помочь, но, кромѣ молитвы о васъ, не знаю, какъ сдѣлать. Только я удивляюсь, что вы такъ скорбите о томъ, что вы не сдѣлались духовникомъ нѣсколькихъ незначительныхъ людей. Право, не бѣда. Впрочемъ онѣ желали быть вашими дѣтьми; но если имъ воспретила это сдѣлать какая-то личная ненависть начальницы, онѣ не виноваты, а вамъ не слѣдуетъ на это обращать вниманія. Вотъ если бъ, по моему мнѣнію, все общество единогласно воспротивилось избрать васъ своимъ духовникомъ, тогда, конечно, было бы обидно и обратило бы вниманіе начальства. А теперь это обстоятельство можно объяснить совсѣмъ другимъ образомъ, для васъ вовсе не обиднымъ. Ради Бога не предавайтесь печали, уповайте на Господа и вѣрьте твердо, что кто кому роетъ яму, самъ скорѣе въ нее попадетъ. Васъ всѣ знаютъ за хорошаго человѣка; я съ своей стороны, сколько возможно будетъ, буду стараться при каждомъ вопросѣ пр(еосвященнаго?) говорить о васъ въ вашу пользу. Намѣреніе мое доброе, и надѣюсь, Богъ мнѣ поможетъ, и все устроится хорошо съ Его святою помощію; только не давайте за-

мѣчать о вашей скорби вашимъ товарищамъ. Умоляю васъ пощадить себя для вашего семейства».

Въ письмѣ говорится о потерѣ денегъ», но чьихъ? Отецъ любилъ отдавать взаймы свою единственную тысячу рублей не ради высокихъ процентовъ, а «такъ» изъ великодушія и жалости своего характера. Отдалъ онъ эту тысячу и монахинѣ Оппель, а потомъ долго получалъ съ нея по частямъ мелкими суммами и не обижался на это: Вѣдь деньги были ею взяты на какое-то доброе дѣло. Неаккуратный ихъ возвратъ казался какъ-то безразличнымъ.

Слѣдующія два письма Оппель относятся, повидимому, къ тому времени, когда отецъ вслѣдствіе столкновенія съ Апр—пою попалъ у митрополита въ опалу.

«Батюшка! Очень понимаю вашу справедливую скорбь. Что могу только, если угодно Господу, скажу въ вашу пользу. Завтра пойду (къ митрополиту?). Помолитесь».

«Батюшка! Съ горестію прочитала ваше письмо. Вы унываете! Вы конечно, сами знаете, что Богъ посылаетъ сильныя искушенія только душамъ твердымъ, которыя могутъ понести крестъ, и Тотъ, Который, по неизреченному Своему смотрѣнію, избралъ васъ его понести, силенъ и помочь вамъ. Ради Самого Бога успокойтесь; возверзите печаль вашу на Господа. Я надѣюсь завтра видѣть васъ у обѣдни; конечно вамъ прискорбно, но пусть прочіе не утѣшаются вашимъ горемъ. Не давайте замѣчать этого. Книги, по прочтеніи, доставлю. Я бы съ радостію прислала (денегъ?), но все какъ-то издержала. Надѣюсь скоро получить и тогда съ удовольствіемъ подѣлюсь. «Если моя молитва доступна ко Всевышнему, буду умолять Его благость претворить вашу скорбь на радость. Еще разъ прошу васъ поберечь себя для вашего семейства: здоровье не долго разстроить. Послушайтесь меня, грѣшной, желающей вамъ отъ всего сердца добра и придите завтра помолиться вмѣстѣ съ нами, а въ Воскресенье скажите намъ поученіе, тѣмъ много утѣшите уважающую васъ м. Елену».

Переписчица проповѣдей.

Не меньшимъ, чѣмъ Оппель, другомъ отца была еще монахиня Репнинская, великая почитательница его проповѣдей и тщательная и ревностная переписчица оныхъ. Образованная особа, она была изъ хорошей дворянской семьи и сохранила нѣкоторыя отношенія съ вліятельными лицами въ обществѣ.

Тяготясь службою въ монастырѣ, помимо небольшого дохода, еще и по тому, что намъ, мальчикамъ, слишкомъ далеко было ходить въ Семинарію, отецъ вздумалъ было проситься въ какой-то приходъ. Крайній оптимистъ, онъ безъ достаточнаго основанія, должно быть, увѣренъ былъ, что перейдетъ на новое мѣсто и даже извѣстилъ объ этомъ Репнинскую.

Глубокая скорбь отъ этой вѣсти отразилась въ слѣдующемъ письмѣ Репнинской:

«Въ то время, какъ сынокъ вашъ былъ у меня, г-жа игуменья присылала за мной и дала мнѣ дѣло, которое заняло у меня все утро, такъ что я и у обѣдни поздней не была». А потому только теперь отвѣчаетъ она на письмо отца, «которое взволновало» ее до крайности. Тысячи разныхъ чувствъ, толпятся въ умѣ моемъ, и не умѣю вамъ изъяснить ни десятой доли того, что̀ чувствую и что̀ хотѣла бы сказать... И скорбь, и радость, и досада тѣснятся во мнѣ; которое изъ этихъ трехъ чувствъ сильнѣе, сама не знаю; кажется, чувство скорби владычествуетъ надъ прочими. Не могу не радоваться, что наконецъ желаніе ваше скоро исполнится и что вы освободитесь отъ всѣхъ безчисленныхъ непріятностей, которыя вамъ здѣсь безпрестанно приходилось выносить; но не могу также не скорбѣть... Конечно, это эгоизмъ: надобно бы было только радоваться чужой радости, а о себѣ забыть; а я грущу и плачу, и скорблю, что лишаюсь того, чѣмъ утѣшалась. Служеніе ваше я предпочитала всѣмъ прочимъ, и голосъ вашъ мнѣ особенно нравился. Скорблю, не могу не скорбѣть, что не услышу васъ болѣе! Не знаю, кто поступитъ на ваше мѣсто; ну (помилуй Богъ!), ежели Серг. Пет.; ужъ хуже этого я и придумать ничего не умѣю. За Великій канонъ, признаюсь, и я посѣтовала. Я думала, что вы нездоровы и не въ силахъ были читать, такъ лучше бы діакона заставили или хотя кого другого. Посудите, каково было намъ ни единаго словечка не слыхать. Я, ваша всегдашняя защитница, по при семъ случаѣ не могла не замѣтить, что лучше было бы, ежели бы не вы читали. А какъ разсчитавши заранѣе, я напередъ радовалась, что вы будете читать канонъ, и какъ меня дразнила моя сосѣдка Евпраксія, очень я жалѣла объ этой неудачѣ, и потомъ пошли тѣлки. Праздникъ мнѣ былъ не въ праздникъ; я и безъ того до праздниковъ не охотница, а нынче была, точно какъ рыба на пескѣ, не въ своей стихіи. Потомъ услышала я о вашемъ намѣреніи оставить насъ: скорбь къ скорби! Вы пѣли всенощную заупокойную; я всю всенощную плакала, не о покойникахъ, а о живыхъ. Никто, конечно, не понялъ настоящей причины моихъ слезъ, да и надобности нѣтъ кому-нибудь знать о ней. Наконецъ сами вы извѣщаете и подтверждаете дошедшую до меня молву. И вотъ васъ тутъ уже не будетъ: вамъ

радость, а мнѣ скорбь! Дай Богъ, чтобъ на новомъ мѣстѣ вамъ было хорошо, такъ чтобы всѣ прошедшія непріятности совершенно изгладились изъ памяти вашей. Симфонію (т. е. указатель къ текстамъ св. писанія) отдаю вамъ въ вѣчное владѣніе. Пускай она будетъ напоминать вамъ о душѣ, которая васъ цѣнить умѣла и которая желаетъ быть въ памяти вашей въ то время, когда вы будете священнодѣйствовать. Простите и не поминайте лихомъ преданную вамъ Е. послуш(ницу)».

Точно письмо 16 лѣтней институтки къ «обожаемому» учителю или къ такой же «обожаемой» классной дамѣ. Такъ одинаковыми условіями жизни порождаются сходныя настроенія души. «Сосѣдка» Евпраксія (сама постоянно ѣздившая къ Анастасію, монаху Троицкой Лавры, лѣкарю якобы), «дразнитъ» Репнинскую неудачнымъ на сей разъ чтеніемъ великаго канона ея «обожаемымъ» священникомъ; развѣ и она тоже не институтка? А это чисто художественное отношеніе къ читаемому канону, безъ сомнѣнія, давнымъ давно извѣстному наизустъ!

Три обширныхъ ея посланія содержатъ подробный отчетъ о посѣщеніи ею какой-то барыни Екатерины Сергѣевны, престарѣлой и больной*). Эта особа, по просьбѣ Репнинской, должна была ходатайствовать за отца предъ митрополитомъ Филаретомъ, по поводу желанія его перейти на другое мѣсто. Письма эти очень характерно изображаютъ монахиню, напрягающую свои силы, чтобы оказать протекцію своему «батюшкѣ».

Первая попытка самоотверженной монахини была неудачна. Принявши благословеніе отца, она пошла къ обѣднѣ, «помолилась, какъ умѣла, объ успѣхѣ предпріятія, потомъ благословилась у матушки (игуменьи), собралась въ путь, положивши по совѣту вашему, три земныхъ поклона. Извощика не случилось, но это меня не остановило: рѣшилась идти пѣшкомъ. Желаніе быть вамъ на пользу заставило меня забыть о томъ, что я не мастерица ходить пѣшкомъ, зимой особенно, въ моемъ теперешнемъ одѣяніи, очень неудобномъ для ходьбы». Вдругъ за церковью Іоанна Предтечи на встрѣчу ей ѣдетъ ея сестра, съ которою она не видалась цѣлый мѣсяцъ. — Мнѣ, говоритъ ей Репнинская, необходимо нужно видѣться нынче же съ Екатериною Сергѣевною. Нынче Суббота, и, вѣроятно, она поѣдетъ къ митрополиту; а у меня просьба до него. —Воротитесь, прервала ее сестра: Екатерина Сергѣевна нездорова и навѣрно не поѣдетъ ко владыкѣ. «У меня, продолжаетъ Репнинская, такъ

*) Это—госпожа Герардъ, цѣнимая митрополитомъ Филаретомъ по близости ея къ княгинѣ Софьѣ Сергѣевнѣ Мещерской, которая имѣла большое значеніе у князя А. Н. Голицына и нѣкогда пользовалась милостями императора Александра Павловича. П. Б.

руки и упали. Ну, подумала я, начало не ручается за успѣхъ дѣла. И такъ мнѣ грустно было, что и не рада была свиданію съ сестрой послѣ довольно долгой съ ней разлуки. Сестра просидѣла у меня до сумерокъ, помѣшала мнѣ идти къ повечерію; не удалось мнѣ правило прочесть, не удалось вамъ лично передать мою неудачу; все это произвело во мнѣ очень непріятное чувство».

Въ заключеніе она обѣщаетъ отправиться къ Екатеринѣ Сергѣевнѣ завтра послѣ обѣдни. Она благодаритъ отца за присланную покупку: «Ужъ сдачи то, замѣчаетъ она, никакъ не ожидала».

Хотя Репнинская и побывала у Екатерины Сергѣевны, «но немного тѣмъ, пишетъ она, подвинулось дѣло наше». Она отъ нея узнала, что какой то Сергѣй Петровичъ «нашъ» (можетъ быть, дьяконъ Гжельскій?) также былъ у нея и просилъ ходатайства ея; она и ему, и мнѣ сказазала, что прежде всего надо знать, что̀ скажетъ наша матушка игуменья. Если это согласно съ ея желаніемъ, то и Екатерина Сергіевна не отказывается быть ходатайницей. Впрочемъ «посольство» было не совсѣмъ безплодно. «Сначала, по словамъ Репнинской, Екатерина Сергѣевна повторила извѣстный вамъ давнишній вашъ разговоръ и при семъ примѣчаніе, которое она обыкновенно на него дѣлаетъ. Я дала ей договорить, а тамъ и пошла васъ выхвалять, стояла за васъ, какъ говорится, горой и успѣла склонить Екатерину Сергѣевну на вашу сторону. Она мнѣ обѣщала быть ходатайницею въ вашемъ дѣлѣ, только сказала, что вы непремѣнно должны прежде игуменью просить, чтобъ она слово молвила (что слово ея много значитъ)».

Горячая душа не удовольствовалась этимъ: «пріѣхавши домой, я, продолжаетъ она, написала Екатеринѣ Сергѣевнѣ и въ письмѣ почти повторила то, что̀ говорила ей на вашъ счетъ. Это лучше у ней въ памяти врѣжется и, можетъ быть, при случаѣ пригодится. Завтра пошлю ей это письмо».

Съ Екатериною Сергѣевною, больною старухою, повидимому, выжившею изъ ума, было трудно объясняться, нужно было для этого много Репнинская вполнѣ владѣла имъ, какъ видно изъ ея слѣдующаго письма, объясняющаго неудобство черезъ чуръ ужъ откровеннаго обѣщанія отца поминать Екатерину Сергѣевну за здравіе, а когда умретъ, то и за упокой. Препорученіе моего отца она исполнила лишь отчасти: «сказала только Екатеринѣ Сергѣевнѣ, что вы съ тѣхъ поръ, что она ходатайствовала о васъ, молитесь за каждой обѣдней о ней, наравнѣ съ ближайшими своими родными. Она съ чувствомъ благодарности перекрестилась и сказала: «Спаспбо, спаспбо ему!» По-

томъ прибавила: «прошу его продолжать молиться обо мнѣ, не о продолженіи жизни моей, но объ избавленіи отъ страданій и о томъ, чтобъ Господь далъ мнѣ терпѣнія». Тутъ взошла гостья и прервала нашъ разговоръ. И такъ я съ Екатериною Сергѣевною разсталась, не договоря всего того, что̀ вы требовали отъ меня; и признаюсь, ежели бъ и никто не помѣшалъ, я бы и тогда не рѣшилась остального договорить. Вы не знаете Екатерины Сергѣевны и не знаете меня. Я съ ней очень не смѣла, и еще болѣе тогда, когда она больна, боюсь сказать ей что-нибудь непріятное. Сама она говоритъ о смерти своей, но ежели кто другой скажетъ, что точно болѣзнь ея опасна,—бѣда! Также нельзя сказать ей о смерти чьей нибудь: она разсердится на васъ за вашу неосторожность и неумѣнье обходиться съ больными: какъ можно больной о смерти говорить! Это сужденіе, хотя весьма безразсудно, потому что по настоящему больнымъ-то приличнѣе всего о смерти напоминать, но ужъ такъ водится на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ все идетъ вверхъ дномъ. И Екатерина Сергѣевна строже, чѣмъ кто другой, держится этого правила, чтобъ отъ больныхъ всячески отстранять мысль о смерти; такъ какъ же осмѣлиться сказать ей то, что̀ вы желаете? Однако въ первый разъ что̀ буду у нея, скажу ей, что я просила васъ отъ нея продолжать молиться о ней и что вы обѣщали не только теперь о ней молиться, пока она больна, или тогда, когда выздоровѣетъ, но даже ежели вы переживете ее, то станетъ въ продолженіе 40 дней.... и такъ далѣе. Скажу ей и прочее, что̀ должно остаться между нами. Не понимаю, почему вы потребовали отъ меня обратно то, что̀ писали ко мнѣ. Сколько ни думала, не понимаю».

Восторженная Репнинская обращается за тѣмъ къ очаровавшимъ ее проповѣдямъ отца. «За вчерашнюю проповѣдь, говоритъ она, ежелибъ можно было не смотрѣть на приличія свѣта и поступать по влеченію сердца, я бы, по окончаніи проповѣди, побѣжала бы къ вамъ и расцѣловала бы ручки ваши. Мы послушали васъ въ сладость. Я говорю о себѣ и о Клавдіи Мих., которая также очень хвалитъ вашу проповѣдь. При семъ прилагаемыя 4 проповѣди я переписала и прошу васъ немедля доставить мнѣ еще, побольше, чтобъ было работы на нѣсколько дней. Бумаги у меня осталось не болѣе, какъ на три проповѣди. Моя бумага не годится: страницы будутъ и короче, и уже вашихъ. Простите! Прошу васъ батюшка, помолиться обо мнѣ, чтобъ Господь очистилъ меня отъ смраднаго фарисейскаго тщеславія и чтобъ далъ мнѣ мытарево смиреніе».

Какая же была дальнѣйшая судьба хлопотъ Елены и ходатайства Екатерины Сергѣевны? Въ бумагахъ отца моего нашлось письмо како-

го-то П. Кирѣевскаго, быть можетъ, не изъ тѣхъ ли Кирѣевскихъ, у которыхъ отецъ еще по окончаніи семинарскаго курса жилъ учителемъ. Письмо это сообщаетъ о плодахъ ходатайства Екатерины Сергѣевны. «Вчерашній день, пишетъ Кирѣевскій, была Екатерина Сергѣевна у вашего начальника и просила объ васъ, но при произношеніи вашего имени онъ сдѣлалъ странную фигуру, какъ она мнѣ сказала; но впрочемъ онъ ей объяснилъ, что на это мѣсто онъ не можетъ васъ помѣстить, но очень радъ, что за васъ хлопочутъ *добрые люди* и онъ начинаетъ имѣть объ васъ доброе мнѣніе и что вы можете скоро надѣяться на перемѣну мѣста. Первый шагъ сдѣланъ; но не знаю, что будетъ впередъ. Вы можете быть увѣрены, что я съ своей стороны употреблю всѣ средства. Но мнѣ кажется, вамъ бы не мѣшало повидаться съ секретаремъ и переговорить съ нимъ наединѣ, и, можетъ быть, прилагательное подѣйствовало бы лучше всѣхъ протекцій. Вездѣ люди».

Репнинская была не только прилежнѣйшею переписчицею отцовскихъ проповѣдей, но и ихъ распространительницею.

Вотъ какъ шутливо пишетъ она о томъ отцу, усердно занимавшемуся въ то время приготовленіемъ чернилъ разныхъ цвѣтовъ:

«Въ промѣнъ зелія, которое получите отъ подательницы, пришлите мнѣ вашего издѣлія чернилъ, для чего и стекляночку посылаю. Я вамъ говорила батюшка, и теперь еще повторяю, что изъ монастырской нашей аристократіи три особы желаютъ прочесть проповѣдь, говоренную вами на постриженіи, а кромѣ ихъ и мірскія есть, желающія также прочитать эту самую проповѣдь, именно Ровинская и ея дочери. Ежели можно, пришлите ее мнѣ теперь».

Въ заключеніе, упрекая отца, что онъ взятыя у нея письма покойнаго Макарія вмѣсто трехъ дней продержалъ шесть недѣль, Репнинская замѣчаетъ: «Это не іерейски вы дѣлаете. Это водится только между монахинями, и вы, видно у нихъ переняли; но вѣдь перенимать дурное не годится. «По дѣломъ ихъ не творите», сами вы говорили это».

Тѣмъ страннѣе, что при выходѣ отца изъ монастыря, Репнинская, вѣроятно вслѣдствіе какихъ либо монастырскихъ сплетень, прервала съ нимъ отношенія слѣдующимъ письмомъ: «Съ душевнымъ прискорбіемъ объявляю вамъ, чтобъ ужъ вы не разсчитывали болѣе на мои труды; имѣйте мя отреченну. Не даромъ говорила я вамъ не однажды: «куйте желѣзо, пока горячо»; придетъ время, откажусь переписывать. Вотъ это время и настало: я должна отказаться. А причины объявить вамъ не могу... не спрашивайте о ней. Бумагу вашу при семъ посылаю вамъ

обратно. Очень сожалѣю, что вы слишкомъ часто оставляли меня безъ дѣла; если бы не такъ, можетъ быть, въ это время я бы успѣла переписать все, что̀ теперь осталось не списано. Простите и меня не вините. Прошу вашихъ молитвъ и благословенія».

Но, какъ женщина, Репнинская не могла удержаться отъ намека на причину своего отказа: «Какъ бы я желала, говоритъ она, онѣмѣть и еще бы желала, чтобъ многіе «положили храненіе устомъ своимъ и дверь огражденія о устнѣхъ своихъ». Языкъ малъ удъ, а сколь много дѣлаетъ зла! Желаю вамъ всякаго благополучія, благоденственнаго и мирнаго житія и *во всемъ* благаго поспѣшенія, *на враги* же побѣды и одолѣнія».

Памятникомъ этихъ идеально-чистыхъ отношеній хранится у меня толстый томъ отцовскихъ проповѣдей, переписанныхъ четкимъ и изящнымъ почеркомъ Репнинской.

ДВА РАЗСКАЗА ДВУХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ О КОНЧИНѢ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

I.

3-го Мая, въ 10 час. пополудни, императрица Елисавета Алексѣевна изволила прибыть въ Бѣлевъ. Вышедъ изъ кареты, она столь была слаба отъ испарины, которая дорогою у ней была, что, всходя на лѣстницу, три раза изволила останавливаться для отдыха. Взошедъ въ покои, куда ее провожалъ князь Волконской, въ туже минуту, отпустя его, изволила сѣсть на постель, спросила саго, а потомъ чаю и одну чашку чаю кушала съ полчаса, потомъ легла и отъ слабости не въ силахъ была безъ пособія камермедхенъ г-жи Тиссо положить ноги на кровать. А какъ императрица вся была въ поту, то сказала камермедхенѣ: «Можно ли такъ потѣть какъ я! на что та отвѣчала: не угодно ли в. в. перемѣнить бѣлье?—Не нужно, оботри мнѣ лицо и поди успокойся.—Позвольте мнѣ остаться при вашемъ в.: я буду очень тихо сидѣть и васъ никакъ не обезпокою.—Нѣтъ, поди къ себѣ: я засну. Г-жа Тиссо вышла. Въ три часа императрица позвонила и когда г-жа Тиссо взошла (такъ какъ она была тогда дежурная), то она изволила ей сказать: Я чувствую себя нехорошо.—Не прикажете ли послать за Стофрегеномъ?—Который часъ?—Четвертый.—Нѣтъ, не трогайте его. Поди спать. Можетъ быть, я засну. Г-жа Тиссо, вышедъ изъ спальни, прислушивалась и услышала стонъ (но какъ они были предупреждены императрицею, чтобъ не пугались, когда она стонетъ, ибо во время сіе чувствуетъ облегченіе), то она на сіе хотя и не обратила вниманія, но послала за дежурнымъ докторомъ и спустя немного время взошла и увидала, что императрица почиваетъ. А между тѣмъ докторъ Рейнгольдъ пришелъ, которому она, разсказавъ, что̀ съ императрицею происходило, пошла посмотрѣть и взойдя увидѣла, что императрица изволила лежать на спинѣ, открывши ротъ и очень бѣла. Вышедъ, разсказала доктору, который взошелъ, началъ приглядываться на императрицу изъ-за ширмъ и, не примѣчая никакого движенія въ императрицѣ, подошелъ къ кровати и, взявъ ее за руку, удостовѣрился въ горестномъ событіи: императрица была уже бездыханна *). Тогда было $5^{3}/_{4}$ часовъ пополуночи. Туже минуту послали за княземъ Петромъ Михайловичемъ, который тотчасъ отправилъ фельдъегеря къ вдовствующей государынѣ. Фельдъегерь встрѣтилъ ея величество на пути изъ Калуги къ Подборкамъ, куда пріѣхавъ г-нъ Албедиль объявилъ ея

*) Подобно тому кончила свою прекрасную жизнь и родная племянница ея, добродѣтельная Государыня Императрица нашихъ дней, Марія Александровна, въ Зимнемъ дворцѣ, также ночью, тихо и одиноко. П. Б.

величеству о случившемся несчастіи. Ея величество изволила отправиться въ Бѣлевъ, куда прибывъ 4-го числа въ 8 часовъ пополудни, приказала прямо ѣхать во дворецъ, по прибытіи нашла усопшую лежащую еще на той самой дорожной кровати, на которой она скончалась и на которой скончался императоръ Александръ Павловичъ. Она, изволивъ придти къ тѣлу, стала на колѣни и плакала. При вшествіи ея священникъ читалъ Евангеліе: «пріиде Маріамъ въ градъ Іудинъ», чѣмъ поражены были всѣ присутствовавшіе. Потомъ началась панихида. Императрица, пробывъ тутъ до половины десятаго, изволила отправиться въ приготовленный для нея домъ, на другой день также посѣщала усопшую, а 6-го числа изволила отправиться въ обратный путь въ Москву. 16-го Мая былъ выносъ тѣла въ церковь; гробъ, поставленный на печальную колесницу, везло купечество. По прибытіи въ церковь началась литургія, потомъ панихида.

По вскрытіи тѣла оказалось сердце и верхняя его перепонка въ скважинахъ, отъ чего не могла кровь обращаться правильно.

II.

3-го числа Мая 1826, въ день путешествія государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны изъ Орла въ Бѣлевъ, слабость въ ея величествѣ весьма увеличилась, да и дорога отъ Орла до Болхова, отъ дождей и бывшаго на 3-е число во всю ночь, была чрезвычайно грязна и утомительна. Въ Болховѣ на обѣдѣ государыня почти не кушала. Въ Бѣлевъ прибыла вечеромъ около 10 часовъ, прямо въ назначенный для ночлега домъ купцовъ братьевъ Дороѳѣевыхъ. На лѣстницѣ, во 2-й этажъ ведущей, останавливалась отдыхать раза два. Князь Петръ Михайловичъ Волконскій, проводивъ ея величество до комнатъ ея, оставилъ съ дежурною фрейлиною, камеръюнферою г-жею Малышевскою и камермедхеною г-жею Тиссотъ; и сойдя внизъ въ свои комнаты, немедленно отправилъ въ Калугу фельдъегеря Гавеловскаго къ государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ съ донесеніемъ, что государыня Елисавета Алексѣевна по слабости здоровья останется въ Бѣлевѣ для отдыха дня на три. Примѣтно было безпокойство. Г-жа Малышевская говорила, что государыня по входѣ въ спальню тотчасъ сѣла на пріуготовленную кровать и, будучи въ сильномъ на лицѣ поту, говорила, что она желала бы знать, можетъ ли кто другой вспотѣть такъ, какъ она. На предложеніе Малышевской, не угодно ли будетъ ея величеству перемѣнить бѣлье, сказала: «не нужно» и приказала только обтереть себѣ лицо, шею и затылокъ, послѣ чего выкушала чашку чаю, который пила весьма медленно, и потомъ изволила скушать ложки четыре саго, дѣлая все сіе какъ бы принуждая себя. Говорила тихо, но скоро и смотрѣла на все бѣгло. Причесавъ ея величеству косу, Малышевская оставила ее съ дежурною въ тотъ день г-жею Тиссотъ, отъ которой слышалъ я, что слабость въ ея величествѣ дошла до такой степени, что она, ложась въ постель, не могла поднять на кровать ноги. Въ ночь сію государыня не почивала почти до 5 часа утра, принимала два раза капли и порошки и спросила около сего время доктора. Когда Тиссотъ доложила, что пошлетъ за нимъ, государыня сказала, что посылать не нужно и, подтвердивъ о семъ раза два, заключила тѣмъ, что ей очень хорошо и что она хочетъ уснуть, приказала идти спать и Тиссотъ. Всѣ убѣжденія сей дѣвицы позволить ей остаться были тщетны: Государыня настоятельно требовала ее оставить одну, и Тиссотъ вышла. Спустя послѣ сего съ часъ вре-

мени не слыша призыву (колокольчика), ибо рѣдко случалось, что государыня такъ долго къ себѣ не требовала, она по совѣту Малышевской рѣшилась войти въ спальну, но видя, что Государыня почивала, весьма была обрадована. Между тѣмъ пришелъ лейбъ-медикъ Рейнгольдъ, съ которымъ въ сужденіяхъ о слабости здравія ея величества прошло довольно времени, но призыву все не было. Хотя онъ и ободрялъ дѣвицъ сихъ, что сонъ можетъ подкрѣпить силы ея, но Тиссотъ паки рѣшилась войти въ спальну и вышла оттуда встревоженная. Необыкновенная бѣлизна въ лицѣ государыни и открытый ротъ весьма ее испугали, что̀ побудило войти въ спальну въ туже минуту и Рейнгольда, который по довольномъ сначала разсматриваніи государыни чрезъ ширмы подошелъ наконецъ къ кровати, но монархиня покоилась уже вѣчнымъ сномъ. Въ туже минуту (около 7 часовъ утра) извѣщены были о семъ князь П. М. Волконскій, супруга его княгиня Софья Григорьевна, фрейлины Катерина Петровна Валуева, княжны Варвара Михайловна и Александра Петровна Волконскія *), д. с. с. Николай Мих. Лонгиновъ и лейбмедикъ д. с. с. Штофрегенъ. Излишне говорить о чувствахъ горести, поразившей всѣхъ кончиною обожаемой. Въ 9 часу того же утра (4 Мая) я входилъ въ спальну покойной государыни. Она лежала на походной кровати своей одѣтая въ бѣлый капотъ и чепецъ. При тѣлѣ ея находились княжны Варвара Михайловна, Александра Петровна и княгиня Софья Григорьевна Волконскія. Съ позволенія ихъ, поцѣловавъ ручку покойной, я довольно смотрѣлъ на лице ея. Оно было весьма бѣло и съ такою ангельскою миною, что государыня казалась покоющеюся въ пріятномъ снѣ. Разговарпвая о семъ съ камеръ-юнферами, я слышалъ отъ Тиссотъ, что при разсматриваніи покойной государыни непримѣтно было ни малѣйшаго движенія, сдѣлала ли она предъ кончиною; ибо найдена такъ, какъ она оставила ее въ постели. Въ 9 часовъ утра же отъ князя П. М. Волконскаго послано было къ государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ донесеніе съ порутчикомъ фельдъегерскаго корпуса Петровскимъ, который встрѣтилъ ея величество на станціи Подборки, не доѣзжая Калуги 46 верстъ; ибо государыня по полученіи перваго донесенія немедленно отправилась въ Бѣлевъ, куда и прибыла около 5 часовъ вечера прямо въ домъ покойной. Войдя въ комнату, пала предъ нею на колѣни, и слезы горести обильно оросили прахъ ея. Ея величество отправилась обратно въ Калугу 6 числа послѣ утренней панихиды, на которыхъ присутствовала 4-го вечеромъ и два раза 5 числа. Государыня въ бытность сію въ Бѣлевѣ занимала домъ купца Сорокина. Свиту ея составляли: штатсдама кн. Александра Николаевна Волконская, фрейлина Кочетова, гофмаршалъ Албедиль, его пре-во Г. И. Вилламовъ и лейбмедикъ Рюль. Княгиня Волконская оставалась въ Бѣлевѣ до прибытія на смѣну ея изъ Москвы штатсдамы графини Каменской, которая сопровождала тѣло до Можайска, а оттуда сопровождала княгиня А. Н. Лопухина уже до С.-Петербурга.

(Изъ „Сборника П. И. Щукина, кн. 2).

*) Сестра и дочь министра двора; а княгиня Софья Григорьевна—его супруга. П. Б.

КНЯЗЬ КОНСТАНТИНЪ-ВАСИЛІЙ ОСТРОЖСКІЙ.

Знатностью рода, талантами многихъ поколѣній, огромнымъ богатствомъ и государственными заслугами, князья Острожскіе были поставлены во главѣ тогдашняго Малорусскаго дворянства. Представитель фамиліи, князь Константинъ-Василій (почему-то у него два имени, и второе не менѣе перваго носитъ офиціальный характеръ [1])) владѣлъ 25 городами, 6 монастырями и 670 селеніями [2]). По другому счету, ему принадлежало 100 городовъ и 1300 деревень [3]); по третьему, еще болѣе [4]). Нѣсецкій говоритъ лаконически: „имѣлъ дохода милліонъ двѣсти тысячъ“ (Червонцевъ или талеровъ?).

На общественное положеніе Острожскаго отчасти указываетъ то, что даже въ частной перепискѣ короля съ своими приближенными и въ офиціальныхъ документахъ, онъ обыкновенно называется „князь Константинъ“ или „князь Василій“, безъ обозначенія фамиліи [5]). За именами другихъ пановъ и князей всегда слѣдуетъ родовое прозваніе.

Острожскіе выдвинулись въ эпоху Русско-Литовскаго государства, когда наслѣдники Гедемина, съ частью Литовскаго народа, подчиняясь болѣе высокой культурѣ, приняли Русскій языкъ и цивилизацію. Острожскіе коренные Русскіе люди противятся уніи Литовскаго государства съ Польшей и всѣми мѣрами поддерживаютъ кандидата Русской партіи Свидригайла. Желая избавить Русскую народность отъ участи второстепенныхъ этнографическихъ элементовъ въ государствѣ, они совѣтуютъ Литовскому великому князю Казимиру отказаться отъ Польской короны. Такова политика предковъ Острожскаго.

На Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, князь Константинъ-Василій энергически отстаиваетъ автономію Малороссіи отъ Польскихъ посягательствъ. Въ семейныхъ дѣлахъ онъ тоже остается Русскимъ человѣкомъ. Надо замѣтить, что вдова его родного брата Ильи, княгиня Беата, фанатическая католичка изъ Польской фамиліи Костелецкихъ (Нѣсецкій ставитъ въ заслугу Костелецкимъ

---

[1]) Напримѣръ, въ „Описаніи Волынскихъ замковъ 1545 года“ и въ „Актахъ Львовскаго братства“, онъ называется то Василіемъ, то Константиномъ (*Памятники Кіевской Врем. Ком.* III, 34, 49; IV, 62, 75, 180, 181, 225).

[2]) *Максимовичъ*, Сочиненія, I, 164, 182.

[3]) *Кулишъ*, Исторія возсоединенія Руси, I, 26, 274.

[4]) *Szajnocha*, VIII, 147. Счетъ имущества оставшагося послѣ Януша Острожскаго.

[5]) *Lachowicz*, Listy originalne Zygmunda Augusta do Radziwilla Czarnego. *Описаніе Волынскихъ замковъ* (Памятники, IV.).

то, что въ ихъ роду не было еретиковъ). Имѣя неограниченное вліяніе на дочь, Елисавету Ильиничну, единственную наслѣдницу отцовскихъ богатствъ, княгиня Беата, къ кому бы ни склонялось сердце ея дочери, конечно устроила бы ея бракъ съ Католикомъ и Полякомъ и превратила владѣнія Острожскихъ въ аванпостъ враждебной Руси вѣры и національности. Чтобы предупредить такой исходъ, князь Константинъ-Василій энергически содѣйствуетъ романическому браку племянницы съ княземъ Дмитріемъ Сангушкой, и этимъ начинаетъ рядъ несчастій близкой ему семьи. Вообще, въ предѣлахъ своихъ Русскихъ традицій и симпатій, князь Острожскій способенъ пойти на многое, лишь бы доставить торжество своей идеѣ.

Даже недовольный имъ, въ религіозномъ отношеніи, князь Курбскій, такъ о немъ отзывается: „Желатель отеческаго благочестія... и отчасти въ правовѣрныхъ догматѣхъ искусенъ“ [1]), а король Стефанъ величаетъ Острожскаго „верховнымъ хранителемъ и защитникомъ православной церкви на Руси [2])“. Кстати, Курбскій и Острожскій ровесники: оба родились въ 1527—28 году [3]).

Князь Константинъ-Василій, какъ и все тогдашнее Малорусское дворянство, въ молодости „ходилъ въ казаки“ [4]), то есть нѣкоторое время жилъ одною жизнью съ той патріотической вольницей, которая, въ XV и XVI вѣкахъ, собиралась въ предѣлахъ средняго теченія Днѣпра и, какъ свободное ополченіе, проживала въ городахъ и селахъ Малороссіи. Позднѣе, казаки всегда у него на службѣ, а самъ онъ всегда въ сношеніяхъ съ казацкими вождями. Короче: Много поколѣній князей Острожскихъ по православному молились Богу, защищали Польско-Русское королевство отъ Москвы и Татаръ, а свою Малую Русь отъ Польши и, вмѣстѣ съ казаками и дворянскимъ ополченіемъ, бились за родину съ врагами государства. Мирясь съ обстоятельствами, Острожскіе давно признали власть Польскихъ королей и также вѣрно служили Польскому государству, какъ нѣкогда Литовско-Русскому. Князь Константинъ-Василій во всемъ поддерживалъ родовую политику своего дома. Татары знали его тяжелую руку, а при Баторіѣ „онъ грозой прошелъ по Сѣверской землѣ“, принадлежавшей Ивану Грозному.

Но, на сколько все ясно у Курбскаго (его горячая вѣра, тоска по Москвѣ, любовь къ Россіи и нелюбовь къ Польшѣ, таланты и національность), настолько все остается неяснымъ и неопредѣленнымъ въ душѣ и поведеніи его друга, единственнаго человѣка, съ которымъ онъ сошелся въ изгнаніи, князя Константина-Василія. Москва—это натуры цѣльныя, послѣдовательныя, очерченныя иногда некрасивыми, но строго опредѣленными линіями. Двойственность—въ характерѣ Острожскаго. Едва ли не болѣе всѣхъ современныхъ ему Малороссіянъ Острожскій носитъ роковую печать своей переходной эпохи.

[1]) *Устряловъ*, Сказанія, 249.

[2]) *Кіевская Старина*, 1883, Ноябрь, 525.

[3]) *Устряловъ*, Сказанія, стр. VIII. *Ясинскій*, Сочиненія кн. Курбскаго, какъ Историч. матеріалъ („Кіевскія Универс. Извѣстія“, 1889, Октябрь. 66.). *Памятники Кіевской врем. ком.*, т. IV, отд. I, 108.

[4]) *Кулишъ*, Исторія возсоед. Руси, I, 266, 269.

Долго смотритъ онъ на казаковъ сквозь призму молодости. Не даромъ принадлежитъ онъ къ княжескому роду, наиболѣе дружившему съ казаками, и самъ когда-то „ходилъ въ казаки“. Но времена перемѣнились, и теперешніе шляхта и казаки совсѣмъ не то, что были въ его молодые годы. Не будемъ разбирать кто правъ, кто виноватъ; но рѣка, въ своемъ теченіи, изъ тихаго потока превращается иногда въ разрушительный водопадъ, угрожающій всѣмъ основамъ государственнаго зданія. Такъ было съ казаками. Удивляться ли, что старые знакомые князь Константинъ-Василій и казаки идутъ другъ на друга? Острожскій, во имя государственной безопасности и общаго порядка, беретъ на себѣ порученіе усмирить казаковъ. Сеймъ 1593 года торжественно благодаритъ князя за побѣду надъ Касинскимъ. „Чрезвычайно важная побѣда (объясняетъ невсегда дальновидный Гейденштейнъ), ибо Касинскій положилъ начало казацкимъ мятежамъ, которые потомъ разрослись подъ начальствомъ Лободы и Наливайка и потушены Жолковскимъ“ [1]): наивное самообольщеніе Гейденштейна, но не князя Константина-Василія, переписка котораго доказываетъ, что онъ ожидалъ отъ казаковъ чего-то страшнаго для Польши.

Бываютъ побѣды стоющія пораженія; одна изъ нихъ выпала на долю Острожскаго. Въ политическомъ смыслѣ онъ теряетъ отъ пораженія Касинскаго болѣе, чѣмъ выигрываетъ силою оружія. Черезъ два года, подъ давленіемъ церковнаго вопроса, ссора Острожскаго съ казаками превращается въ союзъ противъ Уніи. Но, какъ разбитый хрусталь, разъ порванная дружба всегда оставляетъ темную черту: союзники остаются внутренно чуждыми. Въ концѣ концовъ рѣка прорвала плотину и должна была ее прорвать.

Кому неизвѣстна просвѣтительная дѣятельность князя Острожскаго въ интересахъ Русскаго народа и православной церкви? Но, въ тоже время, социніане и іезуиты одинаково посвящаютъ ему свои сочиненія; опроверженіе же на книгу Скарги „O jednosci kosciola Bożego i o Greckiem od tej jednosci odstopeniu“, онъ поручаетъ написать социніанину Мотовилѣ, проживающему при его дворѣ. Отсюда размолвка съ Курбскимъ [2]).

Князь Острожскій имѣетъ основаніе ставить социніанъ въ примѣръ своимъ православнымъ. Ихъ ученіе отличается заботой о просвѣщеніи массъ, снисходительностью къ чужимъ мнѣніямъ и вѣротерпимостью. Бывали случаи, когда патронъ социніанской общины выносилъ изъ церкви „хвалу Божію“, то-есть обращалъ православную церковь въ социніанскую молельню. Но, говоря вообще, много лучшихъ людей Польши между социніанами и, надо помнить, что въ тѣ времена церковное зданіе въ панскомъ имѣніи, а иногда монастырь, считались такою же недвижимой собственностью помѣщика, какъ и прочая недвижимость. Тѣмъ не менѣе, все-таки странно, что социніане считаютъ Острожскаго своимъ тайнымъ послѣдователемъ, а Ипатій Поцѣй при-

[1]) *Heidenstein*, Dzieje Polski, II, 318.

[2]) *Устряловъ*, Сказанія, 245, 248.

ходитъ въ ужасъ отъ его похвалъ школамъ, типографіямъ и просвѣщенію ересиковъ, въ то время, когда Петръ Скарга ожидаетъ его обращенія въ католицизмъ, Іоаннъ Вишенскій считаетъ его почти явнымъ католикомъ [1]), а Курбскій, повторяемъ, упрекаетъ въ индифферентизмѣ. „Никто же можетъ другъ царевъ быти, кто съ непріятелями его дружбу ведетъ или кто ихъ у себѣ хованетъ, яко за нѣдрами зміевъ... Отъ лѣности вся ся намъ приключается, нерадѣнія ради прочитанія священныхъ писаній, яко ти много о семъ и устнѣ стужахъ и докучахъ, да прочитаеши ихъ часто, аще и по малу; и не престану ти воистину докучати и до своей смерти (понеже зѣло люблю тя), дондеже узрю тя лѣпшее тщаніе о семъ приложити и охоту въ сердцѣ твоемъ подвигнути“ [2]).

Итакъ, по Курбскому, издатель Острожской Библіи мало интересуется Священнымъ Писаніемъ!

Нѣкто Евлашевскій, по профессіи адвокатъ и повѣренный Ходкевичей, сынъ православныхъ родителей, въ молодости принявшій протестантизмъ, проводилъ кандидатуру своего отца на каѳедру епископа Пинскаго. Князь Остожскій сначала противъ этой кандидатуры; потомъ мирится съ Евлашевскимъ-отцомъ за услуги оказанныя сыномъ [3]). Положимъ, Евлашевскій-сынъ, несомнѣнно, человѣкъ благонамѣренный и уваженія достойный; тѣмъ не менѣе, своимъ православнымъ кандидатствомъ на епископскую каѳедру онъ нѣсколько напоминаетъ тѣхъ Евреевъ (можетъ быть, тоже очень хорошихъ людей), которые, если вѣрить скандальной хроникѣ одного уѣзднаго города, построили для него православный соборъ.

Вообще, князь Острожскій противъ католицизма, но, повидимому, ничего не имѣетъ противъ свободнаго изслѣдованія. Онъ спокойно смотритъ на протестантизмъ въ его различныхъ видахъ и всю свою энергію направляетъ къ прекращенію злоупотребленій въ православной церкви съ одной стороны, и уніи православія съ католицизмомъ съ другой. Болѣе по чувству долга, чѣмъ вслѣдствіе невольнаго требованія сердца, онъ отдаетъ должное религіи предковъ, но любитъ будущую Русскую церковь, а не ту, которую, въ данную минуту, представляютъ всѣ эти Лазовскіе, Борзобогатые, Красенскіе, Балабаны, Рагоза, Дѣвочка, Поцѣй и Терлецкій. Во всякомъ случаѣ, православіе въ его душѣ получаетъ нѣсколько теоретическій характеръ. Въ немъ болѣе ума, чѣмъ увлеченія.

Не лишенная смысла черта семейной обстановки Острожскаго: самъ князь, подобно брату Ильѣ, женатъ на Полькѣ и католичкѣ; одна дочь князя, Екатерина, за Кальвинистомъ Криштофомъ Радзивиломъ; другая, Елисавета,

---

[1]) *О. Левицкій*, Социніанство въ Польшѣ и Юго-Западной Руси („Кіевская Стар.“ 1882, Май, 197, 203.). *Архангельскій*, Борьба съ католичествомъ (тоже 1886, Мартъ, 59, Іюль, 252.).

[2]) *Устряловъ*, Сказанія, 245, 249.

[3]) *Антоновичъ*, Новогрудской подсудокъ Евлашевскій („Кіев. Ст.“ 1886, Январь, 35).

за соцініанинома Кишкой (Въ противоположность сказанному о Костелецкихъ, Нѣсецкій замѣчаетъ: „Домъ Кишковъ первый ввелъ Аріанскую вѣру въ Литву“). Второй зять скоро умеръ, дочь Екатерина тоже. Овдовѣвшій Радзивилъ женился на вдовѣ Кишкиной, сестрѣ покойной жены. Все это не совсѣмъ удобный формуляръ для защитника строгаго православія. Спѣшимъ прибавить, что въ противоположность княгинѣ Беатѣ Ильиной (вдовѣ князя Ильи Острожскаго), жена князя Константина-Василія, Софья Тарновская, совершенно чужда католическаго фанатизма.

Противникъ соединенія Малороссіи съ Польшей, Острожскій, подъ конецъ жизни, пишетъ однако сыну „помни, что ты Полякъ“ [1]) и свою частную переписку ведетъ на Польскомъ языкѣ.

При своихъ несмѣтныхъ богатствахъ, князь однако долженъ государственному казначейству 4000 копъ грошей Литовскихъ „подымнаго“ [2]) и занимаетъ деньги у Кирилла Терлецкаго [3]). Надо однако принять во вниманіе, что съ Терлецкимъ онъ не всегда былъ въ ссорѣ; при отсутствіи въ то время банковъ и процентныхъ бумагъ, люди средняго достатка отдавали магнатамъ деньги, какъ теперь ихъ кладутъ въ банкъ; недоимка же государственной казнѣ скорѣе указываетъ на недостатокъ княжеской администраціи, чѣмъ на недостатокъ денегъ.

Раціоналистъ въ душѣ, князь не чуждъ религіознаго сентиментализма. „Въ церквахъ имѣній (гдѣ обыкновенно проживалъ) устраивались особыя закрытыя сидѣнья, съ окнами на три стороны, дававшія ему возможность укрыться отъ людей и не развлекаться во время молитвъ. Въ первый день Великаго поста, онъ переѣзжалъ для говѣнія (zwykl zamykac) въ Дубенскій монастырь. Сбросивъ роскошную одежду (panskie szaty), онъ облекался въ убогую (podle) и проводилъ дни и ночи въ постѣ, молитвѣ и богослуженіи“ (Niesieckj).

Если пословица „на ловца и звѣрь бѣжитъ“ имѣетъ житейскій смыслъ, она повторилась на князѣ Острожскомъ, съ двойственностью общественно-политической роли, которую, вообще, ему пришлось играть. Надо же было чтобы, въ то время, когда, по завѣщанію Курбскаго онъ, какъ его душеприказчикъ, состоялъ опекуномъ его семьи, король ему же, какъ Кіевскому воеводѣ, поручаетъ привести въ исполненіе декретъ объ отобраніи у этой семьи пожалованнаго было Курбскому имѣнія! [4]).

Нѣкоторая неопредѣленность психологической окраски, отсутствіе, въ характерѣ Острожскаго рѣзкихъ очертаній, могутъ ввести въ заблужденіе поверхностнаго наблюдателя. „Это или странный, или, по своему, исключительный человѣкъ“. Ярлычекъ потерянъ, и нѣтъ вывѣски. Поверхностный наблюдатель уходитъ съ сознаніемъ чего-то недосказаннаго и непонятнаго.

---

[1]) *Кулишъ*, Исторія возсоединенія Руси, II, 4.

[2]) Тоже 25.

[3]) *О. Левицкій*, Южно-Русскіе архіереи („Кіев. Стар. 1882, Январь, 61).

[4]) *Ивантишевъ*, Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни.

Но, прежде всего, нельзя требовать, чтобы человѣкъ съ умомъ и прошлымъ Острожскаго, послѣ того какъ Европу взволновали идеи Лютера, Серве и другихъ реформаторовъ, смотрѣлъ на вопросы церкви и національности съ точки возможной для его прадѣда Василія Краснаго или пращура Ѳедора Даниловича Святого. Князь Константинъ-Василій до конца остается православнымъ; но онъ уже не надѣнетъ монашескую рясу, какъ надѣвали ее его предки, не отнесется къ православію съ той простотой и однозложностью, съ какой относились къ нему знаменитые родоначальники. Какъ многіе очень умные люди, Острожскій понимаетъ все, но ничѣмъ не увлекается, ничему не отдаетъ себя всего и окончательно. Если отецъ нашего героя (тоже Константинъ, знаменитый военачальникъ) или дѣдъ Иванъ и т. д. говорили и писали только по-русски, то они вѣрили въ простотѣ сердца и были только Русскими людьми. Но теперь передъ нами человѣкъ неизбѣжно тронутый Польской и Европейской цивилизаціей, невольно поддающійся послѣдствіямъ этого раздвоенія.

Бѣжавшій изъ полудикой Москвы Курбскій, посылая православный памфлетъ Львовскому мѣщанину Сѣдларю или княгинѣ Чарторижской, могъ требовать, чтобы они не показывали его еретикамъ; Курбскій, съ религіознымъ горизонтомъ отрѣзанной отъ міра Москвы, могъ, зажимая уши передъ непріятнымъ мнѣніемъ, совѣтовать пану Бокею „ни во многія размовы вдаватися съ мужами нечестивыми, еретичествомъ дышущими“; Курбскій, когда ему указывали на „епископовъ богатыхъ и миховъ многостяжательныхъ“, могъ отвѣтить уклончиво: „нехай имъ Богъ судитъ, а не азъ, бо маю и свое бремя грѣховъ тяжкое, о немъ же есть повиненъ отвѣтъ дать Праведному Судіи....“ *); Курбскому, который не пошелъ далѣе Максима Грека, довольно вѣры предковъ.... но не Острожскому. Съ дѣтства воспитанный мѣстной общественной средой, князь Константинъ-Василій, слѣдуя привычкѣ образованнаго класса, самому Курбскому посылаетъ тогдашнія литературныя новости: книгу іезуита Скарги и письмо социніанина Мотовила, и вызываетъ этимъ, какъ сказано выше, неудовольствіе своего друга.

Можетъ быть, Іоаннъ Вишенскій, весьма кстати для своего времени сказалъ: Славянскій языкъ „боголюбимѣйшій“, безъ всякихъ „коварствъ тщеславныхъ“ въ родѣ грамматики, риторики и діалектики приводящій къ вѣчному блаженству (Въ свое время были „кстати“ Ростопчинскія афиши съ ихъ исключительнымъ жаргономъ). Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы значеніе Славянскаго языка было таково, или чтобы Острожскій могъ смотрѣть и говорить глазами и языкомъ Вишенскаго.

„Мнихъ Іоаннъ“ (Вишенскій), самъ о себѣ свидѣтельствующій: „грамматическаго дробязгу не изучихъ, риторической игрушки не видахъ, философско-мечтательнаго не слыхахъ“, могъ давать криминально-демоническое значеніе Рождественскимъ колядамъ и поминальнымъ пирогамъ; талантливый

*) *Устрялов*, Сказанія, 242, 252, 238, 236.

патріотъ, человѣкъ большой опытности, благочестія и смѣлой мысли, но не глубоко образованный, могъ, безъ внутренней улыбки, писать, что всклокоченные волосы инока охраняютъ женскую добродѣтель, ременный поясъ—добродѣтель самого инока, клобукъ же, вообще, недурное средство для отогнанія бѣсовъ *); но не князь Константинъ-Василій, религіозно-политическіе взгляды котораго созданы исторической жизнью цѣлаго государства, а общее образованіе, помимо его волн, сложилось въ стилѣ renaissance.

Отсюда его удивительное безпристрастіе, которое многимъ изъ современниковъ и потомства казалось почти преступнымъ равнодушіемъ. Вездѣ, въ томъ числѣ у еретиковъ, князь хвалитъ все хорошее и бранитъ дурное; онъ окруженъ учеными всѣхъ христіанскихъ сектъ и слѣдитъ за всей текущей литературой; чуждый предразсудковъ, онъ сносится со всѣми выдающимися людьми, отъ ученыхъ Грековъ Ѳеофана и Никифора до Запорожца Лободы. Неудивительно, если проповѣдь социніанства нашла въ немъ не сторонника, но цѣнителя. Отстаивая православіе, онъ однако хвалитъ социніанъ, какъ общественную и церковную организацію. Видя злоупотребленіе своихъ епископовъ и невѣжество духовенства, онъ почти завидуетъ инов'рцамъ. Колебаній въ немъ не видимъ; это одинъ изъ тѣхъ умовъ, которые ріентируются сразу. Скарга напрасно ожидаетъ его обращенія въ католицизмъ; но мы видимъ въ немъ снисходительность образованнаго патрицій къ католицизму, социніанству и прочимъ человѣческимъ заблужденіямъ.

И такъ въ лицѣ Острожскаго, имѣемъ скептическій умъ, какъ у Александра I, и въ тоже время, какъ у Александра I, мистически настроенный Онъ вездѣ ищетъ истины и всегда остается неудовлетвореннымъ. Въ лицѣ князя Константина-Василія, какъ и значительной части тогдашняго Малорусскаго дворянства, исторія взяла свое, надѣлила ихъ чувствами и взглядами, которыхъ не имѣли предки и притупила другіе, составлявшіе все ихъ существо. Порою чувствуете, какъ этотъ единственный другъ и покровитель Московскихъ изгнанниковъ въ Польшѣ, съ своей офиціальной защитой православія и протестантскимъ скептицизмомъ, точно герой Лермонтовской эпохи, идетъ „за чинною толпой“....

....Не раздѣляя съ ней,
Ни общихъ мнѣній, ни страстей.... (Пушкинъ).

Мы представили фактическую сторону даннаго положенія, не входя, пока въ разсмотрѣніе его причинъ. Имѣемъ въ виду только существованіе извѣстнаго типа, а не причины, создавшія этотъ типъ.

У Острожскаго, при всѣхъ его талантахъ, знатности и богатствѣ, нѣтъ будущности. Скептицизмъ—не творчество. Но неуспѣхомъ въ данную минуту

*) *Сумцовъ*, Іоаннъ Вишенскій (Кіевская Старина 1885, 659—660, 674). *Мирокъ*, Іоаннъ Вишенскій (Кіев. Ст. 1889, Апрѣль, 31). *Кулишъ*, Исторія возсоед. Руси, I, 292.

не всегда измѣряются духовныя силы не только людей, но цѣлыхъ поколѣній. Этотъ красивый старикъ, съ пристальнымъ взглядомъ вдумчивыхъ глазъ, все таки головою выше современнаго ему, и Русскаго, и Польскаго общества. Болѣе того. Какъ и другъ его Курбскій, каждый по своему, одинъ въ Москвѣ, другой въ Малороссіи, они—только люди своего общества и времени.

Если принять во вниманіе обстановку, въ которой родился, выросъ и дѣйствовалъ князь Константинъ-Василій, въ чертахъ его аристократическаго индифферентизма найдемъ не столько его личное качество, сколько типъ тогдашняго образованнаго Южно-Русскаго дворянства. Типъ этотъ очень недолговѣченъ. Онъ едва продержался одно поколѣніе; онъ уже не повторился въ дѣтяхъ и внукахъ. Но, въ „князѣ Константинѣ“, онъ имѣлъ блестящаго выразителя. Своимъ умомъ, связями и богатствомъ, князь Острожскій поднятъ надъ общимъ уровнемъ; воспитаніемъ и кругомъ дѣятельности онъ болѣе всѣхъ развитъ и опытенъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительность его облика является принадлежностью цѣлаго историческаго „вида“, а не личной чертою Острожскаго. До извѣстной степени она составляетъ неизбѣжный элементъ всей Южно-Русской интеллигенціи того поколѣнія. Остается прибавить, что своимъ портретомъ князь болѣе рисуетъ образованную Малороссію въ половинѣ XVI вѣка (эпохи Курбскаго), чѣмъ обширные сборники документовъ, безконечные ссылки и подробнѣйшія изслѣдованія.

Замѣчательно, что, не смотря на относительный индифферентизмъ въ религіозно-политическомъ вопросѣ, именно въ этомъ вопросѣ князь Константинъ-Василій оказывается гораздо дальновиднѣе едва ли не всѣхъ своихъ современниковъ, даже такихъ, какъ Курбскій и Вишенскій. Послѣдніе въ извѣстной степени чтутъ католицизмъ и весь ядъ своей религіозной полемики оставляютъ для различныхъ протестантскихъ толковъ. Въ католицизмѣ они видятъ религію проникнутую каноническими заблужденіями, но имѣющую за собой престижъ древности и все таки болѣе ихъ удовлетворяющую и болѣе близкую ихъ православію. Вишенскій прямо говоритъ: „терпитъ Богъ латину“ [1]); а Курбскій, на удивленіе потомства, зная, что іезуиты уже совратили дѣтей князя Кропинскаго, хвалитъ намѣреніе княгини Чарторижской отдать сына въ іезуитскую школу [2]). Не такъ Острожскій. Женатый на католичкѣ, онъ однако зорко смотритъ за католицизмомъ и, равно-обходительный со всѣми, одному католицизму не дѣлаетъ уступокъ. Острожскій знаетъ, что, благодаря дисциплинѣ и внѣшнему обаянію на толпу, одинъ католицизмъ опаснѣе для православія, нежели всѣ протестантскія секты, взятыя порознь и вмѣстѣ. Онъ даже схватился было, на почвѣ религіознаго вопроса, съ самимъ папскимъ нунціемъ (Поссевиномъ), но благоразумно отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ. „Богъ ли этому не соизволилъ, прибавляетъ Острожскій, для нашей ли пользы или зла, не знаю“ [3]). Совершенно иначе относится онъ къ

[1]) *Сумцовъ*, Іоаннъ Вишенскій (Кіевская Старина, 1885, Апрѣль, 662).

[2]) *Устряловъ*, Сказанія, 241.

[3]) *Акты Западной Россіи* IV, 63.

новымъ ученіямъ. Оставляя въ сторонѣ догматическую почву и имѣя въ виду только общественные интересы, онъ живетъ въ ладу съ протестантизмомъ, зная, что здѣсь много точекъ соприкосновенія съ православіемъ. Въ противоположность тому, что пишутъ о протестантахъ Курбскій и Вишенскій, онъ едва ли не предвидитъ время, когда православные и разновѣрцы будутъ защищать другъ друга.

Князь Константинъ-Василій умеръ въ 1608 году. Подъ старость тяжело пришлось кн. Острожскому. Рѣдѣетъ строй его современниковъ. Сошли со сцены: Литовскій писарь Гарабурда, черезъ котораго когда-то онъ получилъ отъ Ивана Грознаго полный экземпляръ Библіи для ея Острожскаго изданія; дьяконъ Иванъ-Ѳедоръ, набиравшій эту Библію; сватъ Николай Радзивилъ Черный, издавшій въ Несвижѣ „Катехизисъ для простыхъ людей языка Русскаго“; двоюродный братъ Юрій Слуцкій, подобно князю Константину-Василію устроившій православную школу; воевода Волынскій Александръ Чарторижскій, съ которымъ онъ пытался когда-то отвести Люблинскую Унію; Литовскій гетманъ Григорій Ходкевичъ, основатель Заблудовской типографіи; пріятель Дмитрій Сангушко, для котораго, выдавая племянницу, онъ покривилъ душой; сподвижникъ на полѣ брани князь Богушъ Корецкій, и знаменитый Курбскій. Князь Острожскій остается одинъ среди поколѣнія, выдвинувшаго свои вопросы, своихъ дѣльцовъ и передовыхъ людей. Въ лагерѣ новаго поколѣнія онъ едва ли чувствуетъ себя лучше того „человѣка сороковыхъ годовъ“, который праздновалъ со студентами пятидесятилѣтній юбилей своего Университета. Было время, когда Польскій король не рѣшился бы „наступить ему на ногу“; теперь невѣстка, жена старшаго сына, дѣлаетъ наѣзды на сосѣдей и досаждаетъ ему самому [1]).

Что думалъ Острожскій, когда разбили казаковъ на Солошицѣ и казнили Наливайку, его бывшаго слугу и союзника? А думалъ онъ, несомнѣнно, тяжелую и безнадежную думу.

Этотъ обломокъ прошедшей эпохи, этотъ „послѣдній изъ Могиканъ“ стараго Малорусскаго дворянства, поставленъ въ необходимость считаться съ новыми теченіями, ключемъ бьющими вокругъ. Три сына поддерживаютъ его старость. Вдругъ узнаютъ, что Янушъ и Константинъ приняли католицизмъ. Скоропостижно умираетъ Александръ, надежда Руси „чающе помощь тѣмъ получити въ бѣдахъ и гоненіяхъ одержащихъ Христову церковь“ [2]). Вѣковой Острожскій домъ, гдѣ все такъ отзывалось жизнью Русскаго княжескаго удѣла, гдѣ обильнымъ потокомъ текли таланты, независимость убѣжденій, Русскій патріотизмъ, сильные характеры, ясность ума и активная государственная работа, быстро принимаетъ Польско-католическую окраску. При этомъ, несмотря на весь окружающій блескъ, въ семьѣ чувствуется нѣчто выбитое

[1]) Письмо 7 Мая 1607 года (*Кіевская Стар.* 1883. Ноябрь, 478).

[2]) „Dobył szabli i do cięciasie nią zamierzył: „niegodzinies prawi, odrodky synu, żebys dłużej zil na swiecie“ (Niecieckj).

изъ колеи, въ корнѣ надломанное, родъ явно отмѣченный къ уничтоженію. Даже браки княженъ Острожскихъ, по замѣчанію Нѣсецкаго, остаются безплодными.

Ученый іезуитъ навязываетъ князю Константину-Василію роль Тараса Бульбы въ столкновеніи съ сыномъ Андреемъ *). Напрасный трудъ. Сказаннаго объ умственномъ направленіи отца довольно, чтобы догадаться, насколько ему невозможно казнить сына за намѣреніе принять католицизмъ.

Нѣкоторая двойственность, проникающая характеръ князя, переходитъ на дѣтей мужского пола. Янушъ, старшій и первый изъ Острожскихъ принявшій католицизмъ, весьма далекъ отъ католическаго изувѣрства. До самой смерти онъ остается покровителемъ Русскихъ школъ и вообще всѣхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій своего отца. Компетентный современникъ свидѣтельствуетъ о немъ: „народъ свой Русскій любилъ и православную вѣру величалъ и побожье поважалъ; монаховъ святогорцевъ религіи Греческой почетне пріймовалъ и прикладомъ (по примѣру) отца своего ялмужну (милостыню) давалъ“. Русскіе думали, что подъ старость Янушъ раскаивался въ принятіи католицизма.

Нота холоднаго разсудка даже въ религіозномъ увлеченіи, здоровое чувство мѣры даже въ болѣзненномъ экстазѣ отступничества, способность, падая въ бездну, хранить умственное равновѣсіе, спасавшее отъ фанатизма мужскихъ представителей фамиліи, совершенно оставляютъ женщинъ, которыми оканчиваются обѣ линіи князей Острожскихъ. Здѣсь видимъ не только упадокъ воли, но необыкновенную способность подчиняться стороннему вліянію. О Елисаветѣ Ильиничнѣ, на все смотрѣвшей глазами матери, мы уже говорили. Таже черта сказалась въ жизни Анны Алоизы, по мужу Ходкевичъ, прямой внучки князя Константина-Василія. Роскошь фамильной обстановки ея дворца причудливо мѣшалась съ ритуаломъ самаго строгаго католическаго монастыря: все передала іезуитамъ, даже кости покойнаго отца, умершаго православнымъ; вызвала этимъ бунтъ населенія, расправу суда и комедію помилованія. Изгнанная изъ своихъ имѣній возстаніемъ Хмельницкаго, она умерла бездѣтной ханжой.

Ѳ. М. Уманецъ.

---

*) *Копыстенскій*, Полиподій (Русская Истор. Библ. IV. 1139).

РАЗСУЖДЕНІЕ О ВОЙНѢ.

1781 года.

(Военно-библіографическая замѣтка).

Въ одномъ изъ журналовъ Екатерининскаго времени (времени зарожденія повременной литературы въ Россіи), въ «Московскомъ Ежемѣсячномъ изданіи» (1781 г., ч. II, Іюль), книжки коего, само собою разумѣется, представляютъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость, помѣщено разсужденіе о войнѣ, которое, мнѣ кажется, заслуживаетъ быть пересказаннымъ и критически освѣщеннымъ.

Авторъ начинаетъ свою любопытную статью съ заявленія о томъ, что онъ «избралъ содержаніемъ войну, видя многія ложныя понятія, которыми наполнена большая часть людей въ разсужденіи оной». Совершенно вѣрно. Война, ея raison d'être, испоконъ вѣковъ составляли тотъ роковой вопросъ, надъ разрѣшеніемъ коего задумывалась не одна сотня головъ. Поэтому желаніе автора разбираемаго разсужденія разсѣять «ложныя понятія» вполнѣ естественно.

Какъ же справляется авторъ со своею сложною задачею?

Прежде всего, онъ устанавливаетъ тѣ причины, которыя, по его мнѣнію, оправдываютъ необходимость войны. «Честолюбіе и слава», пишетъ онъ, «не должны насъ побуждать къ войнѣ; любовь къ отечеству, любовь къ благу общественному обязуютъ насъ посвятить съ удовольствіемъ имѣніе и жизнь нашу къ подкрѣпленію государства и къ благополучію согражданъ». Словомъ, онъ вычеркиваетъ династическіе интересы изъ числа поводовъ къ вооруженному столкновенію, признавая допустимыми лишь интересы національные. Кромѣ того, авторъ говоритъ, что «одна необходимость оправдываетъ такое происшествіе». Мысль, безспорно, справедливая, но едва ли могущая быть осуществленной въ дѣйствительности. Да и какъ означить предѣлъ, перейдя за который, необходимость обращается въ излишество? И если въ ежедѣнной жизни, при столкновеніи всего двухъ лицъ, бываетъ весьма затруднительно опредѣлить, произошло ли данное убійство въ состояніи необходимой обороны или нѣтъ, а потому должно ли оно караться уголов-

нымъ наказаніемъ, или нѣтъ: то что же говорить про войну одного государства съ другимъ?

Далѣе авторъ подводитъ подъ большой вопросъ мнѣніе ошибочное, по его взгляду, о томъ, что «война побуждаетъ къ порокамъ, оные питаетъ и потворствуетъ». Онъ саркастически замѣчаетъ: «дозволено ли спросить, нѣтъ ли оныхъ (т. е. пороковъ) и во время мира?» Да, они существуютъ, и ихъ существованіе доказывается тѣмъ, что «нѣтъ того дня, въ который бы не слыхали о убійствѣ, воровствѣ и другихъ преступленіяхъ». Конечно, бѣдствія войны обрушаются со стихійной силой: рѣка, напоръ воды которой поддерживала плохенькая плотина, а все-таки поддерживала, врывается на мирныя пашни, и туманъ смерти поднимается надъ землей. Все это такъ. Но авторъ утверждаетъ, что не будь войны, не будь грозы, очищающей воздухъ, жизнь была бы до нестерпимости удушливой. Война лишь концентрируетъ бѣдствія, освобождая отъ нихъ человѣчество на годы мира*).

Авторъ, въ своемъ признаніи неизбѣжности войны и ея пользы, детъ еще далѣе. Пусть война «питаетъ пороки», но они существовали бы и безъ нея, будучи лишь разрѣженными, размѣщенными на бо́льшемъ пространствѣ времени. Но за то война приноситъ и добро. По автору, «добро, происходящее отъ справедливой войны, покроетъ зло, происходящее отъ оной»; замѣтьте ловко вставленное выраженіе «отъ справедливой войны». «Война приноситъ пользу обществу». Во первыхъ, механика и физика «въ совершенство приведены необходимостію ихъ употребленія на войнѣ». Здѣсь авторъ, очевидно, шагнулъ черезъ край. Не война развиваетъ технику, не военная техника родитъ обще-гражданскую технику, а наоборотъ. Паровозъ былъ придуманъ и усовершенствованъ не для дого, чтобы въ блиндированныхъ поѣздахъ прорываться черезъ сѣть непріятельскихъ постовъ, а чтобы пользоваться имъ для общеполезныхъ цѣлей. Поэтому авторъ въ этомъ своемъ заключеніи не правъ. Скажу болѣе: если бы вся та сумма умственной и физической энергіи, которая тратится на изобрѣтеніе, положимъ, дистанціонной трубки, обратилась бы на что либо дѣйствительно-полезное, то отъ этого, конечно, выиграли бы несравненно болѣе «механика и физика». Во вторыхъ, благодѣтельное вліяніе войны авторъ

*) Воспоминаются стихи Ломоносова:

Необходимая судьба
Во всѣ народы положила,
Чтобы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила.

Эти стихи любилъ повторять К. С. Аксаковъ въ Крымскую войну. П. Б.

усматриваетъ въ томъ, что «она питаетъ множество народа, не имѣющаго пропитанія, ибо нѣтъ ни одного художества, которое не употреблялось бы въ оной». Выводъ опять неправильный. Кругомъ бездна дѣла; работы хватитъ всѣмъ и надолго, притомъ работы безъ покладанія рукъ; тоже населеніе, которое «имѣетъ пропитаніе» нынѣ на орудійномъ заводѣ, могло бы имѣть таковое и на какомъ нибудь гвоздильномъ заводѣ. Далѣе авторъ утверждаетъ, что, благодаря существованію войны, «правители народные употребляютъ лѣнивцевъ ко благу общества, а часто и побродягъ, которые бы возмущали покой въ ономъ, живучи въ праздности, но военною наукою, какъ цѣпью, ихъ оковываютъ». Замѣчаніе не соотвѣтствуетъ современному положенію дѣла, при коемъ въ составъ войска не могутъ входить какіе бы то ни было неблагонадежные элементы населенія: нынѣшнія арміи представляютъ цвѣтъ народа. Но въ замѣчаніи автора справедливо подмѣченное имъ дисциплинирующее вліяніе военной службы. Наконецъ, авторъ, ссылаясь на поучительность исторіи Рима и Голландіи, видитъ доказательство (хотя доказательство отъ противнаго) благодѣтельнаго вліянія войны въ томъ, что «народъ, не имѣющій долгое время войны, вдается въ роскошь, страсть столь вредную для общества», въ праздность, что онъ облѣнивается. Вотъ, на мой взглядъ, до поразительности вѣрное пониманіе благодѣтельнаго значенія войны, не только не потерявшее своей свѣжести за тѣ слишкомъ сто двадцать лѣтъ, какъ оно было высказано авторомъ разбираемаго разсужденія, но представляющее злободневность текущей минуты и кажущееся только что вышедшимъ изъ подъ печатнаго станка. Любопытно, что къ точно такому же выводу пришелъ и г-нъ Розановъ, совсѣмъ штатскій человѣкъ и не могущій быть заподозрѣннымъ въ какомъ либо шовинизмѣ, высказавшій тѣже мысли въ одномъ изъ Майскихъ фельетоновъ «Новаго Времени».

Въ заключеніи своего разсужденія авторъ касается вопроса о «почетности» военной службы и замѣчаетъ, что про лицъ военнаго вѣдомства нельзя сказать: «родился, женился, имѣетъ дѣтей, а болѣе ничего, умеръ столь полезенъ, каковымъ былъ въ первый день своего рожденія». Но эта часть статьи не касается непосредственно сущности и характера войны, какъ мірового явленія.

Изъ предыдущаго ясно, что авторъ если и не вездѣ изложилъ вѣрныя мысли, то во всякомъ случаѣ разсмотрѣлъ вопросъ довольно подробно и добросовѣстно, хотя, конечно, это только вопросъ, и пока онъ останется вопросомъ, необходимо точить свою шашку и заряжать револьверъ...

Михаилъ Соколовскій.

ОРЕНБУРГСКІЕ АРХІЕРЕИ XVIII-ГО ВѢКА.

Труды Оренбургской ученой Архивной Комиссіи. Выпуски VII и X. Оренбургъ 1903 г. Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ. Изслѣдованіе Николая Чернавскаго (съ рисунками и портретами).

Этотъ трудъ Н. Чернавскаго заслуживаетъ всякой похвалы. Тутъ полная картина церковной жизни Оренбургскаго края. Жаль только, что сочинитель слишкомъ снисходительно отнесся къ духовнымъ властямъ добраго прежняго времени и не коснулся бытовыхъ сторонъ владычняго міра Оренбургской епархіи. Онъ въ приложеніи лишь указалъ извѣстное всѣмъ занимавшимся епархіальною исторіей дѣло о преосв. Іоанникіи Образцовѣ и его достойныхъ сподвижникахъ *), но консисторскія бумаги съ этой стороны мало разработаны.

Въ первой части своего труда г. Чернавскій изложилъ исторію общаго положенія миссіонерства въ Поволжскомъ краѣ, когда (до 1800 г.) почти весь Оренбургскій край принадлежалъ въ Казанской епархіи.

Вскорѣ послѣ завоеванія Казани первый Казанскій архіепископъ Гурій былъ снабженъ отъ царя Ивана Грознаго наказомъ, коимъ предписывалось ему заботиться о привлеченіи иновѣрцевъ къ христіанской вѣрѣ и съ этою цѣлію „пріучать ихъ къ себѣ“ ласкою и привѣтомъ, угощать приходящихъ къ нему по дѣламъ Татаръ квасомъ и медомъ, бесѣдуя съ ними „тихо и съ умиленіемъ, а жестокостію съ ними не говорити“. Склонять Татаръ рекомендовалось „любовію“, крестя невѣрныхъ только по ихъ волѣ, „а страхомъ ихъ къ крещенію никакъ не приводити“. Новокрещенныхъ предписывалось обучать законоученію у себя дома и по монастырямъ, крестить и тѣхъ, которые пожелаютъ того, для избѣжанія наказанія за вины, печаловаться предъ воеводами и судьями за подсудимыхъ, участвовать съ судьями во всѣхъ совѣтахъ и т. под.“ Къ сожалѣнію, послѣдующіе Казанскіе епископы не оказывали особой ревности къ миссіонерству. Но и въ XVII вѣкѣ „правительство не стояло вчужѣ отъ миссіонерскаго дѣла, для успѣховъ котораго оно распорядилось принять мѣры чисто-гражданскаго характера характера. Такъ, разными указами велѣно было отобрать у некрещеныхъ иновѣрцевъ крещеныхъ людей, уничтожать Татарскія мечети, Татаръ выселять особо отъ Рус-

*) Сборникъ Имп. Ист. Общ. т. 113, кн. II, стр. 79—121.

скихъ въ отдѣльную слободу въ Казани, отступниковъ отъ вѣры сажать въ тюрьму или отсылать ко владыкѣ на смиреніе, Русскимъ у Татаръ не жить. Но эти мѣры къ желательнымъ послѣдствіямъ почти не приводили".

Лѣтописи XVIII вѣка уже полны миссіонерскихъ подвиговъ. „Въ 1731 году въ г. Свіяжскѣ для веденія всего миссіонерскаго дѣла въ Казанско-нижегородскомъ краѣ учреждена была особая „Комиссія Новокрещенскихъ Дѣлъ", дѣйствовавшая впрочемъ не очень радиво. Такъ, напр., она не вела даже списка новокрещенымъ, благодаря чему нѣкоторые изъ нихъ ради подарковъ крестились по 2—3 раза; далѣе, раздавала новокрещеныхъ въ крѣпость разнымъ людямъ подъ предлогомъ воспріемничества и т. п. Въ 1738 г. Казанскимъ епископомъ дѣлается прославившійся въ исторіи Русской церкви своею необычайною ревностію по вѣрѣ Лука Конашевичъ; онъ отмѣтилъ собою цѣлую эпоху въ миссіонерскомъ движеніи (1738—1755 г.). При личномъ участіи его въ 1740 году Комиссія была преобразована въ „Контору Новокрещенскихъ Дѣлъ" въ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ, которая по силѣ указа 11 Сент. 1740 года получила особыя права и положеніе. Душою дѣла сталъ мѣстный архимандритъ Дмитрій Сѣченовъ; помощниками его назначены два Казанскихъ протопопа и пять священниковъ-переводчиковъ и, кромѣ того, шесть лицъ для канцеляріи и услуженія.

Къ сожалѣнію, миссіонеры вели дѣло проповѣди не въ духѣ христіанской любви, и тутъ особенно отличался Димитрій Сѣченовъ. Въ бумагахъ покойнаго П. И. Мельникова (Печерскаго) сохранилось описаніе одного изъ его подвиговъ на этомъ поприщѣ. Возведенный изъ архимандритовъ Свіяжскаго Богородицкаго монастыря во епископа Нижегородскаго, онъ и тамъ также ревностно принялся просвѣщать Магометанъ и язычниковъ. Въ Нижегородской губерніи, въ 67 верстахъ отъ города, находится Терюшевская волость, принадлежавшая Грузинскому царевичу генералъ-лейтенанту Бакару. Она почти вся была населена Мордвой и считалась очень зажиточной. Неподалеку отъ Терюшевской волости находился Оранскій манастырь, основанный въ XVII в., любимое мѣстопребываніе Нижегородскихъ владыкъ, гдѣ преосвященный Димитрій всегда находилъ себѣ желательный отдыхъ послѣ своихъ апостольскихъ и проповѣдническихъ трудовъ. Съ самаго основанія монастыря у монаховъ происходили съ Мордвой постоянныя ссоры, тѣмъ болѣе, что монастырь имѣлъ царскую грамоту 1664 г., въ которой было сказано, что буде монастырю понадобится лѣсу и дровъ, то въѣзжать въ Мордовскіе лѣса безпрепятственно; да тому жъ монастырю было отмежевано земли, пашни, и сѣна и лѣсу и всякихъ угодьевъ *).

Стѣсненная такимъ образомъ, Мордва уже никакого теперь почтенія къ монахамъ не питала и расположенія принять христіанскій законъ отъ такихъ апостоловъ совсѣмъ не имѣла, а ссоры между настоятелями обители и Мордвою продолжались постоянно. Что же касается того, каковы были нравы подвиж-

*) Описаніе Оранскаго мон. Нижній-Новгородъ. 1871 г., стр. 19.

никовъ Оранскаго монастыря, то изъ рукописи П. И. Мельникова видно, что Оранскіе монахи по своему образу жизни и поведенію далеко не соотвѣтствовали тому идеалу монашества, какой рисуютъ намъ ихъ уставы и какого держались монастыри въ первое время возникновенія ихъ на Святой Руси и потомъ, когда они по справедливости считались центрами умственнаго и нравственнаго просвѣщенія. Но позднѣе монастырскіе акты какъ нельзя нагляднѣе изображаютъ нравы и обычаи монастырской жизни. Когда въ половинѣ XVIII вѣка велѣно было составлять опись монастырскому имуществу для отчетовъ въ Духовную Консисторію, то, кромѣ разныхъ вещей, не оказалось даже церковныхъ книгъ; а казначей и монахи показали, что четыре книги „Четьихъ-Миней“ заложены у дворянина Ивана Лѣнивцева въ семи рубляхъ съ полтиной, да еще три книги заложены: „Многосложный свитокъ“, другая книга—„Житія Сергія Чудотворца“, третья — „Іоасафа царевича“ крестьянину села Вязовки, Ивану Иванову сыну Ясолову, въ трехъ рубляхъ; а заложилъ тѣ книги бывшій казначей Иларіонъ, по братскому приговору, на время, ради нужды. Не чуждъ этого грѣха былъ и архимандритъ Ѳеодоритъ: и онъ, должно быть ради той же нужды, не гнушался продавать разныя старинныя серебряныя привѣски отъ чудотворнаго образа Владимирской Божіей Матери. Грубость, невѣжество и самоуправство были отличительными качествами Оранскихъ аскетовъ. Это выражалось прежде всего въ отношеніяхъ къ Мордвѣ, которую Оранскіе монахи, предводительствуемые своимъ настоятелемъ, старцемъ Ѳеодоритомъ, обижали всякій разъ, когда къ тому представлялся случай.

Не въ лучшемъ положеніи отъ нихъ были и приписные къ монастырю крестьяне: житье сихъ послѣднихъ было настолько плохо, что они вынуждаемы были бѣгать отъ Оранскаго самосуда. А потому неудивительно, что монастырскіе акты того времени переполнены сказаніями о „супротивностяхъ“ крестьянъ, которые не могли выносить монастырскаго управленія.

Особенно богаты такими кляузными дѣлами бумаги, относящіяся къ 1746 году, то есть ко времени покровительства обители, которое оказывалъ Димитрій Сѣченовъ. Такъ одна изъ нихъ повѣствуетъ о двадцати пяти семействахъ, добровольно удалившихся съ монастырскихъ угодій; бѣглецы были однако накрыты погоней въ Симбирской губерніи, въ Петровскомъ уѣздѣ, и имъ, конечно, пришлось бы очень плохо, если бы надъ ними не сжалился Петровскій воевода Андрей Ефимовъ, который отстоялъ ихъ отъ ревнивой опеки святыхъ отшельниковъ. Одною изъ важныхъ доходныхъ статей монастыря было хожденіе съ чудотворною иконою Оранской Божіей Матери. Но что это было за хожденіе? Тутъ ни болѣе, ни менѣе, какъ только одна профанація святыни: цѣлыми толпами, съ великимъ безчинiемъ, шатались монахи изъ деревни въ деревню, не исключая и Мордовскихъ; когда сіи послѣдніе не пускали ихъ къ себѣ, они насильно врывались въ дома, заводили ссоры, нерѣдко позволяли себѣ насилія относительно женщинъ и дѣлали всякаго рода истязанія и поборы не только съ иновѣрцевъ, но и съ Русскихъ. Таковы

были Оранскіе монахи. Настоятель ихъ, архимандритъ Ѳеодоритъ, почему-то успѣлъ заслужить любовь преосвященнаго Димитрія, который, въ особенности лѣтомъ, часто ѣздилъ къ Ѳеодориту въ Оранскую обитель. Здѣсь, вдали отъ шумнаго свѣта, среди лѣсной прохлады, преосвященный безъ стѣсненія могъ позволять себѣ всѣ наслажденія и пить съ особеннымъ удовольствіемъ и въ большомъ количествѣ свой любимый напитокъ „старое Бургонское“, отъ котораго, вѣроятно, онъ и нажилъ себѣ впослѣдствіи тяжкую и мучительную болѣзнь, подагру, прекратившую преждевременно его дни. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ эти посѣщенія всегда доставляли душевную отраду и покой владыкѣ; нѣтъ, иногда они служили ему источникомъ великихъ огорченій и ставили въ довольно критическія и опасныя положенія... Былъ мѣсяцъ Май, погода стояла прекрасная. Преосвященный Димитрій вздумалъ отправиться для отдыха въ Оранскую обитель и прибылъ туда какъ разъ въ то самое время, когда братія этой обители совершала свое обычное хожденіе съ чудотворной иконой по деревнямъ. Преосвященный не успѣлъ еще оправиться послѣ путешествія, какъ мирный покой его, неожиданно для него самого, былъ нарушенъ слѣдующимъ происшествіемъ. Монахи, позволяя себѣ по обыкновенію во время крестнаго хода разнаго рода безчинія, произвели на этотъ разъ такое насиліе, котораго не могла снести и благодушная вообще Мордва; выведенная совершенно изъ терпѣнія, она оказала энергическое сопротивленіе посягательствамъ аскетовъ. Монахи, встрѣтивъ такое сильное сопротивленіе со стороны Мордвы, вынуждены были, въ избитомъ и истерзанномъ видѣ, явиться обратно въ обитель, не окончивъ хожденія. Тотчасъ же, разумѣется, посланы были жалобы на „беззаконную Мордву“ владыкѣ; но, вмѣсто того, чтобы безпристрастно разсмотрѣть это дѣло, преосвященный, подстрекаемый архимандритомъ Ѳеодоритомъ, принялъ сторону „обиженныхъ“ подвижниковъ. По обыкновенію, перебраны были всѣ монастырскія сказанія о нападкахъ и притѣсненіяхъ, учиненныхъ якобы „зломерзскою Мордвой“, и въ концѣ концовъ преосвященный, обращавшій нѣкогда иновѣрцевъ цѣлыми десятками тысячъ и не знавшій до сихъ поръ въ этой дѣятельности никакихъ препятствій, тутъ же порѣшилъ совсѣмъ искоренить „зломерзскую Мордовскую вѣру“, въ томъ убѣжденіи, что чрезъ это-де прекратятся подобныя столкновенія между иновѣрцами и монастырскою братіей. Кстати, незадолго предъ этимъ былъ присланъ на его имя изъ Св. Синода указъ, коимъ повелѣвалось: всѣ Татарскія мечети, построенныя послѣ запретительныхъ указовъ среди новокрещенныхъ иновѣрцевъ, сломать и впредь строить не допускать. Хотя этотъ указъ касался, очевидно, Татаръ, а не Мордвы, потому что послѣдняя не имѣла мечетей, но преосвященный истолковалъ его по-своему и ждалъ только случая, чтобы примѣнить его на самомъ дѣлѣ. Вскорѣ этотъ случай ему представился. 18 Мая преосвященный Димитрій совершалъ литургію въ Вознесенской церкви села Терюшева и отсюда послѣ добраго угощенія, устроеннаго въ честь его управителемъ духовныхъ дѣлъ, священникомъ о. Кирилломъ, отправился вмѣстѣ со своею многочисленной свитой далѣе для обозрѣнія епархіи. Но, неподалеку села Успенскаго Терюшевской волости, его вниманіе

было привлечено множествомъ низенькихъ срубовъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ среди высокихъ старыхъ деревъ дѣвственнаго черноліья. На вопросъ владыки, что это такое, ему отвѣчали, что это Мордовское кладбище съ деревьями, служащими предметомъ почитанія. Преосвященный велѣлъ остановиться, нѣвчихъ заставилъ подложить подъ срубы огонь, а березы срубить топорами, взятыми у священника села Успенскаго. Время было жаркое; огонь распространился быстро, и повалилъ густой дымъ. Крестьяне подумали, что горитъ село, и прибѣжали тушить пожаръ. Но когда Мордва увидѣла, что тутъ оскверняются предметы ея обожанія и попирается прахъ отцовъ и предковъ, то, собравшись толпой и вооружившись рогатинами и саблями, она повела правильную атаку на архіерейскую свиту. Послѣдняя, предводимая самимъ архипастыремъ, вступила въ ожесточенный бой, который продолжался однако недолго и окончился полнымъ пораженіемъ свиты. Многіе изъ побѣжденныхъ остались на мѣстѣ, самъ владыка едва избѣгнулъ подобной же участи, незамѣтно покинувъ поле сраженія и скрывшись въ погребномъ амбарѣ священника. Разбѣжавшіеся съ поля битвы челядинцы по близъ лежащимъ селамъ забили въ набатъ, потомъ, собравъ помѣщичьихъ православныхъ крестьянъ и дворню, съ оружіемъ въ рукахъ бросились въ село Сарлей отбивать епископа. Произошла кровавая схватка, нѣсколько жестоко избитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ осталось на полѣ сраженія, и только наступившая ночь прекратила эту бойню. Преосвященный Димитрій кое-какъ, окольными путями, успѣлъ наконецъ добраться до села Терюшева и оттуда съ немалымъ числомъ проводниковъ благополучно прибылъ въ Макарьевскій Желтоводскій монастырь. По прибытіи сюда, онъ тотчасъ приказалъ учинить о такомъ дерзкомъ поступкѣ Мордвы строгое разслѣдованіе, сообщивъ о семъ розыскныхъ дѣлъ полковнику Крюкову.

Завязалось дѣло. Для усмиренія Мордвы посланы войска. Конечно Мордва была въ конецъ разорена и не могла даже платить оброкъ владѣльцу ея земель, Грузинскому царевичу Бакару Вахтангеевичу. Однако, царевичъ внялъ просьбамъ своихъ подданныхъ: войска были выведены, и Мордва оставлена въ покоѣ. Самъ же преосвященный, не смотря на то, что, по его донесенію въ Св. Синодъ, имъ было крещено въ Нижегородской губерніи свыше 50.000 иновѣрцевъ, былъ уволенъ въ Райскую пустынь, и только въ 1752 году, черезъ $3^1/_2$ года послѣ увольненія, вызванъ въ Св. Синодъ и опредѣленъ епископомъ въ Рязанскую епархію“ *).

Но возвратимся къ книгѣ Н. Чернавскаго. По его словамъ дѣло миссіонерства было поставлено такъ, что производило сильное возбужденіе среди инородцевъ. „Еще въ 1748 году Казанскіе Татары думали было произвести поголовную рѣзню Русскихъ „до малаго ребенка“, сначала въ Казани, а потомъ и въ уѣздахъ, чтобы „тѣмъ погубленіемъ избыть крещенія и несноснаго платежа“; но во время принятыя мѣры предупредили опасность. Подъ влія-

*) Рукопись моей библіотеки № 2323 и „Русское Обозрѣніе“ 1893, кн. VIII.

ніемъ того же возбужденія въ предѣлахъ Оренбургскаго края въ 1755 году вспыхнулъ кровавый Батыршинъ бунтъ. Самъ предводитель и виновникъ бунта, Мещерякскій мулла Абдулла Мязгильдиновъ, по прозванію Батырша, въ числѣ главныхъ побужденій къ поднятому имъ мятежу указывалъ на принудительное обращеніе инородцевъ въ христіанскую вѣру. Немало былъ виновенъ самъ вдохновитель и руководитель миссіи епископъ Лука Конашевичъ, который дѣйствовалъ иногда черезчуръ круто и даже съ изувѣрствомъ, вовсе несвойственнымъ христіанству. Извѣстный историкъ Казанской іерархіи, епископъ Платонъ Любарскій, отдавая дань заслугамъ Луки Конашевича въ дѣлѣ просвѣщенія Казанской паствы, безпристрастно замѣчаетъ о его миссіонерскихъ подвигахъ. „Какъ особливо Татары не столь преклонны къ благочестію, то онъ иногда убѣждалъ ихъ къ тому и нѣкоторыми утѣсненіями, созидая насильно въ срединѣ ихъ церкви и часовни, забирая противъ воли ихъ дѣтей въ заведенныя имъ новокрещенскія училища, учреждая мимо домовъ ихъ крестныя хожденія и другія многія причиняя имъ противности, чрезъ что сильно ихъ такъ огорчалъ, что они нерѣдко отъ нетерпимости едва удерживались отъ всеобщаго смятенія". Усердіе свое Лука Конашевичъ простеръ даже до того, что приказалъ уничтожить развалины древняго города Булгары. Правительство, наконецъ, сознало крайности его дѣятельности, и онъ въ Октябрѣ 1755 года переведенъ въ Бѣлогородскую епархію, какъ замѣчаетъ Любарскій, „въ предвареніе всеобщаго смятенія, а также въ прекращеніе часто случавшихся по той же причинѣ съ свѣтскими правительствами несогласій".

Послѣ Луки Конашевича дѣла Новокрещенской конторы шли болѣе и болѣе тише. Императрица Екатерина 23 Января 1763 года повелѣла Сенату совмѣстно съ Синодомъ пересмотрѣть распоряженія относительно миссіонерства среди инородцевъ. Представленный во исполненіе сего докладъ Сената былъ высочайше утвержденъ 20 Февраля 1764 года. Новокрещенская Контора закрывалась, какъ равно упразднена была и переселенческая „главная команда". Забота о гражданскомъ бытѣ новокрещеныхъ передана мѣстнымъ гражданскимъ учрежденіямъ, а миссіонерскія задачи и заботы возлагались на епархіальныхъ архіереевъ.

Реформаторскія стремленія преосвященнаго Луки Конашевича встрѣтили дружнымъ сопротивленіемъ Яицкіе казаки. Печать старины лежала вообще на міросозерцаніи и обычаяхъ Уральскихъ казаковъ, которые носили длинныя бороды, крестились двуперстно, служили по старымъ книгамъ, ходили за службами посолонь и т. под. „Лука Конашевичъ, извѣстный въ исторіи Русской церкви по стойкой ревности къ обращенію въ христіанство иновѣрцевъ изъ Мусульманъ и язычниковъ Приволжскаго края, при началѣ своего управленія лично столкнулся съ приверженностію Яицкихъ казаковъ къ старообрядчеству. Войско Яицкое представило ему священника Максима Павлова для опредѣленія его въ санъ протопопа, и двухъ казаковъ Петра Діонисова и Ив. Желѣзнова, во іереи. Казанскій архипастырь усмотрѣлъ, что „ставлен-

ники неправославнымъ троеперстнымъ Святую Троицу изображающимъ, но злочестивымъ раскольническимъ и Армянскимъ двоеперстнымъ крестомъ крестятся; и ихъ, яко явныхъ клятвопреступниковъ и богомерзкихъ раскольниковъ, отъ даннаго имъ благословенія обнажая, доколѣ не исправятся и отъ такой богомерзкой ереси своей истинное покаяніе сотворятъ, въ домы ихъ отпустилъ". Впрочемъ, какъ онъ самъ выразился, „ради честнѣ издревле пресловутаго войска Яицкаго", преосвященный Лука на этотъ разъ уступилъ войску и поставилъ Максима Павлова протопопомъ и заказчикомъ (т. е. благочиннымъ) Яицкихъ церквей, вмѣнивъ войску въ обязанность быть послушнымъ и воздавать должную честь новопоставленному протопопу, а сему послѣднему „наставлять и оберегать отъ всего противнаго и еретическаго, а наипаче раскольническаго, которое, какъ слышно, многія души простыхъ и грамотѣ неискусныхъ людей вредитъ и погубляетъ, о чемъ зѣло болѣзнуемъ и тяжко воздыхаемъ".

Въ цѣляхъ борьбы съ расколомъ, епископъ Лука учредилъ на Яикѣ особое духовное правленіе; но казаки заупрямились. Сначала они послали для поклона владыкѣ 400 рубл., но, не смотря на разныя задабриванія консисторскихъ чиновниковъ и дворецкаго архіерейскаго дома, преосвященный Лука этихъ 400 рубл. не принялъ и просьбы ихъ не уважилъ. Вся эта исторія изложена Н. Чернавскимъ подробно и живо. Въ концѣ концовъ въ защиту Яицкихъ казаковъ вступился губернаторъ И. И. Неплюевъ, и Св. Синодъ, принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, увидѣлъ, что притязанія Яицкихъ казаковъ не безпричинны, но коренились въ самомъ строѣ ихъ общинно-религіозной жизни. Между тѣмъ крайности архипастырской дѣятельности къ тому времени уже достаточно были сознаны высшей властью, такъ что скоро пришлось перевести его въ другую епархію, въ Бѣлгородъ.

Второй выпускъ изслѣдованія Н. Чернавскаго (1058 страницъ) главнымъ образомъ касается біографіи Оренбургскихъ владыкъ и архипастырской ихъ дѣятельности. Изъ пятнадцати Оренбургскихъ и Уфимскихъ архіереевъ особенно обращаютъ на себя вниманіе Августинъ Сахаровъ и Іоанникій Образцовъ: первый, какъ своеобразная личность, второй, какъ представитель архіерейства первой половины XIX столѣтія.

Преосвященный Августинъ, въ мірѣ Михаилъ Степановичъ Сахаровъ, былъ замѣчательною личностью; однако, прошло уже полвѣка со времени его кончины († 1842 г.), и при всемъ обиліи рукописныхъ матеріаловъ, относящихся до его жизни и дѣятельности, онъ не имѣетъ еще обстоятельной біографіи; небольшія же и притомъ плохо обработанныя свѣдѣнія о его жизни, напечатанныя профессоромъ Ярославской семинаріи Н. Калинниковымъ, въ 1866 г., въ журналѣ „Странникъ", мало даютъ понятія объ этомъ человѣкѣ.

Товарищъ по Академіи Сперанскому, онъ велъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ переписку и сохранялъ до конца жизни дружескія отношенія. Много было разсказовъ Августина объ его именитомъ другѣ. „Мнѣ случилось быть, разска-

зываетъ преосвященный, въ одномъ богатомъ княжескомъ домѣ на балѣ; отвѣдавши тамъ множество рѣдкихъ кушаньевъ и дорогихъ винъ, я вздумалъ сообщить объ этомъ Сперанскому, но онъ мнѣ отвѣчалъ: „Эхъ, братъ, чему ты тутъ удивляешься! Вѣдь нѣтъ ничего хуже на свѣтѣ, какъ ѣсть и пить!“ Когда будущій преосвященный, окончивъ Академію, отправился въ Ярославль на должность учителя Семинаріи, были по обыкновенію устроены проводы съ приличною выпивкой; въ числѣ сопровождавшихъ былъ и студентъ Сперанскій. Развеселившись, онъ взялъ двѣ палки и началъ осѣнять Сахарова какъ бы трикиріемъ. Сахаровъ уговаривалъ оставить неумѣстныя шутки, говоря, что это кощунство; но Сперанскій не унимался и продолжалъ, время отъ времени, выдѣлывать тоже до самой заставы. Эта дружеская шутка оказалась потомъ пророчествомъ.

Постригшись въ 1797 г. въ монашество съ именемъ Августина, Сахаровъ былъ скоро назначенъ архимандритомъ Толгскаго Ярославскаго монастыря, затѣмъ вытребованъ въ Петербургъ и въ 1802 году опредѣленъ законоучителемъ въ Кадетскій корпусъ. Тутъ особенно его почитали Клейнмихель и Маркевичъ, чрезъ посредство которыхъ онъ и былъ, въ 1806 г., назначенъ на Уфимскую каѳедру съ возведеніемъ въ санъ епископа. Въ Уфѣ преосвященный пробылъ до 1819 г. Въ этомъ году онъ попросился на покой и былъ уволенъ на свою родину въ Ростовъ, въ Варницкій монастырь. На прощаніи съ своею паствой преосвященный получилъ отъ Уфимскаго дворянства литографированный портретъ свой въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ. Портреты эти и по настоящее время сохраняются во многихъ домахъ его почитателей, очевидно полученные ихъ отцами, преимущественно духовными, отъ самого преосвященнаго.

Какого рода были причины, заставившія проситься Августина на покой, неизвѣстно. Быть можетъ, будущій біографъ, разбирая Уфимскій консисторскій архивъ, и найдетъ въ немъ слѣды этихъ причинъ; извѣстно лишь то, что архипастырь послѣ неоднократно выражалъ желаніе снова принять на себя управленіе какой-либо епархіей и, не смотря на то, болѣе двадцати лѣтъ пробылъ въ уединеніи.

По разсказамъ современниковъ, въ Уфѣ Августинъ жилъ очень открыто, одѣвался въ шелкъ и бархатъ, слабо смотрѣлъ за консисторіей. Какъ-то онъ узналъ про одно вопіющее консисторское дѣло и вдругъ перемѣнилъ образъ жизни: сталъ одѣваться бѣдно, жить замкнуто и посѣщать присутствіе Консисторіи ежедневно, засѣдая наравнѣ съ членами, какъ предсѣдатель. Зная, что это лишитъ Консисторію дохода и что на скудное жалованье чиновникамъ ея жить нельзя, онъ отдавалъ имъ свои доходы, распродалъ при этомъ даже лошадей и ѣздилъ въ простой кибиткѣ, запряженной въ одну лошадь. Про житье его въ Уфѣ у насъ остался разсказъ Я. Г. Несмѣловскаго. Августинъ, говоритъ онъ, былъ въ родѣ какъ бы юродиваго. Владыка носилъ крашенинную рясу и такой же подрясникъ, подпоясывался про

стымъ мужицкимъ кушакомъ; ѣздилъ всегда, даже въ торжественные дни, къ обѣднѣ въ простой извозчичьей лубочной кибиткѣ на одной лошади, рѣдко на двухъ; бралъ съ собой иногда и ректора (Филарета Амфитеатрова, впослѣдствіи знаменитаго митрополита Кіевскаго), котораго сажалъ не иначе, какъ на козлахъ съ кучеромъ. Иногда вмѣсто ректора, на козлы онъ сажалъ священника - эконома. И вотъ, священнику, одѣтому въ рясу, приводилось обязательно присаживаться къ кучеру, чтобы сопровождать архіерея въ поѣздкахъ, какъ къ богослуженію, такъ равно и къ знакомымъ лицамъ въ городѣ. Но этого мало. Такъ какъ преосвященный, посѣщая сихъ послѣднихъ, не любилъ и не принималъ никакихъ угощеній, даже чаю и кофе, а между тѣмъ любилъ пить кофе ячменный: то, желая иногда угодить посѣщаемымъ, а себѣ доставить угощеніе, онъ приказывалъ приготовлять еще дома большой чайникъ съ ячменнымъ кофе и уже сваренымъ брать этотъ кофе въ чайникѣ съ собою; священникъ - экономъ, сидя на козлахъ, держалъ въ рукахъ чайникъ... Какъ только пріѣдутъ въ домъ, гдѣ владыкѣ угодно посидѣть, тотчасъ посылается священникъ на кухню, чтобы разогрѣть архіерейскій кофе и принести для него въ гостинную, гдѣ архипастырь и угощался. Преосвященный Августинъ и дома не любилъ ничего излишняго не только въ пищѣ, но и въ самой посудѣ, столовой и чайной. Къ обѣду ему подавали на деревянномъ подносѣ два, а по праздникамъ три маленькихъ горшка, изъ которыхъ прямо и употреблялъ онъ пищу, не требуя никакой посуды. Уволенный на покой съ самой скромной пенсіей (въ 1,000 рублей ассигнаціями), онъ и въ Ростовѣ жилъ замкнуто. Такъ, одна изъ его знакомыхъ, г-жа П., пріѣхавъ изъ Петербурга, завернула къ нему въ монастырь; преосвященный, предложивъ гостьѣ чаю, самъ ставилъ самоваръ и раздувалъ лучину.

Все время пребыванія въ монастырѣ (съ 1819 по 1842 г.) онъ занимался сочиненіями и, не смотря на то, что пенсія его была потомъ увеличена, не измѣнялъ образа жизни. Онъ ѣздилъ часто въ Ростовъ къ собору, гдѣ у него подъ колокольней, въ палаткѣ, помѣщалась обширная библіотека, которую онъ не имѣлъ возможности держать въ своихъ небольшихъ деревянныхъ кельяхъ, да и боялся пожара. Выходя за монастырскую ограду, онъ былъ всегда окружаемъ множествомъ птицъ, преимущественно вороньевъ, которыхъ кормилъ, бросая на пути корки хлѣба.

Въ Ростовѣ въ его время былъ богатый купецъ Максимъ Михайловичъ Плѣшановъ (дѣдъ академика П. Ѳ. Плѣшанова), простой крестьянинъ, который съ помощью двухъ даровитыхъ сыновей нажилъ милліоны (фирма „Максима Плѣшанова сыновья“ существовала въ Петербургѣ до половины 60-хъ годовъ). Старикъ Максимъ пилъ запоемъ и былъ крайне невоздержанъ. Разъ, во время званаго обѣда, гдѣ былъ и Августинъ, онъ началъ бранить преосвященнаго, укоряя его бѣдностью, и до того забылся, что рванулъ его за бороду. Присутствовавшій тутъ полицмейстеръ завелъ было дѣло, но преосвященный простилъ Плѣшанова, ѣздилъ самъ по губернскому начальству,

чтобы замять дѣло, и благодарный Плѣшановъ, выгулявшись, богато отстроилъ заново теплый Введенскій храмъ Варницкаго монастыря, сдѣлалъ ограду и вообще устроилъ монастырь въ блестящемъ видѣ.

Августинъ погребенъ въ Варницкомъ монастырѣ въ созданной имъ церкви. Всю свою большую библіотеку изъ сочиненій и писемъ онъ отдалъ въ Ярославскую и Уфимскую семинаріи и въ С.-Петербургскую Духовную Академію, свое же небогатое имѣніе бѣднымъ родственникамъ.

Въ оставшейся послѣ Августа духовной любопытна статья, въ которой онъ завѣщаетъ сдѣлать обрядъ его погребенія слѣдующимъ образомъ: „Поелику душа моя, при содѣйствіи всемогущества Христова, сохранена мною отъ всякой блудной скверны и нечистоты, то по смерти моей не обмывать моего тѣла, положить его въ пріуготованный мною гробъ, совершить надъ моимъ тѣломъ священническое погребеніе и, закрывши гробъ, предать мое тѣло погребенію“. Скромная могильная плита Августина теперь уже рѣдко бываетъ предметомъ поклоненія. Почитатели его всѣ перемерли, сочиненія лежатъ въ рукописяхъ, а братія Троицкаго заштатнаго монастыря, очевидно, и не знаетъ о подвигахъ преосвященнаго и не читала его прекраснаго стихотворенія, напечатаннаго въ 1794 г. и кончающагося словами:

Я буду въ шалашѣ спокойномъ,
Въ уединенномъ и безмолвномъ,
Тебя въ душѣ воспоминать,
И ко спискапью совершенства,
Ко утвержденію блаженства,
Во всемъ тебѣ лишь подражать!..

Оренбургскою епархіей Августинъ управлялъ $12^1/_2$ лѣтъ. Непріятная и кляузная исторія, надѣлавшая немало шума, съ ректоромъ Семинаріи, архимандритомъ Филаретомъ (Амфитеатровымъ), на котораго преосвященный Августинъ поднялъ цѣлую бурю гоненій (1805 г.—1810 г.); недружелюбныя отношенія съ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, княземъ Григ. Сем. Волконскимъ, происшедшія, частью, изъ-за отказа преосв. Августина освятить построенную послѣднимъ военную Петропавловскую церковь въ Оренбургѣ (въ 1808—1809 г.), а также, изъ-за несогласія преосвященнаго на предложеніе князя Волконскаго о постройкѣ деревянныхъ церквей и часовень въ крѣпостныхъ селеніяхъ по Оренбургской пограничной линіи, и, наконецъ, самое главное, черезчуръ формальное и законнически-бюрократическое управленіе преосвященнаго Августина епархіею, не разъ отягощавшее даже Синодъ канцелярскими запутанными донесеніями, все это подало поводъ составить о немъ въ Синодѣ мнѣніе, какъ о лицѣ, излишне и непосильно обременяющемъ епархію. Вслѣдствіе этого ему предложено было въ концѣ 1818 года подать прошеніе объ увольненіи. Оскорбленный въ своей гордости, преосв. Августинъ, вслѣдъ за подачею прошенія, прекратилъ занятія епархіальными дѣлами и поспѣшилъ оставить архіерейское помѣщеніе, живя послѣдніе три

мѣсяца (до Февраля 1819 года) въ простой кельѣ и претерпѣвая большія лишенія. По высочайшему утвержденію 6-го Января 1819 года Августинъ уволенъ на покой „по разстроенному здоровью съ проживаніемъ въ Ростовскомъ заштатномъ Варницкомъ морастырѣ, о чемъ Консисторія извѣщала по епархіи отъ 18-го Февраля. Пенсія ему первоначально опредѣлена была въ 1000 рублей, а потомъ увеличена до 4000 за его непрерывную научно-литературную дѣятельность".

Врагъ мздоимства и совершенный безсребренникъ, Августинъ и въ поѣздкахъ по епархіи всѣ расходы производилъ на свой счетъ, такъ какъ до 1828 г. прогоны архіереямъ не выдавались. Обозрѣвая епархію въ 1806 г. съ 11 Августа по 15 Сентября, онъ израсходовалъ 888 р. 32 к. Большой законникъ, онъ хотя и вносилъ порядокъ въ консисторскія дѣла, но формализмъ его переходилъ всякіе предѣлы и въ своей крайности создавалъ бюрократизмъ со всѣми его дурными послѣдствіями. „Разумѣемъ, пишетъ Чернавскій, „необыкновенное развитіе въ дѣлопроизводствѣ бумагописательства, умноженіе разныхъ входящихъ, исходящихъ рапортовъ, отношеній, реестровъ, справокъ и проч. Каждое дѣло образовывало, такимъ образомъ, громадный столбъ бумагъ, обычно листовъ въ 50, 100, 400 и даже иногда болѣе 2500 листовъ, какъ напр. дѣло относительно растраты казенныхъ суммъ въ Оренбургскомъ духовномъ правленіи при протопопѣ С. М. Нѣмковѣ".

Изъ-за лишняго формализма и буквоѣдства преосвященнаго Августина страдали иногда достойныя лица, какъ напр. мягкій и добрый ректоръ Семинаріи архимандритъ Филаретъ Амфитеатровъ.

Филаретъ, мягкій и сердечный ректоръ Семинаріи, не сошелся характеромъ съ владыкою; къ тому же противъ Филарета возбудилъ Августина будто бы Орловскій епископъ Досиѳей, который устроилъ въ родѣ ссылки Филарету чрезъ переводъ его изъ ректоровъ Орловской Семинаріи въ г. Уфу и объ его неблагонадежности и непокорности сообщилъ въ письмѣ Августину. Преосвященный обвинялъ ректора въ небреженіи матеріальныхъ интересовъ ввѣреннаго ему заведенія, въ жестокомъ обращеніи съ учениками, въ неаккуратномъ исполненіи ректорскихъ и учительскихъ обязанностей и т. п. Явился сложный судебный процессъ, производившійся по правиламъ того времени въ Духовной Консисторіи. Какъ и обычно, преосвященный самъ присутствовалъ при допросахъ подсудимаго въ Консисторіи и если послѣдній рѣшался возражать противъ какого-либо обвиненія, то составлялись акты объ оскорбленіи его преосвященства и Консисторіи. Все это архимандритъ Филаретъ переносилъ терпѣливо и во всемъ отдавалъ себя на волю епархіальнаго начальства. Но когда онъ увидѣлъ, что обвиненіямъ на него нѣтъ конца, что всѣ они, не смотря на ихъ очевидную несостоятельность, не только признаются епархіальнымъ начальствомъ, но и подводятся подъ разныя статьи Уложенія, Генеральнаго и Духовнаго регламентовъ, Воинскаго устава, манифестовъ, Синодскихъ и Сенатскихъ указовъ, то за-

явилъ, что онъ „все переносилъ, надѣясь на милость начальства, готовъ былъ трудиться безъ жалованья, котораго его лишили; когда его учительскіе труды обратили въ источникъ его страданій, то онъ и страдать готовъ былъ, потому что невинность страдать умѣетъ; но видя, что его судятъ по законамъ, которые къ его дѣлу не относятся, онъ не можетъ ввѣрить рѣшенія своего дѣла и своей судьбы Оренбургской Консисторіи и проситъ все дѣло представить на милостивое разсмотрѣніе Св. Синода".

„Святѣйшій Синодъ, разсмотрѣвъ извѣты архіерея и Консисторіи, написанные на сотняхъ листовъ, 2 Декабря 1810 г. призналъ ихъ по всѣмъ пунктамъ незаслуживающими уваженія [1]). „А, какъ по вышеизъясненнымъ, сказано въ заключеніи Синодальнаго опредѣленія, и по другимъ дѣламъ, усматриваетъ (Святѣйшій Синодъ), что онъ, епископъ Августинъ, резолюціями своими, останавливая законныя дѣйствія дѣлъ, обязывалъ неоднократно Консисторію производить новыя изслѣдованія по такимъ предметамъ, кои по существу своему никакой важности не составляли, къ непомѣрному ея и подсудимаго ему духовенства отягощенію, и таковыми дѣлами, кои болѣе зависятъ отъ архипастырскаго его, епископа, разсмотрѣнія, затрудняетъ и отвлекаетъ Святѣйшій Синодъ отъ важнѣйшихъ его занятій по лежащей на немъ должности; да и вообще Святѣйшій Синодъ, находя его, епископа въ образѣ управленія ввѣренною ему епархіею, тягостнымъ, не можетъ не обратить на все сіе вниманія и для того, замѣтивъ оное ему, епископу, подтвердить, чтобы впредь въ правленіи ввѣренной ему паствы поступалъ сообразно правиламъ святыхъ апостолъ и отецъ". Но еще прежде, чѣмъ состоялось это опредѣленіе Святѣйшій Синодъ перемѣстилъ Филарета ректоромъ въ Тобольскъ, къ прежнему начальнику его, Амвросію" [2]).

„Душевный складъ Августина", пишетъ Чернавскій, „характеризуется преобладаніемъ волевыхъ импульсовъ, какъ бы заглушавшихъ сердечныя эмоціи и постоянными упражненіями развитыхъ до такой степени, что могло казаться, какъ будто онъ жилъ только для дѣла, уйдя въ него всѣмъ своимъ внутреннимъ существомъ, и умеръ для отзвуковъ на впечатлѣнія окружающей дѣйствительности. Митрополитъ Московскій Филаретъ въ 1835 г. писалъ о немъ извѣстному А. Н. Муравьеву: „О преосв. Августинѣ многое и неудобь сказуемое слово. Сильная воля не есть все, что̀ нужно для полезнаго дѣйствованія". Было естественно, что съ такой желѣзной волей преосвященный Августинъ былъ настойчивъ, прямолинеенъ и стремителенъ, относясь къ порокамъ духовенства, особенно къ пьянству, со всею строгостію и требовательностію. А поприще въ этомъ направленіи открывалось обширное, и дѣйствовать приходилось немало... Неудивительно, что въ духовенствѣ о немъ вскорѣ же распространилась по епархіи молва, какъ объ администраторѣ и человѣкѣ строгомъ, суровомъ и даже будто ничѣмъ неумо-

[1]) Чистовичъ. Руководящіе дѣятели духовн. просвѣщенія, стр. 263.
[2]) Дѣло Св. Синод. 1818 г., № 558.

лимомъ. Этому же, повидимому, способствовало и обыкновеніе Августина, отмѣченное и въ свѣтской литературѣ, наказывать виновныхъ своеручно при помощи своего архіерейскаго посоха. Такой келейный отеческій судъ и наказаніе не считались въ то время страннымп и никого не оскорбляли, а даже, казалось, были удобны въ смыслѣ скорости и дѣйствительны по отечески-попечительному ихъ характеру... Почему и къ Августину духовенство не питало какой либо непріязни; а наоборотъ, видя въ немъ человѣка необыкновенной жизни, въ полномъ смыслѣ аскета и подвижника, проводившаго жизнь въ непрерывныхъ упражненіяхъ поста, молитвы и трудолюбія, чувствовало къ нему не одинъ страхъ, но и высокое благоговѣніе. Также и дворянское сословіе питало къ нему глубокое уваженіе: яснымъ тому доказательствомъ служитъ поднесеніе преосвященному Августину его портрета отъ Уфимскаго дворянства съ выразительною надписью.

Въ тоже время преосвященный Августинъ принадлежалъ къ людямъ интуптивно - созерцательнаго образа мыслей, и въ ту эпоху широкаго увлеченія мистицизмомъ былъ по природѣ мистикъ. Такъ, мы знаемъ, что его посѣщали неоднократно разнаго рода видѣнія и сновидѣнія, которымъ онъ придавалъ большое значеніе въ смыслѣ предчувствій и предуказаній. Въ память такихъ видѣній Августинъ заказывалъ дѣлать небольшія иконы и панагіи; таковыхъ осталось отъ него болѣе двѣнадцати. Ему приписываютъ также даръ прозорливости и предсказанія будущаго; такъ, напримѣръ, онъ предрекъ открытіе самостоятельной епископской каѳедры въ г. Оренбургѣ, пожертвовавъ для будущей каѳедры дорогое архіерейское облаченіе и панагію во имя св. Августина Иппонскаго. Засвидѣтельствовано очевидцами, что въ 1812 г. 12 Октября, въ тотъ самый день, когда Наполеонъ и Французская армія оставляли съ позоромъ Москву, Августинъ вдругъ неожиданно является въ каѳедральный соборъ, велитъ звонить въ большой колоколъ и совершаетъ торжественный при громадномъ стеченіи народа благодарственный молебенъ по поводу избавленія отечества отъ непріятеля. Всѣ сочли поступокъ Августина по меньшей мѣрѣ страннымъ, а нѣкоторые подумали, что преосвященный впалъ въ ненормальное состояніе, о чемъ даже будто бы было писано и въ Петербургъ.

Нѣкоторые случаи изъ жизни Августина показываютъ, что онъ не чуждъ былъ честолюбія и гордости, а его высокомѣріе давало поводы ссоры съ начальникомъ края княземъ Гр. Сем. Волконскимъ, этимъ добрымъ и простодушнымъ старичкомъ-барпчемъ (но впрочемъ со странностями). Августину усвояютъ нѣкоторые и то, что онъ заискивалъ у высокопоставленныхъ лицъ и любилъ выхваляться изъ мелочного чувства тщеславія. Въ общемъ, эта натура была стремительная, вѣчно чего-то ищущая, мало удовлетворенная и уравновѣшенная.

Три раза за время управленія имъ Оренбурской епархіей, въ Іюнѣ 1810 г., въ Январѣ 1816 г. и въ Ноябрѣ 1818 г., первый разъ, за пятилѣтіе, во второй, за десятилѣтіе и въ послѣдній по случаю ухода изъ епар-

хіи, преосвященный подводилъ итоги своей дѣятельности, и вкратцѣ по рубрикамъ отмѣчалъ главнѣйшіе свои труды и заслуги для епархіи. Таковыя „Выписки о главнѣйшихъ распоряженіяхъ и дѣлахъ своихъ“ преосвященный сначала отправлялъ въ Синодъ, откуда получалъ благодарность за свою ревностную попечительность объ епархіи, а потомъ для общаго свѣдѣнія разсылалъ эти выписки вмѣстѣ съ заключеніемъ Св. Синода причтамъ церквей. Все это исходило изъ желанія его видѣть и давать во всемъ самую точную отчетность. Отсюда же и обычай его о мало-мальски выдающихся дѣлахъ и распоряженіяхъ по епархіи подробно и обстоятельно репортовать немедля въ Св. Синодъ“...

*

Не таковъ былъ преосвященный Іоанникій Образцовъ, прибывшій на Оренбургскую епархію въ началѣ 1836 года.

Это сынъ бѣднаго пономаря Яковлева, получившій въ Тверской Семинаріи названіе Образцова за скромность и исправность. Пребываніе его на Оренбургско-Уфимской каѳедрѣ въ теченіе 14 лѣтъ характеризуется сравнительно слабымъ развитіемъ церковной жизни. По всему видно было, что не имѣлось въ основѣ заводной пружины, которая бы приводила въ движеніе и держала въ напряженіи духовныя силы епархіи; событія предоставлены были собственному ихъ теченію, и если получали толчекъ изъ епархіальнаго центра, то очень незначительный.

„Преосвященный Іоанникій, говоритъ О. Морошкинъ *). при ограниченныхъ умственныхъ способностяхъ и при непростительномъ въ его званіи незнаніи самыхъ обыкновенныхъ формъ духовнаго судопроизводства, былъ, сверхъ того, задорливъ, сварливъ, надутъ, мстителенъ, пристрастенъ и несправедливъ; будучи окруженъ своими племянниками, людьми не совсѣмъ нравственными, онъ позволялъ имъ вмѣшиваться въ дѣла епархіальнаго управленія, и не только имъ, но даже и женамъ ихъ. Нестрогій къ самому себѣ, онъ снисходительно смотрѣлъ на поступки гнзнаго и пьянаго ректора Оренбургской Семинаріи, Никодима. и нравственнаго урода, смотрителя Уфимскихъ училищъ, іеромонаха Филиппа. По главный порокъ, которымъ опозорилъ себя Іоанникій и за который въ глаза называли его даже Татары грабителемъ, было корыстолюбіе, послужившее началомъ вражды между нимъ и секретаремъ Маминымъ.

Мамнпъ былъ натура энергическая, огненная, смѣлая и дерзкая до наглости, язвительная, изворотливая, опытная въ крючкотворствѣ, самая умная и даровитая среди безграмотной, невѣжественной и лѣнивой челяди консисторской; натура гордая, мстительная и, какъ всѣ консисторскіе секретари, корыстолюбивая. Съ первыхъ же недѣль по вступленіи Іоанникія на Оренбургскую каѳедру, начались неудовольствія между нимъ и секретаремъ.

*) Сборникъ Имп. Истор. Общества. Т. 113, ч. II, стр. 80.

Прежде, при слабомъ, безкорыстномъ и довѣрчивомъ преосвященномъ Михаилѣ, Маминъ, имѣлъ большое вліяніе на движеніе и направленія дѣлъ; теперь же статьи доходныя отошли отъ Мамина къ свитѣ новоприбывшаго преосвященнаго, которая, независимо отъ секретаря и даже во вредъ ему, возымѣла вліяніе на ходъ епархіальныхъ дѣлъ. Маминъ, лишенный выгодъ, какими онъ дотолѣ пользовался, сталъ врагомъ архіерея и, при своей мстительности, искалъ случая напасть на него. Сначала вражда Мамина ограничивалась остротами на счетъ владыки и его свиты. При услужливомъ угодничествѣ нѣкоторыхъ лицъ, желавшихъ показать свое усердіе, преосвященный Іоанникій, охотно слушавшій всякія сплетни, немедленно узналъ все, что было говорено Маминымъ на его счетъ. Нѣкоторые изъ членовъ Консисторіи, недовольные Маминымъ и боявшіеся, чтобы онъ не обнаружилъ ихъ злоупотребленій, всемѣрно раздували эту вражду, надѣясь при помощи архіерея избавиться безъ хлопотъ отъ секретаря. На 5-е Февраля (1836 г.) въ архіерейскомъ домѣ случилось воровство: у іеродіакона Филарета, засидѣвшагося до 4-хъ часовъ за полночь въ кельѣ іеромонаха Платона, украдено было 2.500 рубл. асс.; похититель былъ найденъ на другой день и возвратилъ Филарету изъ украденыхъ только 200 руб., а остальную сумму обѣщалъ уплатить впослѣдствіи, внося ему ежегодно по 300 рублей. Воръ былъ служитель архіерейскаго дома Ѳедоровъ, который, послѣ уличенія въ кражѣ, болѣе трехъ сутокъ скрывался въ архіерейскомъ домѣ, въ кельѣ архіерейскаго эконома Владимира, покровительствовавшаго Ѳедорову. Дѣло, кажется, хотѣли замять, или, по крайней мѣрѣ, кончить домашнимъ образомъ. Но Маминъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы кольнуть архіерея и выставить на показъ темныя дѣла архіерейскаго дома, и подалъ въ Консисторію 6-го Февраля такого содержанія докладъ: „До свѣдѣнія моего дошло, что въ Оренбургскомъ архіерейскомъ домѣ, именно въ кельѣ іеродіакона Филарета, во время ночи, въ небытность его, покрадено 2.500 рубл., по его показанію. Воръ этихъ денегъ найденъ и укрывается въ архіерейскомъ домѣ. Вслѣдствіе чего я просилъ бы Оренбургскую Консисторію спросить у кого слѣдуетъ, справедливъ ли этотъ слухъ“.

Три члена Консисторіи, желая подслужиться архіерею, просили удалить Мамина отъ должности. Іоанникій не только его удалилъ, но велѣлъ прекратить и выдачу жалованья. Отъ Мамина посыпался къ оберъ-прокурору Св. Синода рядъ доносовъ. Съ прибытіемъ Іоанникія изъ Вятки въ Уфу появилось въ архіерейскомъ домѣ пять человѣкъ. „Лица эти при первомъ своемъ вступленіи въ Оренбургскую епархію начали вести себя очень несообразно своему званію и мѣсту, гдѣ они угнѣздились. Получивъ въ городѣ, привыкшемъ видѣть благочестіе въ домѣ архіерейскомъ, невыгодные слухи о ихъ поведеніи, я обязанностію почелъ словесно доложить его преосвященству о такихъ соблазнительныхъ слухахъ. Его преосвященство, повидимому оказавши удовольствіе за предостереженіе, благоволилъ сказать мнѣ, что онъ постарается все это прекратить. Слѣдствіе показало противное“, въ доказатель-

ство чего Маминъ приводитъ воровство, случившееся въ архіерейскомъ домѣ, распространившіеся по городу слухи о соблазнительномъ поведеніи молодежи, наполняющей архіерейскій домъ, изгнаніе изъ архіерейскаго дома старца Нехорошкова, носившаго на себѣ желѣзныя вериги и т. д.

Слѣдствіе было въ пользу Іоанникія. Секретарь Маминъ уволенъ безъ допущенія къ подобнымъ должностямъ по духовному вѣдомству. Доносы же Мамина на Іоанникія признаны неосновательными, служащими лишь къ оскорбленію чести епархіальнаго архіерея.

Но не успѣла еще кончиться ревизія, какъ въ Синодѣ получено было извѣстіе о томъ, что Іоанникій оказываетъ потачку и поблажку раскольникамъ Дуванейскаго приказа, запретивъ православнымъ священникамъ и благочинному увѣщевать совратившихся изъ православія и позволивъ этимъ совращеннымъ совершенно исключиться изъ списковъ православныхъ. Доносъ этотъ оказался вѣрнымъ. Племянники Іоанникія, не смотря на прямое и ясное предписаніе Синода отослать ихъ по окончаніи семинарскаго курса въ Тверскую епархію, были оставлены въ Оренбургской, и одинъ изъ нихъ даже получилъ здѣсь священническое мѣсто въ каѳедральномъ соборѣ. Епархія была недовольна управленіемъ архіерея и глухо роптала; а нѣкоторые, болѣе смѣлые, открыто жаловались графу Протасову. Вслѣдствіе этихъ жалобъ Іоанникій былъ переведенъ на Кавказскую каѳедру; но и здѣсь онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ, и также подпалъ ревизіи.

Чтобы познакомиться съ характеромъ жалобъ на Іоанникія, приводимъ здѣсь, для образца, одну изъ нихъ. „Оренбургская епархія управлялась архипастырями, если не отличными умомъ, то добрыми по сердцу, соотвѣтствующими своему назначенію. Спокойствіе не было возмущаемо, духовенство было счастливо, въ возможной для него степени. Въ 1836 году, послѣ незабвеннаго преосвященнаго Михаила, изъ Вятки перемѣщенъ на Оренбургскую паству преосвященный Іоанникій, съ удержаніемъ перваго достоинства; онъ прибылъ, окруженный родственниками и приближенными къ нему; затѣмъ послѣдовали изъ Вятки и женщины. Настало время преобразованія. Это преобразованіе открылось смѣною эконома архіерейскаго дома. Настало время безпорядковъ. Первое воровство учинено въ архіерейскомъ домѣ, за открытіе будто бы котораго прежній экономъ архіерейскаго дома удаленъ отъ должности и отъ присутствованія въ Консисторіи и на мѣсто его опредѣленъ привезенный іеромонахъ Виталій, человѣкъ нрава самовластнаго и дурного. Вскорѣ затѣмъ похищена церковная сумма изъ Крестовой домовой архіерейской церкви. Похищеніе сдѣлано изъ внутреннихъ покоевъ его преосвященства, какъ полагаютъ съ вѣроятностью, однимъ изъ его племянниковъ. Дѣло объ этомъ похищеніи производилось въ Уѣздномъ Судѣ. Это дѣло истребовано было преосвященнымъ изъ Уѣзднаго Суда. Оно сдано было въ Консисторію съ предложеніемъ, чтобъ быть ему прекращеннымъ, дабы избавить архіерейскій домъ отъ поношенія; но смыслъ этого предложенія,

какъ несоотвѣтствующаго закону, по моему настоянію, былъ измѣненъ. Прежніе преосвященные, соблюдая предписанія правительства о непроизводствѣ неполучившихъ полнаго образованія въ священники, доставили преосвященному Іоанникію поводъ почти въ одинъ разъ произвести, большею частію совершенно безграмотныхъ и безнравственныхъ, до 90 человѣкъ. Все это сдѣлано по видамъ весьма неодобрительнымъ, хотя истолкованнымъ и въ хорошую сторону. Бывшій секретарь Маминъ, получавшій въ годъ 300 рубл., которые были достаточны только на одинъ проѣздъ его въ Консисторію, видя, что всѣ выгоды, правда незаконныя, были сосредоточены въ архіерейскомъ домѣ, рѣшился возстать противу несправедливостей архіерейскаго дома. Изъ этого противостанія произошло раздѣленіе членовъ Консисторіи: одни, подвергшись вліянію власти архіерейской, были на сторонѣ архіерея, другіе приняли сторону Мамина. Секретарь Маминъ самовластно былъ удаленъ отъ должности и со всѣми державшими его сторону. Дѣла были приведены въ ужасный хаосъ. Въ это-то время преосвященный Іоанникій убѣдилъ меня принять званіе члена Консисторіи. Я трудился одинъ за всѣхъ тѣхъ, которымъ должно было трудиться, трудился неусыпно. Пользуясь крайнимъ моимъ разумѣніемъ, привелъ я дѣла въ возможный порядокъ съ чиновниками канцеляріи, которые, поступивъ на мѣсто опытныхъ, своею неопытностію труды мои иногда дѣлали невыносимыми. Къ моему несчастію, померъ ключарь, протоіерей Лепоринскій; къ исполненію обязанностей его я былъ снова призванъ съ тѣмъ пожертвованіемъ, котораго отъ меня требовали: я долженъ былъ отказаться отъ службы по Семинаріи и отъ всѣхъ ея выгодъ. Ябеда, что мы съ покойникомъ-тестемъ, заслуженнѣйшимъ протоіереемъ, засѣдая въ Консисторіи, имѣли будто бы вредное вліяніе на дѣла частныхъ просителей, была основаніемъ предложенія преосвященному Іоанникію, чтобы онъ того изъ насъ, коего находилъ полезнѣе для службы, оставилъ членомъ, а другого удалилъ отъ присутствованія. Я за мою дѣятельность, не смотря на опытность старца, предпочтенъ былъ старцу и все продолжалъ служить одинъ за всѣхъ“.

„Мой тесть, отецъ и покровитель меня и моего семейства, удрученный оскорбленіями тяжкими по службѣ, померъ; и я изъ ключаря низведенъ былъ на степень каѳедральнаго протоіерея. Это выраженіе, графъ, удивляетъ, можетъ быть, потому что вы не знаете самовластія Іоанникія, по которому онъ уважаетъ только облеченныхъ его довѣренностію, по которому онъ уничтожаетъ всякое значеніе подвластныхъ ему властей, по которому онъ на всѣхъ имѣетъ взглядъ какой-то царственный, смотритъ на бѣлое духовенство, какъ на рабовъ, презираетъ его болѣе, нежели рабовъ; отрекшись отъ міра, не щадитъ міра, владѣетъ міромъ деспотически. Давши обѣтъ смиренія предъ Богомъ, унижаетъ другихъ до послѣдней степени. Безпорядки, связанные съ особою его преосвященства Іоанникія, начали развиваться: за отрѣшеніемъ отъ должности добросовѣстнаго расходчика, за увольненіемъ сторожей честныхъ, приказнослужителей, знающихъ свою обязанность, вы-

крадены были суммы изъ кладовой Консисторіи; это первое воровство. Я сдѣлалъ постановленіе, съ согласія другихъ присутствующихъ, чтобы всѣ суммы для храненія отсылаемы были въ казначейство; объ этомъ было представлено Св. Синоду, но Іоанникій по какимъ-то видамъ попечительскія суммы допустилъ перенести для храненія въ соборъ. Я, опасаясь за безопасность перенесенныхъ суммъ, сдѣлалъ докладъ его преосвященству съ перенесеніемъ тѣхъ ругательствъ, къ которымъ онъ такъ обыченъ, о дурномъ поведеніи сторожа Фалезова, но на этомъ докладѣ, къ моему удивленію, послѣдовала резолюція таковая: если Фалезовъ не можетъ быть сторожемъ, то опредѣлить его звонаремъ. Послѣ сего суммы, перенесенныя въ соборъ, были украдены; это второе воровство. Его любимецъ, покойный Лелявскій, оставленный имъ противу указа Св. Синода, привезъ мнѣ въ мое отсутствіе чугунныя плиты, снятыя съ крылецъ собора и найденныя въ архіерейской конюшнѣ, какъ онъ послѣ мнѣ объяснилъ; это третье воровство. По настоянію преосвященнаго Іоанникія, сдѣлано было распоряженіе объ образованіи особеннаго счетнаго стола и назначеніи, сверхъ расходчика, казначея, Спасскаго протоіерея Несмѣлова; у этихъ двухъ нянекъ дитя осталось безъ глаза: оказалось недочета 4700 рубл.; это четвертое воровство. Я настоялъ, чтобы суммы соборныя хранились въ казначействѣ. Ключарь, нисколько не уважая меня и получая приказанія непосредственно отъ преосвященнаго, хранилъ суммы въ соборѣ, и эти деньги были похищены; это пятое воровство. Преосвященный Іоанникій, желая совершенно уничтожить меня и управлять соборомъ чрезъ ключаря непосредственно, приказалъ мнѣ устроенныя чугунныя печи съ трубами отмѣнить и устроить другія къ измѣненію плана на соборъ, высочайше утвержденнаго, и отъ такого благоустройства въ день восшествія Государя Императора на престолъ многихъ изъ собора выносили замертво отъ угара. Соборъ совершенно оставленъ всѣми и по вышеписанному, и по тому, что назначенный катихизаторъ въ своихъ поученіяхъ часто дозволяетъ себѣ оскорбительныя выходки; оставленъ потому, что племянникъ Іоанникія, Образцовъ, опредѣленный священникомъ къ собору, нерѣдко служитъ литургію пьяный; оставленъ потому, что преосвященный Іоанникій по какимъ-то своимъ видамъ рѣдко служитъ въ соборѣ; оставленъ потому, что въ немъ нѣтъ главнаго украшенія, нѣтъ преосвященнаго, который паству свою чему бы нибудь училъ; оставленъ потому, что я совершенно имъ уничтоженъ. Почтеннѣйшій графъ! Есть ли тѣло безъ головы? Бѣлое духовенство, хотя худую и слабую, но должно имѣть голову. Есть ли справедливость тамъ, гдѣ уважаются не заслуги, не порода, а форма одежды, гдѣ мантія изъ раба дѣлаетъ господина, гдѣ ряса и съ достоинствами человѣка низводитъ на степень раба? Ректоръ Никодимъ былъ рѣзанъ послушниками его воли, приготовленными къ монашеству, людьми безнравственными, людьми, которые приводили къ нему женщинъ въ мужской одеждѣ *). Объ

*) Вотъ какъ записано это происшествіе въ синодальномъ протоколѣ 1840 г. 23-го Декабря: „7-го Декабря 1840 г., въ три четверти 7-го часа пополудни, вбѣжалъ въ комнаты экономa Семинаріи, профессора Ипполита Подбѣльскаго, ректоръ семинаріи, архи-

этомъ я, уважая подчиненность, доводилъ до свѣдѣнія преосвященнаго Іоанникія. Подвижнику Никодиму Іоанникій исходатайствовалъ Анну 2-й степени и достоинство, присвоенное архимандриту второкласснаго монастыря. Теперь, графъ, взгляните на управленіе Оренбургской Семинаріи монахами. Тутъ вы увидите чистое іезуитство, увидите искаженіе правильной методы; увидите, что они не руководствуютъ къ той цѣли, къ которой дѣти предназначены".

Говоря затѣмъ о другихъ весьма некрасивыхъ поступкахъ преосвященнаго, о. протоіерей заключаетъ свое письмо, что онъ новообращенныхъ старообрядцевъ „ожесточилъ до того, что они совершенно оставили церковь; противъ высочайшей воли, ихъ духовенство подчинилъ Уральскому единовѣрческому благочинному Корчагину, по своимъ частнымъ видамъ. Разъѣздами своими по епархіи преосвященный Іоанникій заслужилъ невыгодное имя даже между иновѣрцами, Татарами и другими, возстановилъ противъ себя

мандритъ Никодимъ, весь въ крови, сильно раненый въ горло ножомъ и еще внятнымъ, но слабымъ голосомъ проговорилъ ему, экономy, слѣдующія слова: „меня зарѣзали, меня зарѣзалъ Елпидифорка" (жившій у ректора дворовый человѣкъ г-жи Степановой). Это случилось во время отправляемаго въ семинарской залѣ всенощнаго бдѣнія, когда всѣ ученики Семинаріи, а въ числѣ ихъ живущій у ректора ученикъ, его племянникъ, находились у богослуженія. Когда экономомъ немедленно было оглашено сіе происшествіе въ семинарскомъ корпусѣ, то тотъ же ректоръ, подтвердивъ прежде сказанное экономy, присовокупилъ, что въ преступленіи съ Елпидифоркою участвовалъ Уфимскій мѣщанинъ Аполлонъ Алексѣевъ (прежде тоже у него, ректора, жившій). О каковомъ несчастномъ случаѣ немедленно дано было знать градской полиціи, а для оказанія медицинской помощи приглашенъ былъ врачъ. Виновники вышеозначеннаго преступленія успѣли между тѣмъ скрыться; но мѣрами семинарскаго правленія одинъ изъ нихъ, именно Елпидифорка, былъ пойманъ, и въ присутствіи какъ семинарскихъ чиновниковъ, такъ и прибывшихъ въ Семинарію гг. гражданскаго губернатора и полицмейстера, представленъ былъ ректору, который и обозналъ въ немъ, Елпидифоркѣ, виновника своей раны, полученной отъ него въ горло. Онъ, Елпидифорка, обознанный самимъ ректоромъ и, сверхъ того, уличенный въ учиненіи преступленія кровавыми знаками на рукахъ и полушубкѣ, по приказанію самого гражданскаго губернатора, чрезъ полицейскихъ служителей, отправленъ въ полицію". Къ этому семинарское правленіе въ журналѣ своемъ, состоявшемся по сему случаю на другой день, т. е. 8-го Декабря, присовокупило слѣдующее: „1) въ продолженіи почи съ 7-го на 8-е число ректоръ, въ поясненіе дѣла, объявилъ находившимся при немъ безотлучно ученикамъ, что вышеупомянутые покусители на его жизнь, пришедши къ нему, сначала просили у него взаймы денегъ, но внезапно покушались накинуть на шею его веревочную петлю, которая, впрочемъ оказалась мала; затѣмъ начали давить его кушакомъ, и одинъ изъ нихъ, схвативъ лежавшій на столѣ перочинный ножъ, симъ послѣднимъ наносилъ ему удары въ горло, а другой, именно Аполлонъ Алексѣевъ, схватилъ ректора за языкъ, силясь вытянуть оный; но ректоръ, стиснувъ его руку въ зубахъ, весьма сильно укусилъ ему палецъ. Послѣ сего ректоръ, обезпамятѣвъ, упалъ въ крови на полъ. Злодѣи, почитая его [мертвымъ, кинулись одинъ за огнемъ (поелику свѣча въ обоюдной борьбѣ была загашена), а другой къ комоду, гдѣ хранились деньги. Ректоръ, въ это время опамятовавшись нѣсколько и пользуясь темнотою, собравъ силы, вышелъ изъ комнаты въ другія двери, на коридоръ, и вбѣжалъ въ комнаты экономa, какъ выше упомянуто" (см. въ арх. Св. Синода протоколъ 23-го Декабря. 1840 года).

всѣ причты, довелъ себя до такого униженія, что нѣкоторые изъ священниковъ называли его въ глаза и грабителемъ, и человѣкомъ безнравственнымъ и о подобныхъ оскорбленіяхъ лицу своему доселѣ молчитъ. Подобныя оскорбленія или сцены самыя грубыя происходили у него и со священникомъ Алфеевымъ, нынѣ умершимъ священникомъ Евлампіевымъ и другими. Къ сокрытію всѣхъ этихъ сценъ преосвященный Іоанникій имѣлъ свои причины. Жена пьянаго его племянника, любимая Іоанникіемъ, дозволяетъ себѣ вмѣшиваться въ управленіе епархіею: она, лишенная всякаго образованія, на площадяхъ разсказываетъ, кто ея дядею назначенъ къ повышенію или пониженію. Левковскій, священникъ села Березовки, родственникъ Іоанникію, женатый по избранію Іоанникія на дочери богатаго священника, чувствуя себя отравленнымъ, писалъ къ родному племяннику Іоанникія, Василію Образцову, не одно письмо, съ присовокупленіемъ ходатайства о различныхъ лицахъ у преосвященнаго Іоанникія, о доставленіи ему помощи противъ отравы. Преосвященный Іоанникій своему племяннику объ этихъ письмахъ велѣлъ умолчать по своимъ же видамъ. Преосвященный Іоанникій ссоритъ членовъ Консисторіи для ихъ обезсиленія; входитъ въ дружескія и довѣренныя совѣщенія съ приказнослужителями, каковою его фамильярностью приказнослужители доведены до дерзскаго неповиновенія. Имъ все низведено на степень какой-то вульгарности; пѣніе дурно, соборная ризница истощена, сослужащіе съ нимъ по засаленнымъ облаченіямъ похожи болѣе на блинниковъ, чѣмъ на священниковъ; Іоанникій сумму на заведеніе соборной ризницы и на поправку старой удерживаетъ у себя или въ своемъ архіерейскомъ домѣ. У насъ все продажно: мы продаемъ антиминсы по 15 рублей, что съ понятіями о производствѣ на высшія духовныя степени производитъ совершенный соблазнъ въ народѣ. Мы со всѣми ссоримся, преосвященный Іоанникій это дѣлаетъ по охотѣ, а прочіе поневолѣ, поелику и питемся нижайшими послушниками его преосвященства и рекомендуемся способными къ послушанію, въ тонѣ монашескаго безусловнаго повиновенія высшимъ. И такъ, графъ, чѣмъ мы виноваты, что грѣшимъ своимъ повиновеніемъ облеченному властію, почти неприкосновенною, грѣшащему такъ, что въ этомъ подвигѣ съ нимъ никто и сравниться не можетъ“ *).

Доносъ протоіерея Субботина однако Св. Синодомъ признанъ голословнымъ, ибо въ доносѣ его помѣщены многія изъ такихъ обстоятельствъ, которыя относятся къ давнему времени, были въ виду Синода и обсуждены окончательно, и которыхъ посему повторять не было никакой надобности. Посему Св. Синодъ и постановилъ перевести протоіерея Субботина въ Вятскую епархію на священническое мѣсто по усмотрѣнію преосвященнаго.

Преосвященный Іоанникій, оказавшійся неспособнымъ и вреднымъ на Оренбургской каѳедрѣ, былъ наказанъ перемѣщеніемъ изъ Уфы въ Ставрополь.

---

*) Сборникъ Имп. Истор. Общ. II, 412.

30-го Октября 1857 года онъ былъ уволенъ на покой въ Нѣжинскій Благовѣщенскій монастырь, гдѣ и прожилъ до самой смерти. Въ послѣдніе годы онъ плохо видѣлъ и почти не выходилъ изъ келіи, скончался на 87 году жизни, 18-го Апрѣля 1880 г. Тѣло усопшаго положено въ Срѣтенскомъ придѣлѣ соборнаго храма рядомъ съ могилою Греческаго епископа Михаила, почивающаго нетлѣннымъ съ 1721 года.

Въ изслѣдованіи г. Чернавскаго любопытна исторія основанія Златоустовскаго единовѣрческаго монастыря въ 1849 году. „Основателемъ монастыря явился игуменъ Іоаннъ, бывшій раскольническій начетчикъ, по происхожденію крестьянинъ с. Ярославки, Уфим. губ., въ мірѣ Василій Ѳеодоровичъ Гордѣевъ (род. въ Апр. 1801 г.). По семейному преданію, родитель его Ѳеодоръ Ильичъ Гордѣевъ былъ православный, но вѣроятно изъ среды старообрядцевъ (въ точномъ смыслѣ слова), не отлучавшихся, при держаніи старыхъ обрядовъ, отъ церкви. 14 лѣтъ Василія женили на дѣвицѣ Акулинѣ Евфимовнѣ Верзаковой (род. въ 1797—98 г.), раскольницѣ бѣглопоповскаго упованія, родомъ изъ села Суксунъ, Перм. губ., расположеннаго въ 4 вер. отъ соименнаго завода; но свадьба была, кажется, въ селѣ Ярославкѣ.

Любопытно, какъ Василій Гордѣевъ обучился грамотности. Однажды, когда онъ былъ уже женатъ, пришлось ему возвращаться съ пашни, ѣдучи верхомъ на лошади, съ которой онъ дорогой упалъ и сломалъ себѣ ногу. Для лѣченія его перевезли въ село Тастубу, гдѣ жила его теща съ братомъ; оба они были грамотные. Василію Гордѣеву захотѣлось тоже поучиться, быть можетъ, сначала просто для развлеченія себя, и онъ, лежа въ постели, сталъ учиться чтенію. Отецъ его, Ѳеодоръ Ильичъ Гордѣевъ, бывшій однимъ изъ основателей села Ярославки, противился тому. Но видно наука понравилась Василію Ѳеодоровичу, такъ что онъ прибѣгъ къ хитрости. Выздоровѣвши, онъ принялъ на себя видъ сумасшедшаго и остался у тещи, скрываясь для занятій подъ поломъ; здѣсь онъ учился по складамъ Славянскому чтенію, а выходя бѣгалъ по избѣ и ловилъ мухъ. И только, когда изъ подполья вышелъ грамотнымъ, онъ сбросилъ съ себя маску. Супруга же его была и осталась безграмотною.

Вскорѣ послѣ того ему предстояло отбывать воинскую повинность, но отецъ его нанялъ вмѣсто него наемщика, что было возможно прежде. Избавившись отъ военной службы, Василій Ѳедоровичъ отправился въ гор. Верхотурье, Пермской губерніи, на поклоненіе мощамъ св. праведнаго Симеона, Верхотурскаго Чудотворца, какой благочестивый обычай доселѣ въ широкомъ распространеніи у жителей всего Пріуралья, включая и Челябинскій край. На обратномъ пути ему встрѣтился одинъ юродивый, который, припрыгивая около него, кричалъ ему вслѣдъ: „Эхъ, Васька, Васька! продалъ ты царствіе небесное“. Это такъ сильно подѣйствовало на него, что онъ, придя домой, сталъ задумываться надъ значеніемъ словъ юродиваго. Ему казалось, что слова послѣдняго относились къ тому, что онъ уклонился отъ воинской повинности, замѣнившись наемщикомъ, а не самъ поступилъ на

военную службу. Для успокоенія онъ обратился къ чтенію, заинтересовавшись раскольническими „цвѣтниками, что и привело его къ окончательному переходу въ расколъ бѣглопоповства, въ которомъ онъ, по преданію, блуждалъ около десять лѣтъ.

Продолжая читать священныя книги и особенно увлекаясь житіями святыхъ, Василій Ѳедоровичъ пришелъ далѣе къ мысли взять на себя подвигъ подражанія тѣмъ угодникамъ, которые „при временной жизни, любви ради Божіей оставляли супружеское сожитіе и вели жизнь уединенную, иноческую". Къ этому же онъ склонилъ свою супругу, и они по взаимному соглашенію рѣшили оставить мірскую и супружескую связь для подвиговъ иночества. Въ этихъ мысляхъ они, взявъ съ собою сына Николая и дочь Мавру, отправились въ Иргизъ, Саратовской губерніи, въ знаменитые раскольническіе монастыри. Здѣсь Василій Ѳеодоровичъ принялъ постригъ съ именемъ Власія, а жена его Акилина съ именемъ Александры. Но на Иргизѣ они пробыли недолго и въ концѣ 1833 года снова воротились на родину, гдѣ основали въ 1834 году два по близости другъ ко другу раскольническихъ скита, мужской и женскій, на пріобрѣтенной землѣ въ Дуванейской волости по рѣкѣ Юрезенѣ.

Между тѣмъ, дальнѣйшее чтеніе книгъ вселило въ инокѣ Власіи убѣжденіе, что подвижники Христовы не удалялись отъ церкви Христовой и что истинная церковь съ священствомъ и таинствами будетъ существовать вѣчно, а это привело его къ убѣжденію въ истинности православія. Въ 1838 г. Власій прибылъ въ Екатеринбургъ къ преосвященному Евлампію Екатеринбургскому, первому викарію Пермской епархіи (1834—1840 г.), пользовавшемуся широкой извѣстностью за предѣлами своей епархіи, заявивъ ему о своемъ желаніи присоединиться къ православной церкви на правахъ единовѣрія, что и было надъ нимъ совершено тогда же. Онъ возвратился на родину и поселился недалеко отъ общины своей жены; ее онъ также постарался привести къ единовѣрію вмѣстѣ съ ея сожительницами.

Затѣмъ, инокъ Власій явился въ Уфу и предложилъ здѣсь учредить въ епархіи единовѣрческій монастырь. Мысль его, впрочемъ, не встрѣтила большого сочувствія у епархіальнаго начальства въ виду казавшейся неосуществимости ея. Въ тоже время обо всемъ этомъ отъ лица преосвященнаго Іоанникія донесено было въ Св. Сунодъ, откуда указомъ 30 Ноября 1838 года предложено чрезъ благонадежное лицо кроткимъ убѣжденіемъ пъяснить иноку Власію и его супругѣ неправильность ихъ положенія отъ близкой совмѣстной жизни, и затѣмъ вновь донести о томъ; какимъ образомъ привести сіе дѣло въ законный порядокъ съ истинной пользою желающимъ спасенія душъ?

На новое донесеніе преосвященнаго Іоанникія указомъ Св. Сунода 17 Мая 1840 года предписано было, подтвердивъ постриженіе инока Гордѣева и жены его благословеніемъ архіерейскимъ, причислить ихъ къ существующимъ единовѣрческимъ монастырямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дозволить Гордѣеву быть въ устроенномъ имъ скитѣ, подъ надзоромъ епархіальнаго начальства,

допустивъ сіе въ видѣ временной мѣры и предоставивъ ему отыскивать способы къ устроенію тамъ единовѣрческаго монастыря. Относительно же женскаго скита повелѣно было, чтобы ему при семъ мужскомъ скитѣ не быть, поелику сіе противно церковнымъ правиламъ. Еще раньше, въ Апрѣлѣ 1840 г., Оренбургская Палата Госуд. Имуществъ дала разрѣшеніе на увольненіе Василія и сына его Николая Гордѣевыхъ изъ податного состоянія для поступленія „въ единовѣрческое монашество“, согласно чему Консисторія въ указѣ 20 Іюня того года объявила имъ о принадлежности къ духовному званію, съ правомъ временнаго проживанія въ единовѣрческомъ скитѣ близъ р. Юрезени. При подтвержденіи пострига Василій Гордѣевъ принялъ имя Іоанна. Затѣмъ, продолжая хлопоты объ устройствѣ единовѣрческаго монастыря, онъ даже ѣздилъ въ 1840 г. съ сыномъ Николаемъ въ Петербургъ, лично подавалъ прошеніе на высочайшее имя, написанное собственноручно полууставомъ, какъ онъ всегда писалъ. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ: изъ Кусинскихъ казенныхъ дачъ велѣно было отвести 110 десятинъ земли для устройства монастыря, въ 42 верст. отъ Кусинскаго завода и въ 7 верст. отъ дер. Айлиной (теперь село на большомъ трактѣ изъ Златоуста въ Уфу). Въ 1849 г. 26 Февраля послѣдовало и высочайшее соизволеніе на устройство здѣсь монастыря, съ перенесеніемъ скита съ рѣки Юрезени. Іоаннъ былъ опредѣленъ игуменомъ сего монастыря, съ посвященіемъ въ санъ іеромонаха. Когда монастырь былъ основанъ, игуменъ Іоаннъ отправился по роднымъ городамъ для сбора пожертвованій, а его сынъ Николай остался вмѣсто него строителемъ. Самъ онъ и братія рубили лѣсъ, строили келіи и церковь; тѣ и другія устроены были на горѣ въ густомъ сосновомъ лѣсу. Келія настоятеля состояла изъ прихожей и гостиной (5×5 арш.); впослѣдствіи большая часть первоначальныхъ построекъ и самая церковь сгорѣли...

Въ 1864 году игуменъ Іоаннъ отправился въ Сибирь, проѣздомъ посѣтивъ своего сына Николая, священствовавшаго въ то время въ Сладкокарасинскомъ селѣ. Мыслью его было основать новый единовѣрческій миссіонерскій монастырь, съ каковою цѣлью онъ исхлопоталъ отъ правительства за Байкаломъ отводъ земли въ количествѣ 49 квадр. верстъ. Въ Сибири онъ оставилъ вмѣсто себя для сбора пожертвованій іеромонаха Михаила и послушника Іосифа, которые и водворились тамъ, а самъ чрезъ годъ вернулся снова въ Воскресенскій монастырь, намѣреваясь взять съ собою половину братіи монастыря и вмѣстѣ съ ними отправиться въ Сибирь. Но въ 1866 г. 21 Іюня, послѣ восьмидневной болѣзни, напутствованный и пособорованный, игуменъ Іоаннъ въ Бозѣ почилъ, будучи похороненъ близъ алтаря. Слухи ходили, что смерти его поспособствовалъ кто-то изъ монашествующихъ, не хотѣвшихъ слѣдовать за нимъ въ Сибирь.

Игуменъ Іоаннъ былъ человѣкомъ твердаго характера и воспитанъ съ дѣтства въ строгихъ христіанскихъ привычкахъ. Онъ отъ роду не пилъ ни чаю, ни вина, и строгость въ этомъ отношеніи переносилъ и на своихъ под-

чиненныхъ монаховъ. Слѣдующіе разсказы его внука, о. Алексѣя Гордѣева, также весьма выпукло рисуютъ эту замѣчательную личность.

Въ Августѣ 1854 г. Іоаннъ пріѣхалъ крестить своего внука (о. Александра, тогда младенца) въ с. Сикіазъ, Уфимской губ., и заявилъ своему сыну, свящ. Николаю Гордѣеву, что желаетъ назавтра служить литургію. Положивши начало предъ вечерней, онъ сказалъ моему отцу: „Я буду служить, а ты становись на поклоны“. Тотъ безпрекословно повиновался и, пока служилась продолжительная вечерня, клалъ поклоны въ виду своихъ прихожанъ. Только по окончаніи вечерни онъ осмѣлился спросить: „За что, батюшка?“— „Не води дружбы со становымъ“, былъ отвѣтъ дѣдушки. Становой же Николай Андреевичъ Пыхтѣевъ, приглашенный въ воспріемники, на утро всю продолжительную монастырскую службу принужденъ былъ выстоять. Возвращаясь изъ поѣздки въ Петербургъ домой чрезъ Москву, игуменъ Іоаннъ предъ освященіемъ храма въ монастырѣ былъ у приснопамятнаго митрополита Филарета. Тотъ принялъ его и хотѣлъ угостить чаемъ; когда же дѣдъ отказался, сказавъ, что чаю онъ отъ роду не пивалъ, владыка вылилъ чай, а стаканъ отдалъ дѣду пить изъ него медъ. Въ заключеніе бесѣды митрополитъ сказалъ: „Отецъ Іоаннъ, къ знаменательному дню я приплю тебѣ знаменательный подарокъ“. И на самомъ дѣлѣ предъ освященіемъ игуменомъ Іоанномъ монастырской церкви было получено строителемъ и казначеемъ монастыря съ почты въ Златоустѣ напрестольное Евангеліе, посланное митрополитомъ Филаретомъ и уцѣлѣвшее доселѣ.

*

Не менѣе любопытный эпизодъ приведенъ г. Чернавскимъ изъ времени кратковременнаго святительства епископа Антонія Радонежскаго, только 9 мѣсяцевъ бывшаго на Оренбургской каѳедрѣ*). „Преосвященный Антоній привезъ съ собой въ городъ Уфу параличную старицу Агриппину, съ которой онъ близко былъ знакомъ еще въ Казани, въ бытность іеромонахомъ, профессоромъ Духовной Академіи (1844—1851 г.), когда онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ обществомъ людей моднаго тогда мистико-сектантскаго направленія. Среди такихъ лицъ „болящая Агриппина“, проживавшая въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, по словамъ проф. П. В. Знаменскаго, пользовалась мистическимъ обожаніемъ наподобіе того, какое воздается хлыстовскимъ богородицамъ. Преосвященный Антоній также исполненъ былъ къ ней особеннаго благоговѣнія и, уѣзжая изъ Казани, взялъ ее съ собой. Въ Уфѣ болящая Агриппина поселилась въ Уфимскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ и, пользуясь расположеніемъ владыки, стала вмѣшиваться въ монастырскія дѣла, открывъ въ немъ разныя нестроенія, въ родѣ того, что якобы игумена Филарета изъ монастыря выдала замужъ свою племянницу, при этомъ женихъ свободно ходилъ къ невѣстѣ въ монастырь, гдѣ далеко за

*) Съ 15 Іюня 1858 г. по 21 Марта 1859 г.

полночь происходили по случаю свадьбы пиршества съ музыкою, и иногда даже женихъ оставался ночевать въ монастырѣ; далѣе, что братъ игумена жилъ близъ монастыря и пользовался многимъ... Преосвященный Антоній отстранилъ отъ должности игумену Филарету и казначею, донеся объ этомъ въ Св. Синодъ. Тогда 50 монахинь, недовольныя тѣмъ, что преосвящ. Антоній посылалъ къ нимъ священника допросить ихъ подъ присягой (тогда какъ онѣ должны давать показанія по монашеской совѣсти) и вынуждалъ къ обвиненію игумена, подали на владыку жалобу въ Синодъ, а игумена въ свою очередь жаловалась митрополиту Филарету; Антоній тоже писалъ ему въ оправданіе своихъ распоряженій. Синодъ для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ назначилъ въ Ноябрѣ 1858 года ревизію изъ ректора Тульской Семинаріи, архимандрита Никандра (Покровскаго, впослѣдствіи архіепископа Тульскаго) и старшаго помощника секретаря Св. Синода А. Д. Кавелина, написавшаго по разслѣдованіи письмо оберъ-прокурору, графу А. П. Толстому. 16 Февр. 1859 года, митрополитъ Филаретъ, которому графъ представилъ списокъ съ означеннаго письма Кавелина, отвѣчалъ, между прочимъ, по этому поводу: „Еще прежде печальнымъ образомъ удивило меня то, что преосвященный Оренбургскій въ важное церковное дѣло вмѣшалъ свою личность, жалуясь, что комиссія отнимаетъ у него благоуханіе и свѣжесть его святительства (рапортъ 9 Января), случай же къ сей жалобѣ взявъ отъ встрѣчи комиссіи съ эсауломъ (Акутинымъ) въ гостиной. Но какая нужда была призвать комиссію въ гостиную вмѣстѣ съ эсауломъ? И архимандритъ и г. Кавелинъ, вѣрно, не говорили въ гостиной, что они—комиссія. Продолженіе такихъ же странностей открывается изъ письма г. Кавелина. Если не ошибаюсь, преосвященному Оренбургскому данъ изъ Петербурга важный совѣтъ... Когда есть отъ высшаго начальства комиссія, разсматривающая дѣла монастыря, тогда благоразуміе, справедливость и приличіе требовали того, чтобы преосвященный ожидалъ, что̀ сдѣлаетъ комиссія, а не того, чтобы онъ вновь началъ тринадцать дѣлъ. Въ монастырѣ, имѣющемъ 150 сестеръ, какъ не нашелъ преосвященный монахини для должности начальницы, а назначилъ рясофорную послушницу? Если она и подлинно способна: болѣе въ порядкѣ было бы назначить монахиню, временно управляющую, а ту представить Св. Синоду къ постриженію, и такимъ образомъ приготовить къ начальствованію. Св. Синодъ довольно смотрѣлъ на дѣйствія преосвященнаго Оренбургскаго свѣтлымъ взоромъ благоволенія: не время ли посмотрѣть свѣтлымъ окомъ осторожности? Говорю сіе не противъ преосвященнаго, но противъ соблазна и вреда. Сколько виновна игумена, то можетъ знать комиссія. При проѣздахъ ея черезъ Москву можно было примѣчать, что ея странствованія въ Петербургъ, полезныя для монастыря, были не безъ ущерба для ея монашеской простоты и смиренія. Конечно было бы менѣе соблазна и трудностей для нея самой, если бы она терпѣливо подчинилась рѣшенію преосвященнаго объ удаленіи ея отъ настоятельства, и къ тому же побудила приверженныхъ къ ней сестеръ и не допустила протеста, имѣющаго видъ непослушности. Но благовременно ли было удалить ее, когда о ней продолжаются дѣла, и слѣд-

ственно могутъ быть нужны ея отвѣты? Слѣдовало бы пожалѣть о испытаніи преосвященнаго комиссіею, но какое превращеніе положеній, когда надобно пожалѣть о невинной комиссіи, переносящей, вѣроятно, отъ преосвященнаго „испытаніе, съ болѣзнію сердца“? Все здѣсь сказанное написалъ я неохотно, но думаю, что небезполезно, чтобы сіе воззрѣніе представилось вашему разсмотрѣнію“.

Указомъ Св. Синода еще отъ 14 Января 1859 г., игуменія Филарета была опредѣлена для проживанія въ одинъ изъ Новгородскихъ монастырей, какъ равно удалена и Агриппина...

Г. Чернавскій готовитъ къ печати и третій томъ своего изслѣдованія; содержаніе этого тома составятъ епископы Оренбургскіе и Уральскіе съ 1859 года. Надѣемся, что и окончаніе его почтеннаго труда будетъ также любопытно, тѣмъ болѣе, что въ немъ должна помѣститься обстоятельная біографія епископа Антонія Радонежскаго, уволеннаго, какъ выше сказано, въ 1866 г. на покой въ Тамбовскій Трегуляевъ монастырь, переведеннаго потомъ въ Синаксарскую Темниковскую пустынь и скончавшагося уже въ Смоленскомъ архіерейскомъ домѣ въ 1872 г., куда онъ былъ такъ же переведенъ въ 1870 г.

А. Титовъ.

Ростовъ Великій Февраля 21-го 1904.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ЕПИСКОПА ВЛАДИМИРА О СѢВЕРНОМЪ КАВКАЗѢ.

1886.

Послѣ красныхъ и теплыхъ дней, съ 10 Октября наступила дождливая и холодная погода. Изъ Михайловскаго монастыря дорога шла крутыми спусками къ Закубанской степи. Можно бы экипажу безъ лошадей катиться внизъ, а благодаря дождю и неискусству возницы, вмѣсто бодрыхъ коней въ одномъ мѣстѣ на выручку надо было призвать сперва пару, потомъ двѣ пары смиренныхъ воловъ... Не вхожу въ сказаніе о посѣщеніи всѣхъ церквей до Екатеринодара. Скажу только о нѣкоторыхъ встрѣчахъ и случаяхъ по дорогѣ. Въ станицѣ Ханской три храмины молитвенныхъ 1) церковь православная, просторная, священникъ о вѣрѣ православной ревнующій, его усердію здѣшнее единовѣріе своимъ началомъ обязано, 2) миніатюрный молитвенный домъ (съ малѣйшимъ алтаремъ), изъ одной деревенской компаты состоящій; въ немъ совершаютъ священнослуженіе священникъ и діаконъ, обратившіеся изъ раскола, рукоположенные преосв. Германомъ, 3) весьма просторное, среди большого двора поставленное зданіе съ фасадомъ церкви православной, трибуной, куполомъ, главой, крестами, съ колоколами, внутри форменнымъ иконостасомъ, престоломъ и проч. Это—церковь Австрійскаго лжесвященства.

Посѣтивъ и обозрѣвъ православную церковь (въ которой среди народа православнаго были и слушали глаголемые старовѣры Австрійскаго толка и др.), преподавъ поученіе православнымъ о мирѣ, любви, неосужденіи иномыслящихъ, вразумленіи ихъ примѣромъ своей жизни и молитвой за нихъ, я посѣтилъ малый единовѣрческій храмъ. Не успѣлъ изъ него выйти, слышу усердное приглашеніе Австрійскихъ посѣтить ихъ храмъ; счелъ за полезнѣйшее не отказать имъ въ ихъ просьбѣ, но сперва съ молитвой, окропленіемъ св. водой и крестопоставленіемъ благословилъ мѣста для будущей церкви единовѣрческой, предположенной малымъ стадомъ здѣшнихъ новообращенцевъ. Въ *Австрійской* (нѣкогда мнимые старовѣры боялись въ Никонѣ Латинства, а попали въ Австрійство и еще хвалятся имъ!) церкви былъ встрѣченъ

колокольнымъ звономъ, съ хлѣбомъ-солью, пѣніемъ «достойно есть» на клиросѣ (тутъ же, говорятъ, за пѣвцами, стоялъ и іерей ихній, крестьянинъ Ив. Вас. Зуевъ, безъ облаченія, но въ епитрахили и поручахъ). Дождавшись конца долгаго пѣнія ихъ (стоя на солеѣ на орлецѣ, изъ моей ризницы какимъ-то образомъ тутъ явившемся), я обратился къ толпившимся тутъ во множествѣ здѣшнимъ (и, конечно, нашимъ тутъ же) съ простымъ словомъ мира... Сказано было, чего сердце желало и что̀ Господь далъ. Въ концѣ слова, слезы и рыданіе, въ особенности одной какой-то личности. О, если бы эти слезы, это рыданіе, оросивъ иссохшую ниву сердецъ раскольничьихъ, оплодотворили ее! Во время недолгаго отдыха въ домѣ священника, явились ко мнѣ два раскольника по формѣ, но по духу уже православные изъ станицы Гіачинской, К. и Г. Послѣ немалой, отрадной бесѣды съ ними, при отъѣздѣ благословилъ ихъ и состаничниковъ ихъ, уже присоединившихся къ единовѣрію.

Кончу ли, если буду такъ многорѣчивъ?... Въ одной изъ посѣщенныхъ церквей былъ подведенъ ко мнѣ священникомъ человѣкъ, пребывавшій въ сектѣ іудействующихъ и желающій искренно быть православнымъ христіаниномъ; высказанное имъ нетерпѣливое желаніе скорѣе креститься умѣрено было совѣтомъ основательнѣе подготовиться изученіемъ истинъ св. вѣры и благочестія. Въ ст. Бѣлорѣчинской, въ домѣ священника однимъ изъ здѣшнихъ казачьихъ чиновниковъ мнѣ былъ представленъ ктиторъ здѣшней Поморской часовни, урядникъ Григорій Александр. Ивановъ. Съ нимъ была долгая рѣчь, внимательно и кротко имъ слушанная. Бесѣда кончилась, съ его стороны, приглашеніемъ посѣтить ихъ молельню. Къ сожалѣнію время было позднее, ночлегъ былъ не близко, а на пути еще церковь. Дано обѣщаніе, если Богъ дастъ, въ другое время побывать. Эта церковь—въ новомъ сельцѣ Русскомъ Филипповскомъ, а ночлегъ въ аулѣ Бжедуховскомъ. Православные (Греки), жители послѣдняго, прихожане церкви Филипповской. Изъ сельца Филипповскаго выѣхали уже ночью.

На пути къ аулу Бжедуховскому въ ночномъ мракѣ около дороги виднѣлись какіе-то предметы, сперва неразличимые. Оказались зданія жилыя, а между ними и дорогой какихъ-то людей толпа порядочная. Жилье—это аулецъ горскій (на р. Бѣлой, по которой дорога почти отъ Михайловскаго монастыря), а толпа въ ночномъ мракѣ — горцы этого аула, но отнюдь не съ немирною цѣлью; среди ихъ «ефенди», предъ ними столикъ, покрытый бѣлою скатертью, на столикѣ хлѣбъ и соль. Это они дѣлаютъ привѣтъ проѣзжающему Русскому архіерею. Конечно, мы должны были остановиться. Я вышелъ изъ экипажа, взялъ и поднялъ хлѣбъ, поцѣловалъ (какъ и вездѣ), кусочекъ отломилъ, посолилъ и скушалъ, за привѣтъ поблагодарилъ, поручилъ имъ передать отъ меня и

отъ себя эти хлѣбъ-соль самому бѣдному человѣку въ ихъ аулѣ, выразилъ желаніе въ будущемъ имѣть съ ними болѣе продолжительное свиданіе.

На ночлегъ въ Бжедуховскій аулъ пріѣхали ужъ позднею ночью; тѣмъ не меньше во дворѣ назначенной намъ квартиры виднѣлись огни, а передъ крыльцомъ дома стоялъ народъ разноплеменный, разновѣрный, хотя и одноязычный. Именно: Греки православные, Армяно-григоріане и горцы Бжедухи-мусульмане; всѣ говорящіе однимъ языкомъ Абадзехскимъ. Встрѣча—тоже съ хлѣбомъ-солью. Нельзя было не оказать вниманія и не побесѣдовать хоть немного. Всѣ они недавніе здѣсь поселенцы, на равнину при р. Бѣлой они выселились изъ-за Бѣлой и Кубани, изъ средины Кавказскаго хребта, уже по завоеваніи сѣвернаго Кавказа. Тамъ они жили тоже вмѣстѣ, и горцы, и среди ихъ Греки и Армяне мирно; рождаясь и вырастая и состарѣваясь среди горцевъ, Армяне и Греки говорили по горски. Горцы-мусульмане не стѣсняли тѣхъ и другихъ христіанъ въ отправленіи ихъ религіозныхъ обязанностей. Откуда же брали они себѣ священниковъ? Иногда посылали въ Константинополь, а иногда Армяне изъ-за Кавказа, а Греки просто посылали за православнымъ священникомъ на Русскую сторону, и приглашаемый на сей разъ священникъ безопасно могъ проѣхать, совершить требу и домой возвратиться. Это все поразсказалъ мнѣ братъ нашего домохозяина въ ночной бесѣдѣ. А при первой встрѣчѣ бесѣда была о томъ, какъ имъ живется на новомъ мѣстѣ (впрочемъ больше 20 лѣтъ)? Начинаютъ садоводство, хлѣбопашествомъ занимаются въ значительномъ размѣрѣ на продажу... Хлѣбъ для себя пекутъ уже въ печахъ по Русскому образцу и вообще кушанье имѣютъ по русски. Домохозяинъ нашъ, Армяно-грегоріанинъ, офицеръ свитскій, въ Петербургѣ; за него гостепріимствовалъ братъ. Домикъ небольшой, деревянный, съ невысокими и небольшими комнатами; но въ домѣ имѣются диванъ, кресла на пружинахъ, двухсвѣчные канделябры, картины, фотографіи; въ углу переднемъ икона Тихвинской Божіей Матери съ лампадкою передъ ней.

На берегу той же р. Бѣлой, не доѣзжая станицы Васюринской, двѣ неодинаковыхъ встрѣчи. Сперва при перемѣнѣ лошадей, въ аулѣ Адамій (Адэми) на почтовомъ дворѣ отъ мѣстныхъ жителей мусульманъ-горцевъ съ ихъ ефендіемъ привѣтъ хлѣбомъ и солью. Давно ли тутъ живете? «Больше 200 лѣтъ»; значитъ не недавніе выселенцы изъ горъ. Занимаются земледѣліемъ успѣшно; сѣютъ просо для себя, рожь на продажу; садоводство понемногу «начинаютъ». Ефенди гдѣ же учился? «Въ горахъ у одного изъ тамошнихъ ученыхъ». Книги читать умѣешь? «Умѣю». И по арабски знаешь? «Знаю по арабски», смѣло отвѣчалъ ефенди. Что у васъ произносятъ при встрѣчѣ и прощаньѣ? «Селямъ

алейкюмъ; алейкюмъ селямъ». Что же это значитъ по вашему, по абадзехски, а затѣмъ и по русски? «Пожеланіе всего хорошаго!»... Оказалось (это не первый случай съ нами), господинъ ученый даже этихъ двухъ Арабскихъ словъ не понимаетъ, тѣмъ паче Арабскаго языка сознательно не вѣдаетъ; Русскому же духовному лицу (тоже не впервый разъ) выпало на долю объяснить господину ефенди значеніе этихъ словъ, постоянно слышимыхъ въ рѣчи мусульманской... Другая встрѣча.

Противъ самой ст. Васюринской, на лѣвомъ берегу Кубани, хуторокъ изъ новоселовъ, переселенцевъ Воронежскихъ и Курскихъ. Своей земли нѣтъ, арендуютъ чужую на 8 лѣтъ. Эти конечно землю не удобрятъ и садовъ не заведутъ.... ибо черезъ 8 лѣтъ не вѣдаютъ теперь, куда пойдутъ, оставивъ арендованную землю, какъ выжатый лимонъ.

Затѣмъ до самаго Екатеринодара пошли по Кубани однѣ казачьи станицы безъ примѣси инородческой и иновѣрческой. Конечно не одно иновѣрческое, инородческое, иноязычное интересовало и стоило вниманія: и церкви благолѣпныя и благоустроенныя, и духовенство усердное къ священнослуженію, церковно и школьно-учительству, и полная исправность прихожанъ (до *единаго* человѣка: рѣдкость!) въ исполненіи христіанскаго долга исповѣди и св. причащенія, искреннее усердіе и свѣтскихъ школъ учителей не только къ классному дѣлу, но и къ пѣнію церковному, съ любовью и умѣньемъ. Встрѣчалась и обратная сторона во всемъ вышеуказанномъ, по частямъ, требовавшая обличенія, вразумленія, исправленія. Такъ какъ вездѣ по станицамъ народъ тысячами собирался къ церквамъ и всякъ желалъ непремѣнно архіерейскаго благословенія, то всякому оно и было преподаваемо, а пользуясь собраніемъ многимъ, предлагалось во всѣхъ мѣстахъ сообразное обстоятельствамъ поученіе; но главная тема была почти вездѣ по указу св. ап. Павла (1 Коринѳ. 2, 2 и Гал. 6, 14); поводъ—неправильное изображеніе крестнаго знаменія. Отъ сего повода поводъ къ изложенію существа св. вѣры—въ искупленіи...

Съ 15-го Октября, по прибытіи въ Ставрополь, сидѣлъ я неисходно въ своей кельѣ (исключая выхода въ церковь на богослуженіе) въ безмолвной бесѣдѣ съ консисторскими и другими бумагами, въ содружествѣ съ лихорадкой, потомъ съ горловой жабой, затѣмъ просто съ кашлемъ простуднымъ. Во дни-то этого сидѣнья явилось обстоятельство, которое побудило меня, не совсѣмъ исправнаго, опять двинуться въ дорогу, опять за Кубань, но по другому маршруту.

Давно я слышалъ отъ разныхъ лицъ сказанія о существованіи гдѣ-то въ Кавказскихъ горахъ какихъ-то древнихъ православно-христіанскихъ церквей, гдѣ-то на высотахъ едва доступныхъ, въ вершинахъ р. Зеленчука ли, Кубани ли. Неясно, но интересно. Когда бы удобнѣе

туда пробраться? Одни указывали на одно время года, другіе на другое, третьи говорили еще иначе. И вотъ во дни рѣченнаго моего домосѣдничанья являются ко мнѣ три человѣка: два старца, Кубанскіе казаки, горящіе желаніемъ быть монастырю при древнихъ церквахъ на рѣчкѣ Зеленчукѣ; третій съ ними Аѳонскій іеромонахъ (изъ Русскихъ), имѣющій на Аѳонѣ издавна свою собственную келью, въ ней довольно изрядное братство, въ числѣ онаго его родитель, тоже давній инокъ. Вслѣдствіе особыхъ неудобныхъ условій жизни Русскихъ келіотовъ въ зависимости земельной отъ Греческихъ монастырей (исключая, какъ вы знаете, особливаго положенія братій Русика, Андреевцевъ и Ильинцевъ), по предложенію упомянутыхъ ревнителей и ради древней святыни и удобной для пустыннаго иночества мѣстности на р. Зеленчукѣ, около церквей древнихъ (гдѣ онъ уже былъ), сей іеромонахъ имѣетъ искреннее желаніе устроить на томъ мѣстѣ новую обитель въ честь св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, въ память о покойномъ Государѣ Александрѣ Николаевичѣ, и всегдашнее моленіе о царствующемъ Государѣ императорѣ Александрѣ Александровичѣ. На это дѣло у него довольно собственныхъ средствъ, кромѣ имѣющихъ быть впослѣдствіи, весьма естественно, стороннихъ благотвореній; сама келія его Аѳонская съ ея обстановкою имѣетъ цѣнность и можетъ быть продана тысячъ за пятнадцать. Въ обезпеченіе сего предпріятія онъ, съ моего согласія, внесъ на храненіе и въ залогъ, въ кассу архіерейскаго домоправленія нашего десять тысячъ рубл. на сей предметъ. Предъ симъ онъ былъ у Кавказскаго главноначальствующаго, кн. Дондукова-Корсакова по вопросу о хозяйственныхъ угодьяхъ для будущей обители. Князь отвѣчалъ, что онъ знаетъ самъ это прекрасное мѣсто и готовъ съ своей стороны оказать всевозможное содѣйствіе. Такъ какъ іеромонашество Аѳонское по положенію закона можетъ быть у насъ признано не раньше опредѣленнаго срока, то, чтобы срокъ этотъ не отдалить, я причислилъ отца Серафима (имя іеромонаха) къ братству нашего архіерейскаго дома въ его Русскомъ мірскомъ званіи (мѣщанина) въ качествѣ послушника до усмотрѣнія. И вотъ у меня явилась мысль: прежде всякаго начатія дѣла *самому* взглянуть на то мѣсто, на тѣ древніе храмы, полуразрушенные и вполнѣ опозоренные (въ одной церкви, покрѣпче, имѣли ночлегъ пастухи горцы, въ другихъ двухъ въ непогоду загоняли свой скотъ и удобреніемъ земледѣльческимъ унедобрили внутренность церквей не на одинъ аршинъ толщины).

За нѣсколько дней раньше своего выѣзда я отправилъ къ церквамъ о. Серафима и о. Дометіана (бывшаго Алтайскаго, нынѣ заштатнаго старца-миссіонера, обрѣтшаго покой подъ сѣнью Ставропольскаго архіерейскаго дома) съ тѣмъ, чтобы они крѣпчайшую изъ церквей поочи-

стили, устроили въ ней дверь и т. п. Азъ же, убогій, съ ключаремъ, протодіакономъ, иподіакономъ и келейнымъ выѣхалъ изъ Ставрополя 31 Октября, въ 10 ч. утра.

Дорога лучше, чѣмъ говорили. Погода отличная; вѣтеръ, но не холодный, 12° тепла въ тѣни. Изъ Невинномысской поднялись ночью, когда луна поднялась, тепло (+5°), мѣстность высокая, правымъ берегомъ р. Кубани. Въ станицу *Бѣломечетскую* прибыли въ 11-мъ часу ночи; поэтому церковь и школу посѣтили уже на другой день утромъ. Отсюда переправились на низменный, степной лѣвый берегъ Кубани. Выше и ниже ст. Бѣломечетской большіе аулы Нагайцевъ. Прежде, говорятъ, Нагайцы жили разбросанно и вдали отъ мечетей; теперь собраны въ большіе аулы, построены хорошія мечети, и къ мечети и къ школѣ близко... Въ одномъ изъ ауловъ Русскій-де учитель, родомъ Осетинъ, бывшій священникъ. Заѣхать въ эти аулы не пришлось. На томъ же лѣвомъ берегу Кубани противъ *Баталпашинска* аулъ Абазинцевъ. Баталпашинскъ станица, исправляющая должность города, на видъ очень большая, грязная деревня, съ небольшою церковью, 4-хъ класснымъ училищемъ, при немъ ремесленный отдѣлъ, женской школой при двухъ учительницахъ. Помѣщеніе для 4 класснаго училища весьма хорошее, отлично обставленное и ремесленное отдѣленіе были посѣщены мной такъ же, какъ и женское училище. Въ оградѣ церковной замѣчателенъ памятникъ надгробный не по цѣнности или художественности своей, а по тому кѣмъ и кому поставленъ. Памятникъ надъ прахомъ генер. Петрусевича, убитаго въ Закаспійской экспедиціи. Раньше онъ былъ Баталпашинскимъ уѣзднымъ начальникомъ. Верхняя Кубань съ ея притоками были въ завѣдываніи его; населеніе, по преимуществу горцы, только что покоренные... Покойникъ своею нелицемѣрною заботой о ихъ благѣ успѣлъ сдѣлать для нихъ весьма много добраго, при ихъ же, конечно, содѣйствіи на непроходныхъ и непроѣздныхъ мѣстахъ устроилъ вверхъ по р. Кубани отличныя экипажныя дороги, можно сказать «открылъ» вершины Кубани и жившимъ тамъ горцамъ, Карачаевцамъ, далъ возможность изъ ихъ отъ міра отрѣзаннаго гнѣзда свободный выѣздъ и доставку того, чѣмъ они богаты, т. е. строевого лѣса. Этимъ самымъ, при другихъ благоразумныхъ мѣрахъ, онъ далъ горцамъ возможность не только быть исправными въ своихъ повинностяхъ, но и составить значительный общественный запасный капиталъ *), а себѣ добылъ отъ нихъ безусловное довѣріе и безпредѣльную признательность. Послѣднюю они выразили необычайно. Узнавъ о кончинѣ своего благодѣтеля, они испросили позволеніе останки его перевезти изъ Закаспійскаго края въ Баталпашинскъ

*) Къ сожалѣнію послѣ его начавшій *таять*...

на собственный счетъ и на свой же счетъ устроили ему надгробный памятникъ. И мы потомъ, когда двигались по р. Кубани, по правому, гористому берегу тоже съ благодарностью вспоминали покойника.

По отлично разработанной каменной дорогѣ, иногда отнятой у мощныхъ прибрежныхъ скалъ, и перекинутымъ чрезъ овраги каменнымъ мостамъ мы свободно ѣхали въ каретѣ, а мимо насъ двигались внизъ по тому же берегу, по той же дорогѣ, горцы на своихъ скрипучихъ двухколесныхъ арбахъ, влекомыхъ волами и влекущихъ обтесанныя бревна, срубленныя въ ущельяхъ Кавказскихъ и везомыя на продажу въ казачьи станицы и крестьянскія селенія прикубанской равнины. И это тамъ, гдѣ до Петрусевича сами горцы не вездѣ находили тропу для своихъ безстрашныхъ коней, а о колесномъ пути никто и помышлять не дерзалъ.

Въ Баталпашинскѣ церковь одна, и та небольшая, а населенія болѣе 11.000 душъ. Поэтому наша рѣчь съ жителями вообще, въ особенности съ главными изъ нихъ, больше всего настаивала на неотложной необходимости построить вторую церковь. Ссылались на большія траты при постройкѣ новаго моста, но дали слово озаботиться постройкой храма Божія, который есть тоже мостъ, но отъ земли къ небеси преводяй. Это тѣмъ нужнѣе, что въ Баталпашинскѣ завелся гнилецъ духовный, что̀ хуже гнильца пчелинаго, шалопутство. Оказался свой, доморощенный заразитель (Уклеинъ, высланный уже на всегдашнее жительство въ Ростовъ), для вящшаго просвѣтленія своего и другихъ ѣздившій въ Петербургъ къ Пашкову. Сектанты совсѣмъ было завладѣли ходомъ дѣлъ въ Баталпашинскѣ, своею безцеремонностью одолѣли было православныхъ, такъ что лучшіе общественники перестали было и на станичный сборъ ходить. Теперь дѣло приняло иной оборотъ, къ лучшему, благодаря, тому, что въ должность атамана вступилъ человѣкъ твердо-православный и разумно-энергическій.

Немного̀ не доѣхавши до станціи *Устьджегутинской*, встрѣтили мы небольшое селеніе *Джаганасъ*. Съ тѣмъ же именемъ, прежде тутъ былъ большой и богатый аулъ Нагайскій. Нагайцы эти, по усмиреніи западнаго Кавказа, не захотѣли остаться въ родныхъ мѣстахъ, ушли-де въ Турцію. Что̀ съ ними сталось? Горецъ-переводчикъ сообщилъ, что они «поселились въ Аденѣ (въ южной Аравіи, около устья Краснаго моря); отъ непривычки къ тамошнему жаркому климату половина ихъ перемерла, прочіе свыклись, стали на лѣто уходить въ горы; сказываютъ-де, что сѣютъ хлѣбъ, и родится онъ хорошо». Брошенное мѣсто не осталось пустымъ. Его заняли всемірные граждане Евреи, не Европейскіе выходцы, а туземные издавна горскіе (домовъ 40, да около 10 Русскихъ). Когда мы въѣхали въ ихъ селеньице, значительная часть ихъ, мужчины, выстроились около дороги. Я на минуту остановилъ экипажъ и подо-

шелъ къ нимъ. Интересно было взглянуть на отломокъ, можетъ быть, десяти колѣнъ Израильскихъ, или чадъ Іерусалима, отъ рѣкъ Вавилона чрезъ Персію и Грузію переброшенный за Кавказъ. Костюмы ихъ и ловкость горскіе; но ни вѣка, ни климатъ, ни другія условія здѣшней жизни не измѣнили типа Еврейскаго. На мой спросъ одинъ только изъ нихъ заявилъ себя знающимъ по-русски, а потомъ оказалось, что всѣ они хорошо понимаютъ Русскую рѣчь. Я спросилъ: есть у нихъ раввинъ? Мой Еврей-собесѣдникъ указалъ на одного молодого человѣка, почти безбородаго. Оказалось зовутъ его Ааронъ. Я съ улыбкой возразилъ, что онъ не очень похожъ на древняго Аарона: у того была борода большая. При этомъ всѣ слушатели добродушно и преусердно разсмѣялись, хотя мое замѣчаніе еще не успѣло быть переведеннымъ на ихъ рѣчь. Очевидно, что и безъ переводчика они понимали рѣчь мою. Я сталъ разспрашивать молодого раввина. Между собой они говорятъ-де «Парсскимъ» языкомъ, но знаютъ и мѣстные горскіе языки; признаютъ талмудъ-тору, занимаются земледѣліемъ мало, потому что - де оно для нихъ *трудно*, а больше торговлею среди окрестныхъ горцевъ (Карачаевцевъ, Нагайцевъ и проч.), но главнымъ образомъ выдѣлкою сафьяновъ; другіе сказывали потомъ, что начальство наше предлагало имъ во владѣніе землю, оставленную выселившимися Нагайцами, но они не взяли, опасаясь солдатчины; теперь же арендуютъ участки у казаковъ. «Есть ли у васъ книги Свящ. Писанія?» спрашиваю. «Есть», отвѣчаетъ раввинъ. «Откуда взяты?» Писаны въ Вильнѣ. Невдали на пригоркѣ стояла миньятюрная, убогая синагога деревянная. Раввинъ и собратія его усердно просили зайти въ ихъ церковь (!). Не захотѣлъ имъ отказать. Зашли. Внутри бѣдно, грязно. Взойдя на низенькій балкончикъ въ родѣ эстрады для музыкантовъ раввинъ приказалъ двумъ своимъ помощникамъ развернуть свитокъ писанія. Долго они перворачивали съ одного валька на другой, пока добрались до *Берешит*'а. Я предложилъ раввину прочесть первыя строчки 1-й главы 1-й книги Священнаго Писанія В. Завѣта. Тотчасъ же онъ набросилъ на себя, въ родѣ башлыка изъ грязнобѣлаго холста, покрывало, и своимъ произношеніемъ скоро прочелъ нѣсколько стиховъ. При этомъ живо, какъ прежде никогда, припомнились мнѣ слова Апостола языковъ о сродницѣхъ его и братьяхъ по плоти, Іудеяхъ: *ослѣпишася помышленія ихъ, даже бо до сего дне тожде покрывало во чтеніи ветхаго завѣта пребываетъ неоткровено. Даже до днесь, внегда чтется Моисей, покрывало на сердцы ихъ лежитъ. Внегда же обратятся ко Господу, взимается покрывало* (2 Кор. 3, 14, 15), замѣчаетъ св. Апостолъ. Когда-то и сей, въ горахъ Кавказа застрявшій малый *останокъ спасется* (Римл. 9, 27)? Когда спимется съ головы ихъ раввина внѣшнее грязное

покрывало и вмѣстѣ съ сердецъ всѣхъ ихъ духовнаго ослѣпленія покрывало?..

Знаменовавши себя крестнымъ знаменіемъ, я прикоснулся устами къ первымъ словамъ первой книги Священнаго Писанія.

Вслѣдъ на тѣмъ раввинъ, взявши въ руки маленькую книжку, затянулъ по ней *молебень* (sic) за Государя, нѣчто въ родѣ нашей эктеніи. За каждымъ стихомъ всѣ предстоявшіе въ синагогѣ, особенно поближе къ эстрадѣ, громко и скоро восклицали: амень. А тѣ которые стали дальше нерѣдко и не слышали толкомъ начала и конца возгласовъ кантора, и потому или слишкомъ спѣшили говорить амень, или опаздывали. Да и ближе стоявшіе явно не разумѣли глаголовъ своего псалты. И тутъ опять мнѣ живо представилось въ этомъ дѣйствіи олицетвореніе словъ того же св. апостола въ другомъ посланіи къ тѣмъ же Коринѳянамъ: *исполняй мѣсто невѣжды како речетъ аминь по твоему благодаренію* (1 Кор. 14, 16), *понеже невѣсть что глаголеши* (тоже). А если, какъ въ этотъ разъ, раньше подученный безотчетно скажетъ аминь, хотя бы иногда и впопадъ, все-таки его *умъ остается безъ плода* (тамъ же, ст. 14).

Когда всѣ амини кончились, я спросилъ раввина, возглашавшаго *solo*, бываетъ ли у нихъ общее пѣніе? Получилъ отвѣтъ: «Нѣтъ, не бываетъ. Это у Европейскихъ Евреевъ заведено».—«Вѣдь теперь ужъ и тутъ Европа. Да и въ древности, при Давидѣ, Соломонѣ и пр. было же».—«Нѣтъ, это у Европейскихъ Евреевъ такъ», отвѣтилъ онъ съ самодовольнымъ сознаніемъ превосходства старообрядческаго Евреевъ горскихъ предъ Европейскими. Потомъ прибавилъ: Правда было въ древности, но какъ разъ ужъ разрушилось, то у насъ и не бываетъ (какъ это напоминаетъ безпоповца: «были-де таинства, было священство, благодать, теперь же-де она на небо ушла!... и т. д.). Разстались дружелюбно, въ надеждѣ болѣе продолжительнаго свиданія. Предъ этимъ немногіе обитатели сего мѣста, православные, приняли благословеніе христіанское.

Въ ст. Устьджегутинскую прибыли въ 5-мъ часу пополудни. Это былъ вечеръ Суботы. Тотчасъ же собрались въ церковь. Заранѣе, что нужно для всенощнаго бдѣнія, было заготовлено. Не стѣсняясь отсутствіемъ своихъ пѣвчихъ, мы удовлетворились пѣніемъ случайныхъ, не первосортныхъ, но преусердныхъ любителей... Церковь маленькая, богомольцевъ набралось много; когда приспѣлъ выходъ на литію, я распорядился совершить ее внѣ церкви предъ западными ея враты, внутри ограды. Просторъ, чистое небо, тишина въ воздухѣ, тепло отнюдь не Ноябрьское, а весеннее задержали насъ до конца всенощной подъ нерукотвореннымъ сводомъ богозданнаго храма славы Божіей; тутъ мы совершили и литію, и благословеніе хлѣбовъ, и раздачу благословен-

ныхъ хлѣбовъ всѣмъ богомольцамъ по кусочку, и помазаніе всѣхъ благословеннымъ елеемъ во время канона, и предъ тѣмъ чтеніе акаѳиста Св. Архистратигу Михаилу (храмъ мѣстный Мих. Архангельскій и храмовой праздникъ недалеко впереди), и первый часъ до конца. Кончили въ 8-мъ часу. Ночлегъ у мѣстнаго священника, но сперва и въ домѣ оставаться не хотѣлось. 4° тепла по Реомюру, при безусловной тишинѣ, давали только освѣжительную прохладу; а почти полная луна, при безоблачномъ небѣ, ясно освѣщала прямую и совершенно ровную долину Кубанскую и съ двухъ сторонъ высящіяся надъ нею разновидныя и разноформенныя гряды горъ, то въ видѣ правильно какъ бы человѣческою рукою сложенныхъ гигантскихъ крѣпостныхъ стѣнъ, то въ видѣ полуразрушенныхъ бастіоновъ. Если бы не вставать завтра рано, не ушелъ бы въ домъ.

Вскорѣ приготовлены были для насъ и для всѣхъ, кто имѣлъ съ нами совершить восхожденіе, осѣдланныя лошади. Судьба судила опять взбираться на сѣдло, вспомнить недавнюю Алтайскую старину. Къ сожалѣнію Карачаевскія, какъ и вообще здѣшнія сѣдла (и горскія, и казачьи) не имѣютъ удобства Алтайскихъ. Сперва двинулись по берегу, вдоль по длинному аулу, потомъ по деревянному мосту чрезъ Теберду. Отсюда идетъ экипажная дорога по лѣвому берегу вверхъ до главнаго Карачаевскаго аула, а оттуда будто бы будетъ разработана по перевалу чрезъ хребетъ Кавказскій къ Пицундѣ (на восточномъ берегу Чернаго моря). Но мы тотчасъ же отъ моста поворотили направо внизъ по этому берегу къ холму церковному. Холмъ этотъ съ Сѣвера и Юга ограниченъ крутыми и глубокими оврагами, съ западной стороны связанъ перешейкомъ съ главнымъ гораздо больше его высокимъ, лѣвобережнымъ Тебердинскимъ хребтомъ, а съ восточной стороны оканчивается почти отвѣсной крутизною, немного не доходя до русла рѣчного. Удобопроѣздной верховой тропинки у восточной подошвы холма оказалось очень немного, сперва по крутому косогору, потомъ по узенькому каменному карнизу, напоминавшему Алтайскія горныя тропинки. У лошадей таже внимательность, осторожность, несшѣшность, цѣпкость; у насъ тоже, давно знакомое, но давно неиспытанное чувство опасенія: вотъ-вотъ и конь оступится, и худо будетъ коню, еще хуже всаднику. Вскорѣ надобно было спѣшиться и, оставивъ коней у подошвы холма, отправиться дальше съ кое-какой палкой-подпоркой, заткнувши за поясъ полы своей длинной одежды. Пришлось взбираться на крутизну почту отвѣсную (признаюсь, и на Алтаѣ того не встрѣчалось, точнѣе, не было надобности), большею частію безъ малѣйшаго признака какой-нибудь дорожки. Хорошо, что почва была мягкая, только кое-гдѣ съ камнями; а худо было то, что подъемъ былъ съ сѣверной стороны: земля, ночью замерзшая, только

сверху немного оттаяла, и нога скользила по мерзляку. Голова тоже задумывала чувствовать круженіе. Къ тому же (что̀ слѣдовало раньше знать по прежнимъ опытамъ) подъемъ оказался не только гораздо круче, но и гораздо выше, нежели какимъ представлялся издалека; но назадъ уже поздно возвращаться. При пособіи одного изъ горцевъ, которымъ «вездѣ дорога», я, несмотря на свою астму, поднялся безъ отдыха, употребивъ на это $^3/_4$ часа. Оказалось, холмъ имѣетъ два уступа или площадки; церковь, на верхней площадкѣ, надъ долиной около 230 саженей, почти полверсты отвѣсныхъ. Церковь небольшая (человѣкъ на 100), Греческой архитектуры, каменная; конечно безъ оконъ и дверей, изъ тесанаго камня, арки изъ такого же узкоклинчатаго камня поперемѣнно съ отлично обожженнымъ такой же формы кирпичемъ; а куполъ изъ круглыхъ камней, къ удивленію цѣлъ, конечно благодаря связующему цементу; почти цѣла и кровля, каменная же; западный притворъ полуразрушенъ, а отъ сѣвернаго и южнаго небольшіе остатки. Форма церкви крестообразная съ полукруглымъ выступомъ для алтаря. Внутренняя сторона стѣнъ была вся расписана священными изображеніями, теперь едва примѣтными по штукатуркѣ, альфреско. Въ восточной части за горнимъ мѣстомъ надъ тремя алтарными окнами съ трудомъ можно видѣть изображеніе Божіей Матери въ ростъ, съ поднятыми руками (въ родѣ Кіевософійской, Нерушимой Стѣны). По правую и лѣвую сторону алтарныхъ оконъ на стѣнахъ алтаря по четыре святителя; какихъ именно, опредѣлить нельзя, а надписей нѣтъ. На сѣверной близалтарной стѣнѣ неясно видятся какъ бы Божія Матерь, а можетъ быть и другое лицо женскаго пола, Іоаннъ Креститель, и еще одно лицо держитъ въ чашѣ младенца и какъ бы обливаетъ его изъ какого-то сосуда. Въ южномъ выступѣ съ одной стороны (вост.) мученики - воины, должно быть Георгій Побѣдоносецъ и Димитрій Солунскій, а на западной преподобныя жены; тутъ же сохранилась и часть орнамента. Еще обратили на себя наше археологическое невѣжество въ алтарѣ подъ нижними оконными плитами какъ бы печурки, углубленія, въ которыя будто бы кладутъ богомольцы угли и ладанъ. Сдѣлавши измѣреніе церкви снаружи и внутри, мы немножко помолились. Ставъ предъ мѣстомъ бывшаго престола и возложивъ на себя эпитрахиль (нарочито взятую), я сказалъ двѣ краткихъ эктеніи, заздравную «За царя и за вся иже во власти суть», побѣдоносное наше воинство и вся православныя христіаны, и заупокойную между прочимъ о здѣ священнослужившихъ и молившихся; пропѣли и многая лѣта, и вѣчную память... Долго оставаться было нельзя: къ вечеру уклонялся уже день, а до ночлежнаго пункта было неблизко. Можно было однако при бѣгломъ осмотрѣ замѣтить, что въ древнее время была устроена дорога къ церкви по ребру южнаго оврага, и это тѣмъ несомнѣннѣе, что

строители, священнослужители, богомольцы, имъ современные, конечно не тѣмъ путемъ безъ пути восходили въ церковь, какой нами былъ избранъ и по какому опять мы должны были нисходить. Послѣднее же, какъ извѣстно, гораздо труднѣе перваго (конечно не въ моральномъ смыслѣ). Поэтому, при нисхожденіи, вмѣсто одного, моими водителями быть любезно взялись уже два туземца и почти снесли на рукахъ своихъ легко и скоро, наглядно уяснивъ мнѣ 12-й стихъ 90-го псалма (на рукахъ возмутъ тя, да не преткнеши....).

Вотъ мы побывали въ одной древней церкви, посмотрѣли, помолились. Но гдѣ же *слѣды* тѣхъ, которые были посѣтителями этой церкви до ея запустѣнія? Вѣроятно слѣдъ священнослужителей: недалеко отъ сѣверозападной стороны церкви остатки могильныя. Но гдѣ же прочіе здѣ лежащіе братія святого храма сего? Когда мы уже спустились, намъ указали на что-то, стоющее вниманія почти на половинѣ юговосточнаго крутого косогора, при устьѣ сѣвернаго оврага. Надобно было опять немного взобраться по скату холма. Тутъ оказались древнія могилы. Это каменныя гробницы изъ цѣльныхъ тесаныхъ плитъ, частію углубленныя въ гору, длины около 3-хъ аршинъ, а въ поперечникѣ до $1^1/_2$ аршинъ, сверху перекрыты одною цѣльною плитой, съ передней стороны внизу въ родѣ высокаго порога, такъ что съ этой стороны образуется отверстіе, которое безъ сомнѣнія закладывалось тоже плитою. Въ одной изъ этихъ гробницъ отваленъ бѣ этотъ камень, и внутри видны были кости сухія. Такими могилами это ребро холма исполнено, какъ пчелиными ячейками. Чьи онѣ? Не теперешнихъ сосѣдей Карачаевцевъ-мусульманъ, ни ихъ предковъ ближайшихъ, тоже мусульманъ, какъ потому, что аулъ этотъ недавній, такъ и потому, что мусульмане не такъ погребаютъ своихъ покойниковъ. Это не доисторическія языческіи могилы и кости, которыхъ надобно скорѣе искать въ долинныхъ и степныхъ курганахъ. Безъ сомнѣнія эти могилы, эти кости бывшихъ братій святого храма сего, чадъ сей церкви, у ея подножія надѣявшихся обрѣсти покой до будущаго воскресенія. Дальнѣйшія изслѣдованія, надѣюсь, подтвердятъ это предположеніе, а можетъ быть даже укажутъ, хоть приблизительно, и время устройства этихъ могилъ.

По возвращеніи въ аулъ Секты мы были радушно угощены г. старшиной въ его кунацкой (мужской половинѣ дома, пріемной для гостей). Нельзя было не обратить вниманія на то, что въ этой комнатѣ у хозяина, хоть онъ и мусульманинъ, было двѣ Русскихъ картины на стѣнѣ около передняго угла. Замѣчательнѣе всего, что обѣ они изображали калифа правовѣрныхъ, Турецкаго султана, въ комическомъ видѣ: одна по поводу взятія Плевны и плѣна Ошера-паши, другая по поводу пораженія и бѣгства Гази-Мухтара. Хозяинъ угощалъ насъ (кто что хо-

тѣлъ кушалъ) почти тѣми же кушаньями и подъ тѣми же названіями, что̀ и на Алтаѣ: кру́гомъ (сыръ), ишлакомъ (Алтайскій пыштакъ—сладскій сыръ, несоленый), медомъ, изъ крупчатой муки лепешками на скоромномъ маслѣ (у Алтайцевъ нѣтъ), бараньимъ шашлыкомъ и чаемъ. Я одѣлилъ ребятишекъ его, на дворѣ, кусочками сахара, какъ бывало и на Алтаѣ; сперва дичились, потомъ стали смѣлѣе. А потомъ, бывало, станутъ *своими* намъ, издали бѣгутъ уже не за кусочкомъ сахара или сухаря, а за благословеніемъ пастырскимъ. Когда и како здѣ будетъ сіе?...

Выѣхали изъ аула Секты въ сумерки, до Хумаринскаго ѣхали темнымъ безлуннымъ вечеромъ, безъ особой охраны, только въ сопутствіи усерднаго начальства. Замѣтьте, вѣдь это — въ вершинахъ Кубани, въ безлюдной мѣстности, по дорогѣ не просто арбяной, но каретной, гдѣ назадъ тому около 60 лѣтъ г. Бернардацци странствовалъ къ этимъ церквамъ съ конвоемъ 50 чел. конницы и 50 чел. пѣхоты съ пѣсколькими горскими князьями въ видѣ заложниковъ... А много, много раньше тутъ были церкви Божіи, были въ нихъ и жили и костьми по христіански ложились православные, предки нынѣшнихъ Цыгановъ-мусульманъ. Въ Хумаринское явились въ 8 ч. вечера, на ночлегъ съ обстановкой Европейской. На противоположной сторонѣ, за Кубанью, селеніе Осетинское, а надъ нимъ на большой высотѣ (по Бернардацци гора *Чупа*) другая *древняя* церковь. Такъ какъ она похожа на видѣнную нами вчера, внутри ея, сказываютъ, вовсе нѣтъ изображеній: восхожденіе туда и возвращеніе взяли бы у насъ много времени, а наша прямая цѣль—Зеленчукскія церкви; къ этой же церкви по горнымъ площадямъ можно и на быкахъ доѣхать, что̀ будто бы и дѣлаютъ Греки недальняго селенія: поэтому мы сочли за лучшее оставить на сей разъ обозрѣніе этой церкви.

3-го Ноября. Утромъ, опять перебравшись по каменному мосту на лѣвый берегъ Кубани, отправились внизъ по этому берегу, сперва мимо Осетинскаго Герріевскаго поселка, потомъ среди обширныхъ, но уже сравненныхъ съ землею развалинъ древняго селенія; по всему видно, что тутъ нѣкогда былъ городъ значительный, притомъ христіанскій, такъ какъ тутъ при нѣкоторыхъ раскопкахъ находили кресты. Проѣхавши около 8 верстъ, мы оставили Кубань. Берегомъ маленькой рѣчки, съ Запада прорѣзывающей горы надкубанскія и падающей въ Кубань, мы постепенно поднялись на горную площадь, по которой текутъ вершинныя рѣчки, составляющія потомъ р. Малый Зеленчукъ. Мѣстность эта́, не смотря на свою возвышенность, удобна для хлѣбопашества, сѣнокошенія и пастьбы скота. Замѣчательна въ своемъ родѣ она и тѣмъ, что тутъ на незначительномъ пространствѣ собралось нѣсколько народностей: тутъ и казачья станица (Кардоникская), и Греческій поселокъ (Хасаутъ), и поселокъ Эстонскій, и улусъ Горскій (Хусень-Кардоникъ),

и поселокъ Русскихъ крестьянъ (Марухскій). Изъ этихъ селеній на нашей дорогѣ была стан. Кардоникская, въ свою очередь замѣчательна 1) церковью деревянною, но очень обширной и отличной архитектуры, съ очень хорошимъ иконостасомъ, а, главное, замѣчательною дешевизной постройки *), 2) мѣстнымъ священникомъ, онъ же и благочинный, священствующимъ здѣсь неотходно со дня своего рукоположенія, вотъ ужъ 27-й годъ (это тоже рѣдкость въ здѣшней епархіи).

Послѣднимъ селеніемъ предъ «древними церквами» была станица Зеленчукская, на правомъ берегу р. Большого Зеленчука.

Вскорѣ по переѣздѣ черезъ рѣчку, двигаясь вверхъ по невысокому берегу, мы встрѣтили груды камней, прямою непрерывною линіею тянущихся отъ почти отвѣсно-крутой горы къ самой рѣкѣ. Очевидно это остатокъ древней стѣны, составлявшей первое огражденіе для жившихъ дальше по рѣкѣ. Еще немного, и нашимъ взорамъ на небольшомъ пригоркѣ является 1-я древняя церковь съ верхнею частію и нѣкоторою долею крыши (каменной) неуцѣлѣвшими. На уцѣлѣвшихъ растутъ вересъ, смородина, молоденькія сосенки... Но мы, не останавливаясь, проѣхали дальше. Видимъ другую церковь побольше, разрушенную меньше. Минуемъ и эту, а ѣдемъ все среди непрерывныхъ развалинъ разной величины зданій. И вотъ... Простите, не могу равнодушно писать, вотъ среди этой глухой пустыни, среди этихъ давно брошенныхъ развалинъ видимъ явленіе живое и духъ одушевляющее: множество народа, и пѣшаго, и коннаго и съ повозками. Господи, не залогъ ли это Твоей милости, что скоро-скоро наступитъ время возгласить: «процвѣла есть пустыня, яко кринъ Господень»? Безконечный и Непостижимый во благости Своей, нѣкогда на Алтаѣ не разъ ниспосылалъ мнѣ убогому незаслуженное и невыразимое утѣшеніе отъ глубины сердца воспѣвать эту сладкую пѣснь на мѣстахъ, гдѣ сперва видѣлась пустыня и матеріальная и духовная, бывшая таковою *отъ начала*, а потомъ на нашихъ глазахъ процвѣтала. А это мѣсто вотъ нѣкогда *было* цвѣтущимъ градомъ и *были* церкви многи тутъ. А потомъ цвѣтъ христіанства увяде, отъ жилищъ человѣческихъ почти не осталось камня на камнѣ, только полуразрушенныя церкви нѣкоторыя высятся еще... Неужели пришелъ часъ возрожденію сего града мертвыхъ? Неужели даровано будетъ нашему убожеству дожить до святой минуты видѣть святыни сіи обновленныя, отъ позора дикихъ горцевъ освобожденныя, вновь Божіею благодатію освященныя, и вмѣстѣ съ новыми православными насельниками и временными посѣтителями сей пустыни воспѣть Господу сладцѣ:

*) До 25,000 р. со всею отдѣлкой внѣшней и внутренней; по Кубанской области гораздо меньшія и худшія стоили до 60.000 р., благодаря хотѣнію и умѣнію старателей...

«Процвѣла есть пустыня, яко кринъ Господень?» Что же это были за люди, насъ предварившіе? Зачѣмъ они здѣсь скучились и встрѣчаютъ насъ? Это: во-первыхъ, глубокій старецъ, іером. Дометіанъ, во дни юности своей посланный бывшимъ Алтайской миссіи основателемъ о. архим. Макаріемъ на дѣло служенія миссіонерскаго изъ Россіи въ Алтай и многія десятки лѣтъ трудившійся въ пустынѣ языческой до истощенія своихъ силъ (онъ не облѣнился исполнить мое порученіе взглянуть на древнее запустѣніе древней святыни въ Кавказской пустынѣ и положить начало ея возстановленію); во-вторыхъ, Аѳонскій іеромонахъ о. Серафимъ съ своимъ тамошнимъ же собратіемъ, двое передовыхъ посланниковъ изъ числа малаго братства на Аѳонѣ, хотящаго на семъ мѣстѣ, возобновивши сію святыню, при ней основать свои подвижническія жилища. Этихъ трехъ я и послалъ ранѣе себя, чтобы они къ моему пріѣзду поочистили и пооблагообразили болѣе другихъ сохранившуюся церковь. Около этой церкви и образовался оный *станъ* людей. Прочіе были сосѣди изъ станицъ Зеленчукской и другихъ, даже изъ Балтапашинска, мужчины и женщины, съ дѣтьми на рукахъ, нестарые люди и престарѣлые. Это тѣ, коихъ сердце болѣло, знавшее объ этихъ заброшенныхъ святыняхъ, коихъ сердце горѣло желаніемъ видѣть ихъ возстановленіе и теперь радовалось, усматривая начало исполненія ихъ горячихъ молитвъ и хотѣло участвовать въ начинаніи этого начала. При ихъ пособіи сдѣланы были дверные косяки въ церковь, и новая дверь навѣшена, вмѣсто рамъ со стеклами окна были затянуты бѣлымъ коленкоромъ, а одно маленькое окошечко (можетъ быть, лента вдовицы) завѣшено клѣтчатымъ платочкомъ. Церковь, бывшая прежде мѣстомъ ночного убѣжища пастуховъ Карачаевцевъ и пріюта для мелкаго скота (подобно Виѳлеемскому вертепу) была очищена отъ сору и нечистотъ и полъ ея земляной посыпанъ чистымъ пескомъ. Изъ сосѣдней Зеленчукской станицы пѣшкомъ принесены были на время взятыя изъ церкви выносныя иконы Божіей Матери и Животворящій крестъ, кромѣ того много собственныхъ иконъ «въ прикладъ» къ церкви, и разставлены по стѣнамъ и столбамъ церковнымъ. Противъ церкви, съ Запада въ педальномъ разстояніи устроена временная «гостинница» для пріѣхавшихъ и пришедшихъ; это былъ длинный сарай, преобразованный изъ каменной конской загороди, очищенный отъ навоза, устланный свѣжимъ сѣномъ и покрытый тоже сѣномъ; тутъ предполагалась и столовая въ срединѣ, а по сторонамъ, отграниченнымъ отъ столовой двумя бревнами, рядомъ съ этой гостинницей отдѣльное помѣщеніе для меня: это самое пріятное для бывшаго кочевого Алтайца, полотняная палатка, съ комфортомъ паче Алтайского (столикомъ, стуломъ и желѣзною складною кроватью). Густая толпа образовала цѣлую улицу до

самой церкви; впереди съ хлѣбомъ-солью, въ Кавказской пустыни, по Русскому православному обычаю. Всякій разъ, когда является хлѣбъ-соль при встрѣчахъ владыки у церковной ограды живыхъ мѣстъ, отрадно благословлять подносимое: во сколько же разъ трогательнѣе было видѣть и благословлять эту хлѣбъ-соль *здѣсь*, подносимую *отъ первыхъ* странниковъ-богомольцевъ. Въ этомъ хотѣлось видѣть залогъ и предвѣстіе хлѣба-соли, что̀ всегда радушно предлагается въ православныхъ иноческихъ обществахъ *для* странниковъ-богомольцевъ. Благословивъ и богомольцевъ пока общимъ благословеніемъ, попросили мы ихъ молитвенной помощи къ скорому исполненію нашего желанія дождаться отъ будущихъ братій здѣшнихъ радушнаго пріема хлѣбомъ и тѣлеснымъ и душевнымъ. Вошли въ церковь, уже украшенную: повсюду горѣли свѣчи «воску яраго», возженныя усердіемъ странниковъ то въ двухъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, то на деревянныхъ столбикахъ и подставочкахъ, сдѣланныхъ наскоро взамѣнъ люстръ и лампадъ. Пропѣли похвалу Богородицѣ (Достойно есть). Церковь эта меньше первыхъ двухъ, но сохранилась гораздо больше, не только стѣны, но и трибуна и большая часть каменной (изъ плитъ) кровли.

Такъ какъ оказывалось, что всѣ прибывшіе не могли помѣститься въ церкви, то предположили совершить молебенъ на открытомъ воздухѣ, предъ дверями церковными. Распорядившись приготовить все для этого потребное, пока отправились взглянуть на явственно видимые отсюда остатки еще меньшей, уже *4-ой* церкви. На всемъ разстояніи между этими церквами (около $^1/_2$ версты) и далѣе, и направо, и налѣво, линіи развалинъ каменныхъ. А около 4-ой церкви слѣды какого-то громаднаго зданія, котораго фундаментъ отчасти сохранился. Самая церковь замѣчательна кладкою камня на́сухо, но чрезвычайно старательно. По близости къ упомянутому зданію и малымъ своимъ размѣрамъ, она, кажется, была *домовою* церковью (можетъ быть архіерейскою). Слегка взглянувши и оставивъ осмотръ дальнѣйшій до слѣдующаго дня, возвратились къ *стану*; было около 4-хъ часовъ по полудни. Въ полномъ облаченіи, въ сослуженіи о. Дометіана и протодіакона, при пѣніи о. ключаря, о. Серафима, иподіакона и келейнаго совершили мы водосвятный молебенъ; послѣ молебна всѣ до одного были допущены къ св. кресту и окроплены св. водою, такъ что дѣло кончилось уже въ 7-мъ часу ночью. Да и большая часть молебствія, по случаю малаго дня, была уже во тьмѣ ночной. Только съ неба немногія звѣзды смотрѣли, да на столикѣ предъ Евангеліемъ и св. крестомъ свѣчки ярко горѣли, маленькія, но зажженныя великимъ усердіемъ небогатыхъ богомольцевъ, и то и дѣло звенѣла тарелочка отъ грошей, бросаемыхъ на нее этими богачами въ дусѣ... Поистинѣ это были лепты, но въ очахъ Божіихъ без-

нѣнныя. Кто имъ внушалъ, кто ихъ убѣждалъ нести въ сію пустыню свои трудовыя копѣйки и гроши?... Слава тебѣ, Господи, вся предвидящему и вся устроящему во время свое во спасеніе. Ужинъ обильный для прочихъ, для насъ—рѣдкій, изъ мѣстныхъ свѣжихъ форелей; вино доброе, виноградъ кислый. Ночлегъ мнѣ въ палаткѣ, поводъ къ воспоминаніямъ незабвеннымъ: ночью дождь, буря, опасеніе оказаться не въ палаткѣ, а подъ палаткой, опасеніе и въ палаткѣ оказаться подъ дождемъ; оба были напрасны. А «народъ Божій», кромѣ упомянутой *гостинницы*, гдѣ было мѣсто для аристократіи, и церкви, гдѣ было мѣсто для братіи, устраивали себѣ ночлегъ, кто гдѣ и какъ умѣлъ: одни въ своихъ телѣгахъ, другіе просто около костровъ горящихъ. Сперва живые разговоры около огонька, потомъ потише, изрѣдка окликъ караульныхъ, наконецъ опять пустыня тихая, безмолвная... Утро ясное, свѣжее, +5° Реом. въ 6 часовъ, а наканунѣ днемъ +12—16° Реом. Собрались въ церковь, сперва прочли утреннія молитвы, потомъ совершили молебенъ Всемилостивому Спасу, Божіей Матери, архангеламъ и всѣмъ святымъ. На молебнѣ нѣкоторые припѣвы пѣли на Греческомъ языкѣ, держа въ памяти первыхъ здѣшнихъ, блаженныя памяти, священнослужителей и, ѳратій храма; и за упокой объ нихъ моленіе совершали, и вѣчную память имъ пѣли, а потомъ и многая лѣта кому подобало. При концѣ предстоявшимъ простымъ боголюбивымъ пришельцамъ сказалъ я простую рѣчь *)... Потомъ чай. Потомъ знакомились съ мѣстностью. Измѣряли разстояніе между церквами. Около 3-й церкви (гдѣ молились) по направленію отъ горы къ рѣкѣ явственно сохранился слѣдъ большого рва и двухъ стѣнъ, внутренней въ сажень ширины и внѣшней поменьше. Тутъ же, въ восьми саженяхъ отъ этой церкви на Юг, ъобратили мое вниманіе на себя развалины небольшого зданія съ полукруженъ на восточной сторонѣ. При ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что это фундаментъ *5-ой* церкви, изъ всѣхъ малѣйшей.

По возвращеніи въ Сіонъ, тотчасъ же верхами отправились внизъ для осмотра церквей 1-й и 2-й, мѣсто которыхъ вчера проѣхали. Отъ 3-й церкви 2-я болѣе ста саженъ, а отъ этой 1-й около версты. На 3-й

*) Послѣ молебна вскорѣ богомольцы подняли иконы, взятыя изъ Зеленчукской церкви и отправились, но свои собственныя иконы, правда простенькія, оставили навсегда тутъ, на стѣнахъ и столбахъ церковныхъ. Предъ отходомъ ихъ, я обратился къ нимъ „за совѣтомъ“. Вспоминая, что я вчера слышалъ, какъ звенѣли ихъ жертвы на тарелочкѣ, я замѣтилъ, что пожертвованныхъ ими грошей (оказалось около 8 рублей!) недостанетъ на возобновленіе этой церкви. Но это-де исполнитъ о. Серафимъ. Такъ вотъ моя мысль: эти деньги сберечь, не трогать, пока придетъ время освятить церковь, на эти деньги купимъ свѣчи и *первыя* ихъ зажжемъ при освященіи церкви. „Согласны ли?“ спросилъ. Отвѣтили: „согласны, очень ради, спаси васъ, Господи!“

церкви внутри не видно слѣдовъ стѣнныхъ изображеній, можетъ быть потому, что на стѣнахъ ея вовсе не сохранилась штукатурка. Но въ тѣхъ двухъ, гдѣ только сохранилась штукатурка, тамъ видны слѣды стѣнной иконописи, правда въ такомъ состояніи теперь, что возобновленіе по прежнимъ рисункамъ уже невозможно.

Вторая церковь изъ всѣхъ здѣшнихъ больше вмѣщала молящихся. Архитектура всѣхъ церквей та же, что̀ Тебердинской и надъ-Кубанской, т. е. Греческая; въ каждой изъ нихъ (кромѣ 4-й и 5-й, какъ небольшихъ) алтари трехчастные. Но 2-ая оказалась достопримѣчательнѣйшею потому, что на горнемъ мѣстѣ въ алтарѣ ея сохранились остатки каменной *архіерейской* каѳедры и іерейскихъ сопрестолій каменныхъ, чего въ другихъ церквахъ и намека нѣтъ: явно, что это была церковь *каѳедральная*, архіерейская. На 1-й церкви, какъ и на 2-й, видны кустарники и небольшія деревья. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ не одинъ годъ жилъ здѣсь одинъ благочестивый отшельникъ (онъ живъ и теперь, въ св. Михайловской Закубанской пустыни) въ небольшой келейкѣ. Въ его время на 1-й церкви росли три громадныя сосны, пустившія свои корни въ разщелины каменной крыши. Приходя помолиться, онъ видѣлъ, что во время сильнаго вѣтра эти сосны раскачиваясь расшатывали и кровлю; опасаясь, что онѣ паденіемъ отъ бури разрушатъ кровлю, онъ ихъ спилилъ и убралъ. Утромъ рано, осматривая мѣстность и убѣждаясь, что тутъ было большое населеніе, я, какъ и на Тебердѣ, спрашивалъ себя: гдѣ же бывшіе здѣсь жители находили своимъ смертнымъ остаткамъ покой до общаго воскресенія? Нашелъ было слѣдъ, но только одинокой могилы вдали отъ церкви. И вотъ, обходя кругомъ 1-ю церковь, спустились мы на берегъ омывающаго ее съ Сѣвера и Запада небольшого ручья. Ручей въ большую воду подмываетъ площадку, на которой стоитъ церковь, и тутъ-то нашелся отвѣтъ на мой вопросъ. Оказалось, что церковь эта стоитъ «на гробѣхъ». Отлогій отмываемый берегъ площадки весь состоитъ изъ тройного ряда (одного надъ другимъ) погребенныхъ здѣсь. Способъ погребенія тотъ же, что̀ и теперь на Аѳонѣ и проч., т. е. безъ гробовъ; только около головы, для сбереженія ея, полагали двѣ каменныхъ плиты по сторонамъ и одна сверху, на нихъ опирающаяся. Уходя отъ церквей, я просилъ г. уѣзднаго начальника принять предохранительныя мѣры отъ дальнѣйшей порчи и засоренія церквей Карачаевцами, и онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы безотлагательно были заложены наглухо камнями двери и окна церквей. Такимъ образомъ онѣ будутъ недоступны ни скоту безсловесному, ни пастырямъ ихъ неразумнымъ. Немного выше *кладбищенской* церкви тоже слѣдъ бывшаго жилья (на Ю.-В. ближе къ горѣ), въ томъ числѣ цѣлъ планъ большого длиннаго зданія, раздѣленнаго на нѣсколько большихъ

комнатъ и съ двумя по концамъ пристройками въ видѣ сѣней входныхъ. А надъ отвѣснымъ скалистымъ обрывомъ горы, на высотѣ не одного десятка сажень, видны остатки маленькаго жилья; была ли то келья богомольца, или сторожевая башня, потому, что съ того мѣста на далекое пространство долженъ былъ открываться видъ вверхъ и внизъ по Зеленчуку. Протяженіе развалинъ, гдѣ древнія церкви по берегу Зеленчука, оказывалось не меньше трехъ верстъ. Тутъ и зданія многочисленныя и по размѣрамъ значительныя, и рвы, и стѣны крѣпостныя, и улицы прямыя, правда узкія, но совершенно по восточному, и сады фруктовые, и церквей нѣсколько, въ томъ числѣ какъ бы каѳедральный соборъ, кладбищенская церковь, домовая и др., архитектуры Греческой, съ стѣнною иконописью Греческой. Еще надобно замѣтить, что въ мѣстности этой какъ разъ *оканчивается* колесный путь, а дальше идетъ вверхъ по Б. Зеленчуку верховой и вьючный до перевала черезъ главный хребетъ Кавказскій по направленію къ Черному морю; конечно еще нѣкоторое пространство вьючной дороги, по югозападному склону Кавказа, затѣмъ путь къ приморскому Сухуму. И наоборотъ, слѣдуя отъ Сухума и т. п. черезъ перевалъ Кавказскій, въ этомъ пунктѣ *оканчивалась* дорога вьючная, верховая. Несомнѣннымъ представляется, что это былъ *городъ* значительный, ибо въ немъ была каѳедра архіерейская, городъ-крѣпость и вмѣстѣ складочный торговый городъ...

15 Февраля 1887.
Ставрополь Кавказскій.

ЕЩЕ ОТЗЫВЪ А. С. ХОМЯКОВА О ПРЕПОДОБНОМЪ СЕРАФИМѢ.

Въ седьмой книжкѣ „Русскаго Архива“ 1903 года была напечатана замѣтка подъ заглавіемъ „А. С. Хомяковъ о преподобномъ Серафимѣ Саровскомъ“. Эту замѣтку правильнѣе было бы озаглавить: отзывъ Хомякова о Саровѣ, къ связи съ дѣятельностью пр. Серафима. Въ ней приводится мѣсто изъ письма Хомякова къ А. И. Кошелеву. Хомяковъ высоко ставитъ Саровъ, какъ одинъ изъ очаговъ духовной жизни Русскаго народа, и изъ этого отзыва дѣлается уже заключеніе „объ отношеніи Хомякова къ памяти Серафима, такъ какъ-де Саровъ обязанъ своей славой именно (и почти исключительно) этому святому подвижнику. „Русскій Архивъ“ напечаталъ эту замѣтку ко времени празднествъ Саровскихъ и не могъ задаться нелегкимъ трудомъ просмотрѣть сочиненія Хомякова и поискать, нѣтъ ли у него еще гдѣ нибудь отзыва болѣе опредѣленнаго о самомъ преподобномъ Серафимѣ.

Въ сочиненіяхъ Хомякова во множествѣ разбросаны отзывы по вопросамъ какъ бы не подходящимъ прямо къ заглавію статьи, въ которой они попадаются. Ему даже это ставили въ вину, какъ доказательство нѣкоторой разбросаности мысли. Но болѣе близкое ознакомленіе съ его учено-литературными пріемами давно убѣдило всѣхъ, до противниковъ включительно *), что то, что̀ казалось разбросанностью, всегда отличается у него *строгою* вѣрностью основной мысли; и что частыя, мелкія, вводныя замѣчанія проистекаютъ лишь отъ избытка содержательности этой основной мысли, невольно стремящейся преломляться въ различныхъ, т. е. побочныхъ, приложеніяхъ, свидѣтельствуя этимъ объ ея не абстрактномъ, а живомъ, жизнью навѣянномъ происхожденіи: живое всегда разностороннее. Давно замѣчали многіе, что изданіе сочиненій Хомякова особенно много выиграло бы отъ приложенія къ нимъ указателя. Дѣйствительно, чѣмъ болѣе вчитываешься въ 8 томовъ его изумительно-богатыхъ содержаніемъ сочиненій, все болѣе убѣждаешься, что для свободнаго ими пользованія необходимъ указатель; и если бы таковой имѣлся, то и авторъ выше-упомянутой замѣтки, и самъ „Русскій Архивъ“, легко могли бы найти въ сочиненіяхъ Хомякова мѣсто, въ которомъ онъ прямо отзывается о пр. Серафимѣ. Оно находится въ статьѣ, озаглавленной „Мнѣніе Русскихъ объ ино-

*) Даже профессоръ Виноградовъ въ статьѣ объ И. В. Кирѣевскомъ называетъ Хомякова „сильнымъ мыслителемъ“.

странцахъ“ (т. I, стр. 59). Для того, чтобы оцѣнить вполнѣ значеніе словъ Хомякова о преподобномъ Серафимѣ приводимъ выдержку изъ этой статьи:

. . . . . „Естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ презрѣнія въ жизни (Русской) было то, что наука и общество могли безъ всякихъ упрековъ совѣсти, безъ всякаго внутренняго сомнѣнія, безпрестанно стремиться къ ея преобразованію. Попытки казались безопасными, потому что хаоса не испортишь; а стремленіе было благодѣтельно: ибо все наше просвѣщеніе отправлялось отъ глубокаго убѣжденія въ своемъ превосходствѣ и въ нравственной ничтожности той человѣческой массы, на которую оно хотѣло дѣйствовать. Высокія явленія въ ея нравственной жизни были почти неизвѣстны и нисколько не оцѣнены. Всякій членъ общества думалъ также какъ и великій повѣствователь нашего времени, что любая дѣвочка, изъ любого общественнаго заведенія, можетъ и должна произвести духовный переворотъ во всякой общинѣ Русскихъ дикарей[1]). Никому и въ голову не приходило, что изъ этихъ общинъ чуть-чуть не Австралійцевъ, еще не слыхавшихъ о христіанскомъ законѣ, выходили и выходятъ безпрестанно Паисіи[2]), Серафимы и множество другихъ духовныхъ дѣлателей, которыхъ нравственная высота должна изумлять даже тѣхъ, кто не сочувствуетъ ихъ стремленіямъ; что изъ этихъ общинъ льются потоки благодѣяній, что изъ нихъ являются безпрестанно высокіе примѣры самопожертвованія, что въ тяжелыя годины военнаго испытанія они спасали Россію не только своимъ мужествомъ, но и разумнымъ согласіемъ[3]), а въ мирныя времена отличаются вездѣ, гдѣ еще не испорчены, неподражаемою мудростью и глубокимъ смысломъ своихъ внутреннихъ учрежденій и обычаевъ...“

Въ заключеніе Хомяковъ говоритъ, что оцѣнить внутренній строй Русскаго простого народа можно научиться изъ исторіи, изъ наблюденія даже поверхностнаго, или хоть отъ Нѣмца Блазіуса[4]); „но надо хотѣть учиться“.

Очень можетъ быть, что есть и еще какіе-нибудь отзывы о пр. Серафимѣ у Хомякова, но теперь, безъ помощи желаннаго указателя, трудно дать положительный или отрицательный отвѣтъ на это. Во всякомъ случаѣ достаточно двухъ указанныхъ нами отзывовъ о пр. Серафимѣ и о значеніи имъ прославленнаго Сарова, чтобы судить объ отношеніи Хомякова къ памяти великаго подвижника нашихъ временъ.

---

[1]) „Великимъ повѣствователемъ“ названъ здѣсь вѣроятно С. М. Соловьевъ, котораго посмертныя записки даютъ поводъ это предполагать. П. Б.

[2]) Величковскій, основатель „старчества“, процвѣтающаго доселѣ у насъ въ Оптинской пустынѣ. „Старчество“ въ Оптинѣ особенно прославилось въ лицахъ о. Макарія и Амвросія.

[3]) Хомякову было 8 лѣтъ, когда Наполеонъ возбуждалъ наше простонародье къ возстанію противъ правительства и высшихъ сословій. П. Б.

[4]) Профессоръ Брауншвейнскаго университета Блазіусъ путешествовалъ по Россіи въ 1841 г. (Reisen in Russland. 2 Bände. 1844 г.).

О ЛАГАРПѢ, НАСТАВНИКѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Письмо Швейцарца къ графу Воронцову.

Считаю долгомъ дать вашему сіятельству отчетъ о нѣкоторыхъ разговорахъ моихъ, дня три тому назадъ, съ г-номъ Сибуромъ, наставникомъ ихъ высочествъ великихъ княженъ и близкимъ другомъ Лагарпа (онъ ему обязанъ своимъ мѣстомъ, а теперь лентой св. Анны, которую Государь только что ему пожаловалъ). Этотъ Сибуръ, конечно, знаетъ будущіе планы Лагарпа; но по сему вопросу онъ непроницаемъ. Онъ признается въ своей дружбѣ съ Лагарпомъ, даже гордится ею и объявляетъ, что послѣдуетъ за нимъ въ Парижъ.

Не скрывая своего образа мыслей относительно человѣка, составившаго несчастіе моей семьи и моего отечества, я однакоже направлялъ бесѣду такъ, чтобы развѣдать про дѣятельность Лагарпа въ Россіи. Мнѣ было любопытно узнать, какимъ образомъ такъ ловко сумѣлъ онъ скрыть свои преступленія отъ Государя. Г-нъ Сибуръ мнѣ отвѣчалъ, что называемое мною преступленіемъ не было такимъ въ глазахъ Государя, съ которымъ Лагарпъ имѣлъ по пріѣздѣ въ Петербургѣ объясненіе и которому признался, что онъ ошибался въ характерѣ своихъ соотечественниковъ, когда считалъ ихъ достойными получить неоцѣненный даръ полнѣйшей свободы, къ доставленію коей клонились всѣ его попытки; но что опытъ доказалъ ему, что Швейцарцы созданы для рабства, и онъ предоставилъ ихъ несчастной судьбѣ ихъ.

Вотъ какъ слѣдуетъ перевести эту исповѣдь Лагарпа: «Я былъ честолюбцемъ, желавшимъ, во что бы ни стало, играть роль на своей родинѣ; я ненавидѣлъ званіе (положеніе) подданнаго, отличавшаго жителей кантона де-Во (Vaud) и чтобы уничтожить его, я, одновременно съ заботами о воспитаніи вашего величества, втихомолку работалъ надъ возбужденіемъ общаго недовольства моихъ соотественниковъ. Не имѣя возможности что-либо произвести черезъ нихъ самихъ, я призвалъ Французскія войска, предоставивъ Швейцарію грабежу и убійству. Въ награду Французы должны были предоставить мнѣ первое мѣсто въ управленіи, которымъ бы замѣнилось мною уничтоженное. Они заставили кантоны назначить меня главою Гельвеціи. Получивъ силу удовлетворять свою личную месть, я велѣлъ умертвить 6,000 человѣкъ въ малыхъ кантонахъ. Не находя тѣхъ же предлоговъ сопротивленія въ остальныхъ кантонахъ Гельвеціи, я удовольствовался заключеніемъ въ тюрьму, ссылкою и раззореніемъ всѣхъ тѣхъ, кто раньше мнѣ сопротивлялся, и теперь меня ненавидитъ. Я позволилъ себѣ издать даже прокламаціи, въ которыхъ отзывался о Русскихъ, моихъ благодѣтеляхъ, со всею жестокостью ненавистливаго характера за то, что Русскія войска подвигались и грозили моей власти».

«Между тѣмъ Швейцарцы, утомленные моими притѣсненіями, прогнали меня отъ управленія вмѣстѣ съ вѣрнымъ сотрудникомъ моимъ, Оксомъ изъ Базеля*), который раздѣлялъ мои взгляды и убѣжденія. Моя личность была уже не въ безопасности, меня дѣлали отвѣтственнымъ за мои преступленія..... Мнѣ посчастливилось убѣжать, переплывъ озеро ночью, и я пріѣхалъ скрыть свой позоръ въ Пасси, возлѣ Парижа, гдѣ, не смотря на покровительство Барраса, я былъ преданъ самому оскорбительному забвенію для человѣка съ моимъ характеромъ до того дня, когда узналъ о счастливомъ восшествіи на тронъ вашего императорскаго величества. Тогда, принявъ въ расчетъ прежнюю ко мнѣ доброту вашего величества и мое положеніе, какъ преслѣдуемаго вашимъ предшественникомъ, я осмѣлился снова явиться въ Россію, гдѣ былъ публично обезчещенъ капитуломъ Св. Владимира, вычеркнувшимъ меня два года тому назадъ изъ числа кавалеровъ этого ордена».

Не вамъ, графъ, стану я говорить, что̀ именно слѣдовало бы отвѣчать человѣку, вздумавшему поднять покоренную страну единственно подъ предлогомъ незаконности завоеванія въ 1530 году, скрѣпленнаго торжественными трактатами, которыхъ никогда никто не оспаривалъ, и мирнымъ благоденствіемъ въ теченіе почти трехъ столѣтій. Что̀ сдѣлали бы въ Петербургѣ съ Ливонцемъ, который попытался бы освободить свою страну отъ Русской власти потому-де, что она находилась сто лѣтъ тому назадъ въ законной власти у Швеціи? Что̀ было бы на свѣтѣ вѣрнаго, если бы возвращались къ стариннымъ трактатамъ?

Но не въ этомъ цѣль моего письма. Существуетъ проектъ гораздо болѣе интересный, чѣмъ все, что̀ уже прошло и болѣе непоправимо; разсмотрѣнія заслуживаютъ единственно лишь тѣ несчастія, которыя еще можно теперь предотвратить.

По словамъ Сибура, Лагарпъ не замедлилъ взять надъ Императоромъ прежнюю свою власть, которую имѣлъ раньше въ качествѣ его наставника; онъ напомнилъ обѣщанія, которыя, Государь будучи великимъ княземъ, давалъ ему относительно исправленія, при первой возможности, тѣхъ злоупотребленій, на которыя Лагарпъ указывалъ ему въ царствованіе Екатерины II и которыя усилились при Павлѣ I. Онъ вернулъ его къ завѣтной мысли о свободѣ печати и имѣлъ удовольствіе увидать тотчасъ ея исполненіе. Онъ умиленно представлялъ Государю безконечныя опасности, которымъ постоянно подвергается деспотическій монархъ, видящій лишь въ своихъ тѣлохранителяхъ защиту своей личности и власти. Онъ изобразилъ въ самыхъ яркихъ краскахъ великую власть дворянства, котораго не уравновѣшиваетъ никакое другое сословіе и наконецъ указалъ на рѣшительную необходимость освободить мало-по-малу крестьянъ, дабы создать силу, способную противостоять случайнымъ намѣреніямъ дерзкаго дворянства, такъ часто хозяйничавшаго во дворцѣ.

Коварныя разсужденія Лагарпа объ освобожденіи крестьянъ слишкомъ замѣчательны, чтобъ о нихъ не говорить. По его мнѣнію первая

*) Pierre Ochs de Bâle (1749—1821), устроившій Базельскій миръ между Французскою республикой и Пруссіею, измѣнившей своимъ союзникамъ. П. Б.

же война, какую Россіи придется вести, можетъ, въ случаѣ рабскаго состоянія народа, сдѣлаться роковою для Имперіи и даже навсегда низвергнуть тронъ: ибо нельзя сомнѣваться, что главною заботою врага явится распространеніе въ войскахъ и въ провинціяхъ манифестовъ, обѣщающихъ безграничную свободу солдатамъ и народу, и что дѣйствіе такой мѣры будетъ причиною общаго возстанія, котораго правительство не сможетъ подавить и сдѣлается само его жертвой.

Если, наоборотъ, Императоръ воспользуется для выполненія этого освобожденія временемъ, когда онъ вполнѣ властенъ слѣдовать лишь своей волѣ, когда онъ не стѣсненъ ни войной, ни чужеземнымъ вліяніемъ на Россію, когда очевидно, что его мѣропріятія свободны: онъ долженъ разсчитывать на вѣчную благодарность народа, обязаннаго ему своимъ счастіемъ и, будучи отцомъ этого народа, онъ прибѣгнетъ къ нему въ то время, когда дворянство сдѣлается для него опаснымъ. Съ другой стороны онъ утвердитъ на самыхъ прочныхъ основахъ власть, которую ничто не поколеблетъ, разъ внѣшніе враги не смогутъ болѣе предлагать Русскимъ подданнымъ тѣхъ преимуществъ, которыя способны были бы заставить ихъ низвергнуть иго. Вамъ, графъ, этотъ планъ покажется такой же химерой, какъ онъ и мнѣ показался.

Я сдѣлалъ видъ, что смѣюсь надъ столь очевидной нелѣпостью и упрекнулъ Сибура за такую со мною шутку; но онъ утверждалъ самымъ положительнымъ образомъ, что это правда, и прибавилъ многозначительно, что Государь принялъ этотъ планъ съ такой поспѣшностью, что Лагарпъ былъ принужденъ сдерживать его, указывая часто на необходимость идти шагъ за шагомъ въ мѣропріятіяхъ такой важности.

*

Французскій подлинникъ этого письма напечатанъ въ XXVII-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“. Имя писавшаго не означено, равно и время, когда оно писано. Конечно относится оно ко второму пріѣзду Лагарпа въ Россію, т. е. къ 1801—1802 годамъ. Лагарпъ (1754—1838), пріѣхавшій къ намъ гувернеромъ Якова Дмитріевича Ланского (это братъ Екатерининa любимца), женился на дочери придворнаго банкира Бентинга, самъ хорошо умѣлъ вести свои дѣла и въ этомъ отношеніи стоилъ Россіи значительныхъ денегъ. Предоставленіе ему вліянія на внуковъ Екатерины зависѣло не столько отъ бабушки, сколько отъ матери ихъ, которая могла знать Лагарпа по сосѣдству Швейцаріи съ ея Монбельяромъ. Студентъ въ Тюбингенѣ, потомъ адвокатъ въ Бернѣ, искавшій счастія въ Америкѣ, на тогдашнемъ очагѣ политическаго свободомыслія, затѣмъ объѣздившій Италію на Русскія деньги, чиномъ полковникъ Швейцарской службы, а потомъ Русской, наконецъ Андреевскій кавалеръ, принадлежалъ къ числу лицъ, о которыхъ мѣтко выразился князь П. А. Вяземскій: „Свободныхъ мыслей коноводы—восточнымъ деспотамъ сродни“. „Живи такъ, какъ мнѣ кажется, что ты будешь счастливъ“. Родина Лагарпа испоконъ вѣку жила подъ управленіемъ старѣйшинъ и крупныхъ собственниковъ. Съ помощью Французскихъ штыковъ онъ захотѣлъ ее облагодѣтельствовать болѣе народнымъ управленіемъ. Наши историки вовсе не обращали вниманія на эту сторону дѣятельности Лагарпа; а между тѣмъ военныя поселенія въ Россіи не одного ли поля ягода? Припоминается также выраженіе Хомякова: „Пустоцвѣтъ Швейцаріи“. П. Б.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1904 года.

(ВЫПУСКИ 1, 2, 3 и 4).

521. Грамота **царя Алексѣя Михаиловича** боярину В. Б. Шереметеву.

625. Князь Константинъ-Василій Острожскій. Статья **Ѳ. М. Уманца.**

369. Изъ Ольденбургскаго великогерцогскаго архива: 1) Извѣстія о происхожденіи царицы Екатерины Первой, 2) Письмо о царствованіи ея и 3) Тайныя извѣстія о Россіи 1727 и 1728 годовъ.

523. Черты изъ домашней жизни императрицы Анны Іоанновны.

232. Дѣло о похищеніи Ризы Господней. Статья **А. А. Титова.**

5. Новгородскій помѣщикъ въ первую половину XVIII вѣка (П. М. Бестужевъ-Рюминъ). Его автобіографія, деревни и хозяйство (1738).

638 Оренбургскіе архіереи былаго времени. Статья **А. А. Титова.**

193. Митрополитъ Амвросій Подобѣдовъ. Статья **К. Я. Лаврова.**

497. О времени обѣдовъ, ужиновъ и съѣздовъ въ Москвѣ, съ 1792 по 1844 годъ. **М. Н. Макарова.**

685. Лагаринъ. Письмо о немъ его соотечественника къ графу Воронцову.

502. Эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра Павловича (П. Я. Убри).

306. Приказы **Барклая-де-Толли.** 1812 г.

43. Къ исторіи Московскаго университета: письма профессоровъ во время Московскаго разоренія 1812—1813 годовъ.

51. Разсказъ архимандрита **Макарія Глухарева** о переѣздѣ его изъ Екатеринославля въ Кострому. 1822. Съ предисловіемъ **К. В. Харламповича.**

235. Архимандритъ Макарій Глухаревъ и Тобольскіе Декабристы. **К. В. Харламповича.**

404. Посѣщеніе императрицею Маріею Ѳеодоровною села Кускова въ 1826 году. (Сообщено **графомъ С. Д. Шереметевымъ**).

622. Два разсказа современниковъ о кончинѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны.

536. Изъ домашняго архива А. Н. Булыгина, съ предисловіемъ **князя Д. Д. Оболенскаго.**

95. Сибирскіе казаки и Китайцы. Изъ воспоминаній **С. М. Броневскаго.**

301. Воспоминаніе о В. П. Зубковѣ. **К. П. П.**

115. Кавказъ Николаевскаго времени въ письмахъ его воинскихъ дѣятелей, изъ архива Б. Р. Чиляева. Съ предисловіемъ и примѣчаніями **Б. Л. Модзалевскаго.** (Письма **князей Абхазова, Бебутовыхъ, Аргутинскаго-Долгорукова, Орбельяни, Багратіонъ-Мухранскаго, Чавчавадзе, Меликова, Воронцова, Коцебу, Андріевскаго, Эспехо, Шварца, Прибиля, Юрьева, Котляревскаго, Альбранта, Гогеля, Моренца, Н. А. Грибоѣдовой, Н. П. Колюбакина** и его супруги.

70, 244, 407 и 555. Изъ писемъ **К. Я. Булгакова** къ его брату. 1832—1835 годы.

98, 286, 449 и 588. Дневникъ **И. М. Снѣгирева.** 1852— 1855 годы.

365. Митрополитъ Московскій Филаретъ о назначеніи духовныхъ лицъ въ Государственный Совѣтъ.

513. Нравы. Три разсказа **С. Т. Аксакова.**

517. Письмо **князя А. А. Шаховскаго** къ А. Х. Бенкендорфу о С. Т. Аксаковѣ.

190. Изъ писемъ къ Н. А. Елагину. 1) С. Т. Аксакова. 2) И. С. Аксакова.

443 Письма **І. М. Бодянскаго** къ А. Н. Попову.

527. А. С. Грибоѣдовъ. (Новыя о немъ свѣдѣнія). Статья **С. А. Панчулидзева.**

283. В. А. Жуковскій и А. И. Козлова. **К. Я. Грота.**

544. Заявленіе **П. В. Жуковскаго** (о рукописяхъ А. С. Пушкина).

189. Изъ письма **К. П. Побѣдоносцева** (о князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ).

368. Сценическій текстъ Пушкинской „Русалки". **В. В. Каллаша.**

512. Памяти Ѳ. И. Тютчева. Стихотвореніе **С. В. Иваненка.**

519. А. С. Хомяковъ. Замѣтка **издателя.**

683. Еще отзывъ **А. С. Хомякова** о преподобномъ Серафимѣ.

175, 326, 465 и 604. Воспоминанія **Ѳедора Александровича Гилярова.**

191. Памяти Николая Ѳедоровича Ѳедорова. **Ю. П. Бартенева.**

315, 390 и 545. Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ. Статьи **В. А. Кожевникова.**

402. Письмо **Ѳ. М. Достоевскаго** къ Н. П. Петерсону о Н. Ѳ. Ѳедоровѣ.

664. Изъ путевыхъ записокъ **епископа Владимира** о Сѣверномъ Кавказѣ. 1886.

367. О К. К. Жирардотѣ. Заявленіе бывшихъ пажей.

На 2 и 3 страницахъ обертокъ: объ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина, о пятомъ томѣ Русской Исторіи Н. М. Павлова, объ Исторіи кавалергардовъ, объ „XVIII вѣкѣ", изданіи князя Ѳ. А. Куракина, о седьмой книгѣ „Старины и Новизны" и объ осмнадцатомъ томѣ „Жизни и Трудовъ М. П. Погодина".

Знатную часть разсматриваемой книги занимаютъ бумаги графа Головкина о неудавшемся посольствѣ его въ Китай, ровно сто лѣтъ тому назадъ. Эти бумаги имѣютъ почти современное значеніе. Конецъ книги украшенъ достопамятными строками императора Николая Павловича о Пушкинѣ на докладѣ графа Бенкендорфа, приписавшаго Пушкину ходящіе до сихъ поръ въ рукописи стихи, въ которыхъ сравниваются два царствованія:

Встарь Голицынъ мудрость вѣсилъ,
Гурьевъ обиралъ народъ,
Аракчеевъ куралесилъ и пр.

Государь нашелъ, что стихи *очень милы*, но принадлежность ихъ Пушкину отрицалъ. Графъ Бенкендорфъ заявлялъ Государю мнѣніе, будто распространенію этихъ стиховъ содѣйствовала вдова Пушкина. Это вполнѣ ложно. Намъ извѣстно, что Государь выражалъ почтительное вниманіе Натальѣ Николаевнѣ и пріѣзжалъ иногда освѣдомляться объ ея здоровьѣ и о воспитаніи дѣтей поэта. Докладъ Бенкендорфа († 11 Сент. 1844) безъ означенія времени. Наталья Николаевна вновь поселилась въ Петербургѣ, для обученія двоихъ сыновей своихъ и двухъ дочерей, въ 1839 году; а вышла замужъ за П. П. Ланскаго 18 Іюля 1844 года. П. Б.

Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова.* Книга осмнадцатая. С.-П.б. 8-ка, IX и 555 стр. Посвящена К. А. Губастову.

Превосходная книга эта обнимаетъ собою только одинъ 1861 годъ, т. е. время раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ, котораго такъ желали лучшіе Русскіе люди въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, начиная съ императрицы Екатерины и князя Г. Г. Орлова. „Радость украдена на минуту первую, потому что ни одного слова народъ не понялъ ни въ Манифестѣ, ни въ Положеніи". Приведено множество важныхъ историческихъ указаній, какъ относительно крестьянскаго дѣла, такъ и о другихъ событіяхъ этого приснопамятнаго года. Трудъ Н. П. Барсукова — явленіе безпримѣрное. Такого не знаемъ и въ Европѣ. П. Б.

Въ конторѣ „Русскаго Архива" (Москва, Садовая, 175) получать можно

СТИХОТВОРЕНІЯ

Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Цѣна **40** коп., съ пересылкою **45** к.

Journal tenu par la princesse Tourkestanow (1818) et lettres de Christin à une dame de sa connaissance (1830—1831).

Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

MÉMOIRES DE LA COMTESSE EDLING.

Цѣна 3 р. съ перес.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1904 года.

(Годъ 42-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1904 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой **девять** рублей; для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Рускаго Архива“ на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“; въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автобіографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877, 1879, 1884** и **1886—1889** по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы **1890 — 1892, 1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1898 — 1903** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный—**30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни. Для переговоровъ съ издателемъ по Четвергамъ отъ 2 до 4 часовъ пополудни.

Отдѣльныя книжки 1904 года можно получать по **1 р. 25 к.**; прежнихъ годовъ—по **1 р.**

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**